

КВЧ(2-НМ.2)Е-4
Б39

Галина ВЕЧ

СВЕТОТЕНЬ

рассказы

литературное агентство

НЕО-ЛИТ

кз4(2=411.2)6-4
ВЗВ

Г А Л И Н А В Е Ч

Светотень

рассказы

9001098883

Ф
100
110

МБУК ЦБС г.Сургут
Инв № 22110901
Библиотека КР

Барнаул, 2018

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6 – 4
В – 399

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Редактор А. А. Самойлова

В – 399 Галина ВЕЧ. Светотень. Рассказы. – Барнаул:
2018. – 240 с.

Книга Галины ВЕЧ «Светотень» – это сборник рассказов о жизни, о семье, о любви. О непростых отношениях между детьми, между детьми и взрослыми, между взрослыми. То есть рассказы о нашей жизни. Все они пронизаны душевным теплом автора, его заботой о будущем.

Рассказы написаны на занятиях студии прозы литературного агентства «Нео-Лит».

Для широкого круга читателей.

Уаcно 7.

Дер гемеба

Сенокос

– Мам, дай литовку, – прошу я. – Я тоже хочу косить.

– Рано тебе ещё, не справишься, – говорит она и, отложив в сторону косу остриём в землю, добавляет: – Твоя работа – сено сгребать!

Возле покосного шалашика, где мы прячемся от дождя и храним литовки и грабли, чтобы не таскать их с собой каждый день, мама расстилает «скатерть-самобранку», раскладывает на ней привезённую с собой на сенокос снедь: яйца, отварной картофель, малосольные огурцы, сало и хлебушек, испечённый в нашей поселковой пекарне. И несколько спелых помидоров, сорванных прямо с грядки этим утром.

Ах, как же я люблю обеды под открытым небом! Всё так вкусно! Я уплетаю за обе щёки то, к чему дома даже не прикасаюсь.

Мама ест неторопливо, тщательно пережёвывая пищу, отгоняя комаров и кончиком завязанного сзади платка вытирая пот со лба. Немногословная, как сама природа, она смотрит задумчиво куда-то вдаль небольшими васильковыми глазами с расходящимися к вискам лучиками глубоких морщин и думает свою вечную думу. О чём её дума?.. Не знаю.

Папа – он другой! Он небольшого роста, худенький, но крепкий, всё делает бегом, будто куда-то торопится. Ест он также быстро, торопливо. И после еды почти сразу срывается с места, точит литовки и, не дожидаясь никого, бежит косить или грести. Максимум, что он может себе позволить, покурить после еды, и то как-то наспех.

Лес – мой дом родной. Я здесь своя. Насытившись, я ухожу по тропинке, которая ближе к болоту сужается, и меня всё плотнее обступают вековечные сосны, укрывая в тени своих зелёных лохматых крон. Там, позади, берёзовые островки в бескрайнем море травы.

Я вбираю в себя всю эту красоту, втягиваю все запахи – от преющих на солнышке ровных пожухлых валков скошенного разнотравья до тех, что излучают живые ещё растения и цветы. Меня просто распирает от радости и любви! Любви к этому прекрасному миру. И я начинаю сочинять стихи. Про чудесный лес, напоенный дождём и согретый жаркими лучами летнего солнца. Про могучие сосны и нежные берёзки, которые оживают в моём воображении...

Я уже много раз просила родителей дать мне литовку. Но мне отказывали, мол, занимайся своим делом.

– Ты, Галька, маленькая ещё, – важничал брат Витька, который всего-то на два года старше меня (ровно на два года, мы родились с ним в один день), а он уже давно косит, как взрослый мужчина. – Подрасти тебе надо.

...Сегодня мы с мамой вдвоём. Папа на работе. Утомлённая жарой и тяжёлым трудом, мама молча водит бруском по сверкающему на солнце острию – правит притупившееся от жёсткой травы лезвие.

– Ма-а-ам, ну можно я покошу, ну хотя бы немного, – затаиваю я старую песню на новый мотив.

– Ладно, попробуй, – соглашается вдруг мама.

Она вручает мне Витькину литовку, как приз, я кладу её на плечо, придерживая длинный черенок рукой, и мы идём к месту, где мама закончила косить до обеда.

Я беру в руки литовку, а мама смотрит на меня. Я стараюсь повторить мамины движения.

– Не так, – говорит мама, – левую руку чуть ниже, а то надсадишь.

Я поправляю положение руки. Мама поднимает свою литовку, размахивается – вжик – и свежая зелёная трава ложится ровным рядком. Я повторяю. Вжик... и кончик острия впивается в землю.

– Ты поднимай косу немного вверх, – советует мама, – тогда она пойдёт.

Я пробую. Ещё и ещё раз. Получается плохо. Но я как-то принаравливаюсь, и пошло-поехало.

В тот день я не выпускала литовку наравне с мамой, старалась идти следом за ней. И к вечеру у меня на руках вздулись волдыри.

– С боевым крещением, – поздравила меня мама.

А дома сказала отцу:

– Я думала, побалуется сколь-нибудь да и отстанет. А она вон весь день махала, не отставала от меня...

Теперь я косила наравне со всеми.

К концу недели, прямо перед выходными, к нам приехали погостить мамины двоюродные сёстры. Самое смешное, что эти мои тётушки были нашими с братом ровесниками: Татка одного года рождения со мной, а Любаня – с Витькой.

Любаня тихая, спокойная, рассудительная и добрая. Лёгкая полнота шла ей. Татка – гончая, как я, только меньше ростом, и конопатая. И боевая, мы с ней вечно спорили, хотя и встречались редко. Их село находилось от нашего посёлка километрах в сорока. Мы у них бывали несколько раз. Они к нам пожаловали впервые.

Приезд родственников не мог повлиять на сенокос: его никто не отменял. Мама хотела оставить нас с Витькой дома. Но тут девчонки проявили такое сильное желание поехать с нами в лес, что мама сдалась. Нашла им одежду, чтобы комары не заели, да и – на автобус.

Дорога длинная, а народу в автобусе – битком. Все едут на свои покосы. Наш – самый дальний, и по мере следования к нему салон пустеет. В конце остаётся только наша семья.

Я веду себя немножко нахально. Как будто всё вокруг моё. И лес, и земля, и малинник, и травы – вся эта красота – моя собственность. А ещё я начинаю хвастать, что уже кошу по-настоящему. Вот какая я взрослая! Полюбуйтесь. Не то что вы...

Девчонки смотрят на меня с любопытством. Как будто впервые увидели.

Мы идём на лужок, берём из шалашика всё, что нужно. При этом я небрежно закидываю литовку на плечо и шагаю уверенно – походкой опытной косильщицы, немного рисуясь перед девчонками. Любана смотрит, как мне кажется, с восхищением, Татка – с завистью.

На сей раз косить будем на болоте, лужки уже все подчистили.

– Тётъ Зой, а можно мне покосить? – просит Татка мою маму.

– Можно, – говорит мама, и тонкие её губы вытягиваются в улыбку. – Галька, – обращается она ко мне. – Дай Тате свою косу.

Мама подмигивает мне, словно сообщнице. Меня бросает в жар.

– Не дам! – отрезаю я глухо.

– Дай, – говорит мама негромко и перестаёт улыбаться. – Пускай немного попробует.

– Но она же не умеет, – привожу я последний очень весомый аргумент.

– Научится, – парирует мама и берётся за литовку.

Я вцепляюсь в неё, словно клещ.

Мама смотрит мне в глаза и подгоняет твёрдо:

– Ну же!

Я отцепляюсь и отхожу.

Они идут на болото, я в другую сторону.

Кровь стучит у меня в висках. Как же так, ведь я умею косить, а они нет! Почему мама так поступает со мной?! Мне так хочется показать Тате и Любане своё умение. Такого предательства я не могу простить даже маме.

Я, не притормаживая, выхожу на светлую, песчаную, укатанную грузовиками дорогу и двигаюсь в ту сторону, откуда мы приехали, то есть в сторону дома. А это как минимум километров 15–20.

Дорога петляет то вправо, то влево, то опускается вниз, то поднимается в сопровождении молчаливых и гордых сосен, неподвижные кроны которых упираются в глубокое безоблачное небо. Кое-где берёзы прямо над дорогой склоняют зелёные косы.

Я решительно иду по жаре в резиновых сапогах, завернутых под коленом, в пёстрых джинсах и в белой сатиновой Витькиной рубашке нараспашку, под которой хэбэшная водолазка. От солнечного удара голову охраняет белый, в весёлый цветочек платок, завязанный сзади.

Но скоро усталость берёт своё, заметив малинник, я сворачиваю на обочину. На спелые ягоды надела пыль, но я всё равно их ем. И продолжаю путь.

А вот и первый чужой покос. Тётя Фрося, дородная тётка с суровым лицом, стоит, опершись на грабли, и внимательно смотрит на меня.

– Ты куда, Галька? – спрашивает наконец она.

– Туда, – машу я рукой перед собой в сторону движения. – На Варламиху.

– А-а-а, – тянет она совершенно серьёзно, как будто так и надо.

Она смотрит на меня, как на взрослую. И будто и мысли не допускает, что я, такая хорошая со всех сторон, такая положительная девочка, могу совершить какой-то неправильный, неблагоприятный, безрассудный поступок.

И вот тут мне в первый раз за последние несколько часов становится совестно. Мне как-то не очень хочется терять доверие такой надёжной и правильной тёти Фроси.

Но делать нечего, я продолжаю путь. Ну не возвращаться же на самом деле?!

До Варламихи очень далеко идти. Пока я доковыляла до неё, день уже клонился к вечеру. Я присела на остановке – деревянная лавочка, над которой сколочен из досок небольшой навес, защищающий от солнца.

Больше тут ничего и нет. Неподаляку распростёрлось до самого, казалось, горизонта болото, очень богатое клюквой, сюда односельчане приезжают собирать эту вкусную целебную ягоду. Да покосники наезжают, да где-то в разных сторонах отсюда лесорубы валят лес, который потом отвозят МАЗами и КраЗами в посёлок на лесопильный завод.

Вообще Варламиха – это бывшая деревня, которая приказала долго жить. Название осталось, а населённый пункт исчез с лица земли. Лишь кое-где можно увидеть его останки в виде полуистлевших брёвен и могильных крестов.

Автобус приходит вечером, часам к шести, причём он не останавливается на Варламихе, куда подтянулись уже люди с близлежащих покосов, а сначала следует вглубь, подбирает моих родителей с Витькой и гостями.

Я вхожу в автобус и вижу уставшие лица отца и мамы, а на девчонках так и вовсе «лиц нет». Витька говорит:

– Ну чё ж ты, Галья, ушла? Они ведь сразу литовки-то побросали...

Больше никто не проронил ни слова. И на меня никто не смотрел. Этот немой укор ударил сильнее, чем если бы они ругались. Мне казалось, что у меня горели не только уши и щёки, но всё внутри полыхало пламенем от стыда.

Дома молчание продолжилось – за весь вечер лишь несколько дежурных фраз. Я заглядывала девчонкам в глаза, но они не замечали ни моих взглядов, ни моих стараний как-то заглядить вину.

Поужинали тем, что приготовила бабушка: суп на телячьей косточке с солёной капустой и остатки жареной картошки с мясом.

На дворе уже стояла темень. Постелились. Легли спать. Девчонок мама определила на мою кровать, а меня отправила на кухню к бабушке. Хотя прошлой ночью мы с Любаней и Татой умещались на моей кровати втроем и долго не спали, перешёптываясь и хихикая.

Утром мы с мамой и Витькой пошли в центр посёлка провожать гостей на автобус. Они уезжали домой. На подходе к почте автобус на приличной скорости обогнал нашу честную компанию, обдав пылью.

Он остановился, и многочисленные пассажиры начали входить и занимать удобные места.

И вот мы стоим возле открытой дверцы, прощаемся.

Мама обнимает сестёр поочерёдно и что-то говорит им тёплым голосом. Но слов я не слышу. Витька жмёт им руки и приглашает ещё приезжать.

Теперь моя очередь. Я робко подхожу сначала к Любане, потом к Татке и поочерёдно крепко обнимаю каждую.

– Простите меня, – говорю тихо.

Податливая и тёплая Любаня ответно прижимает меня к себе. Татка – натянутая, словно струна. Даже не улыбнулась мне. На душе у меня скребут кошки.

За всю обратную дорогу мама не проронила ни слова.

«Да хватит меня наказывать! – мысленно кричу. – Я сама уже себя наказала!»

Но мама не слышит.

19 апреля 2016 года.

Семеро одного не ждут

Я бежала от Таньки со всех ног, только пятки босые сверкали. Она была на год старше меня, уже перешла во второй класс и страшно гордилась этим. А мне только ещё предстояло этой осенью пойти в школу. Но всё равно нам было весело вместе.

Танька жила метрах в пятистах от нас, с левой стороны, если стоять спиной к нашему двору. Их двор, в глубине которого прятался дом с продолговатой крышей и синими наличниками, располагался на пригорке, прямо возле песчаной дороги, ведущей, как мне рассказывал папа, на речку Большуху, которая протекает в 18 километрах от нашего посёлка и впадает в Обь. Сразу за Танькиным огородом круто поднимались в гору сосны.

Сегодня я побежала к Таньке, чтобы сообщить ей важную новость: к нам приехали гости и мы все вместе сейчас пойдём купаться на озеро! Я могла бы и не бегать, но эти взрослые так долго собирались и мама ещё сказала, чтобы я не крутилась под ногами. Вот я и решила, что успею похвастаться Таньке, чтобы не задавалась особо. А то она в прошлый раз говорила, что ездила с родителями на речку на кузовной машине.

– Ну и что? – сказала Танька притворно-равнодушным голосом. – Подумаешь!.. А мне папка купил вчера куклу, – похвасталась она и посмотрела на меня хитрыми чёрными глазами, сузив их до щёлочек, и тряхнула для большей убедительности густым капитановым хвостом, собранным на затылке и затянутым простой резинкой.

– Врёшь, – сказала я с сомнением, хотела развернуться и убежать домой, где меня ждало необычайно интересное приключение. Но любопытство брало своё. Я осталась на месте.

– Не ве-е-ришь? – нараспев протянула Танька и округлила глаза.

– Ну и где твоя кукла? – с недоверием спросила я. – Покажи!

– Да пожалуйста, – проговорила она и пошла в дом, я – следом.

Кукла оказалась пупсом – небольшим, но симпатичным. У него двигались ручки и ножки. Танька показала мне одежду на этого пупса: распашонку и штанишки. А ещё она сама сшила из старой своей юбки халатик на него.

– Её Димой зовут, – сообщила Танька.

– Кого? – не поняла я. И покрутила головой, выискивая Диму.

– Ну, её. Куклу, – сказала Танька, посмотрев на меня с каким-то сожалением. – Это же мальчик! Ты, что ли, не понимаешь?!

Дурацкое имя, конечно. Но кукла Танькина.

– А можно я надену на него рубашку? – попросила я.

– Можно, – снисходительно разрешила она.

Мы ещё повозились немного с Танькиной куклой Димой. А потом поссорились. Я натягивала на пупса распашонку, но она была такая маленькая, что Дима в неё никак не влезал.

– Аккуратно! – предупредила Танька.

Но аккуратно не получалось. Тогда я сильно перегнула пластмассовую руку и попыталась втолкнуть её в узкий рукав.

– Что ты делаешь? Не так! Сломаешь! – закричала Танька и вырвала куклу из моих рук.

– Ну и подумаешь! – сказала я с гордостью. – Не нужна мне твоя кукла!

– Да ты мне её сломала, – запищала Танька и, расставив руки в боки, стала надвигаться на меня.

– Мне вообще-то некогда тут с тобой болтаться, – вспомнила я вдруг об обещанном мамой походе и бросилась вон, даже не закрыв калитку.

В нашем дворе было подозрительно тихо. Только бабушка на огороде собирала огурцы. У неё в ведёрке уже было несколько

ко нежно-зелёных, со светлыми продольными полосами огурчиков.

– Мам Кать, – запыхавшись, позвала я её. – А мамка где?

– Дак на озеро все пошли. А ты где носишься? – спросила бабушка, разгибая сухонькую спину.

– Я у Таньки была, – заныла я. – Чё они меня не позваали?
На какое озеро-о-о?..

– А я почём знаю.

Я знала дорогу только на одно озеро. То, что находилось в лесочке, сразу за огородами последнего в нашей краянке дома, в котором жили Чекалины. Я выскочила из ограды, пробежала мимо хозяйственных построек, сиганула через забор. И понеслась вдоль по улице к её концу. Там свернула на узкую тропинку, спускавшуюся к этому озеру.

Да и не озеро это никакое, так, болото. Края и дно илистые и вязкие, ноги засасывало. Да и грязноватое. Тут и не купался никто никогда. Мы с подружками прибежали иногда сюда, болтали ногами в воде с мостков. Да рассматривали головастиков в жёлтой, прозрачной, если не взболтаешь, воде. Наблюдали, как по гладкой поверхности плавают соседские утки с селезнем во главе.

Болото со всеми его подробностями открылось мне ещё издали. И сразу стало видно: никого там нет. Но я отказывалась верить. Подбежала по мягкой зелёной траве к самому берегу. Зачем-то зашла на мостки. Посмотрела на сосны и берёзки, отражающиеся в тёмно-зелёной воде, подсеребрённой косыми лучами солнца. Кое-где плавали белые пёрышки и покачивались на лёгких волнах возле краёв продолговатого, как яйцо, болота всякий мусор. Я осмотрела всё вокруг, вгляделась даже в глубину леса. Мамы с гостями нигде не было!

Не хотелось верить своим глазам. Куда же они все подевались?!

Тёплый летний ветерок, как бы издеваясь, трепал тонкие пряди моих светло-русых волос, выбившихся из косички.

– Ма-ма-аа! – закричала я так громко, как могла, сложив руки рупором возле губ. И ещё, и ещё раз. Но мне отвечало лишь эхо:

– А-а-а-а... – Аж жуть брала.

Я прислушалась. Стояла такая тишина, что было слышно, как стучит моё сердце, прямо где-то в ушах.

Мне стало очень больно, я подумала, что жизнь закончилась. И начала рыдать горько и безутешно. Я вспомнила все-все обиды и поняла, что меня никто не любит. И ощутила себя самым несчастным человеком на земле. Я была уверена, что это никогда не пройдёт.

Мама с гостями вернулись поздно.

– Почему вы меня не взяли? – подступила я к маме, хмуря выцветшие на солнце брови.

– Я ж тебе говорила, что пойдём на озеро... – сказала мама немножко виноватым голосом. – Так ты убежала куда-то. Где тебя искать?..

– На какое озеро? Я вас там не видела!..

– Так на Кашеево ходили...

– У! – огорчилась я ещё больше. Мало того что не дождалась, ещё и на Кашеево озеро ходили, а я его не видела ни разу. – Я у Таньки была. Почему вы меня не дождались, не позвали?

– Что ж, я на всю округу орать буду... И вообще, семеро одного не ждут, – отрезала мама.

– Ты меня не любишь! – сказала я маме и начала реветь горько и безостановочно.

Тогда мама обняла меня и сказала:

– Не реви, дурёха. Ну куда оно от тебя денется, озеро? Хоть вот завтра соберёмся да и сходим.

Кашеево озеро

В жаркий июльский денёк три неразлучные подружки отправляются на озеро Осокино, что в трёх километрах от посёлка. Дорога песчаная – босые пятки кое-где утопают почти по щиколотку – змейкой вьётся по косогорам и пригоркам, утыканным высокими мохнатыми соснами, зеленокудрыми берёзами, молодой порослью и кустарником. Тенью своей деревья наполовину прикрывают дорогу от палящего солнца, уже вышедшего из зенита и устремившегося на запад. Девчонки жмутся ближе к обочине, где тенёк.

На озеро они ходят каждый день, маршрут привычный, и преодолевают его без напряжения. Плещаются в тёплой прозрачной водице обычно до самого вечера, лишь изредка выбираясь на берег. Лежат на солнышке в песке, греются... И обратно в воду. А то и в лесок сбегают, ягоду поклюют... А потом снова ныряют аж до посинения. Ну чисто русалки.

Сегодня на озере народу много. Две молодые семейные пары с маленькими детьми, взрослые девушки и парни – человек, наверное, восемь, да пацаны чуть помладше подруг. Приставучие. Ну да девчонки умеют справляться с надоедливой мелюзгой.

Первой из воды выбегает Нинка, младшая из подруг, не по возрасту серьёзная, небольшого росточка, плотненькая, как боровичок, круглолицая, косы корзиночкой. Она плюхается на горячий песок недалеко от кромки берега и смотрит, прищурившись, на переливающуюся, словно рыба чешуя, поверхность озера – выше и дальше купальщиков. Её гусиная кожа постепенно приходит в норму.

– 3-333-замёрзла, – клацает зубами Танька, выскочившая из воды чуть позже.

Бухается возле Нинки, вытянув длинное, узкое, как у се-
лёдки, тело, подгребая под себя песок. Она дрожит, её немного
жеребьяче лицо кажется бледным на фоне синих от холода губ.
Она прикрывает длинными ресницами лошадиные же, слегка
вытянутые, большие глаза и упирается подбородком в песоч-
ную кучку. Тёмно-русовая чёлка нависает над правой полумеся-
цем бровью.

Спустя какое-то время, когда девчонки уже успевают со-
греться и обсохнуть, выбирается на берег Галька, высокая
худенькая скуластая девочка с остриженной под мальчика
русоволосой головой. Она улыбается одним уголком пухлых,
красивого рисунка губ, поднимает кверху курносый нос и,
прислонив ладонь ребром ко лбу, смотрит на облака.

– Галь, тебе не холодно? – спрашивает Танька.

– Нисколечки! Мне, наоборот, жарко.

– А почему ты никогда не мёрзнешь? – подаёт голос и Нин-
ка, блаженно потягиваясь.

– Потому что я – ру-сал-ка! – последнее слово, дурачась,
она говорит нараспев. И присаживается рядом с девчонками,
поджав и обняв руками колени.

– Ой, ну ты даёшь!.. Нет никаких русалок на белом свете, –
скептически замечает Нинка.

– И правда, Галь, не бывает русалок, – поддерживает её
Танька, тревожно оглядываясь по сторонам.

– Как это не бывает?! Очень даже бывает, – лениво париру-
ет Галька.

– Сказки всё это, – иронично усмехается Нинка. – Кто-то
сочиняет, а такие, как вы, дурёхи, верят...

– Не ве-е-ри-ишь?! – оживляется вдруг Галька, быстренько
разворачивается, укладывается рядом с подругами – голова к
голове и, понизив голос, начинает говорить горячо, округляя
при этом зелёные, русалочьи глаза. – Мне мой брат Витька рас-
сказывал, что на озере Кашеево и русалки водятся, и вообще
всякая нечисть, потому что во время войны туда сбрасывали
мёртвых калмыков...

У Таньки глаза испуганные, Нинка смотрит на подруг с видом старшей сестры и с какой-то взрослой жалостливостью. Но внутренне и она заметно напрягается.

– ...Иногда русалки из воды выныривают и всех, кто в это время оказался рядом, топят, - продолжает Галька, напуская страха. – И утопленники каждый вечер выходят наружу, хватают тех, кто рядом, и – на дно!

– Откуда Витька это знает? – спрашивает недоверчивая Нинка.

– А им Пал Палыч, учитель по труду, рассказывал, он сам видел... – на ходу сочиняет Галька.

И тут к девчонкам подкрадывается толстощёкий Вовка с ведёрком воды и окатывает Таньку.

– А-а-а! – пронзительно визжит Танька и вскакивает, как ошпаренная.

Следом за ней – подружки.

– Хи-хи-ха-ха, хи-хи-ха-ха, – заливаются довольным смехом пацаны. – Во! Напугали!.. Получилось! – орут они, отбежав на безопасное расстояние.

– Дураки! – вопит Танька срывающимся голосом.

– Сама дура, – незамедлительно отвечает Вовка.

– Ну, мелюзга, ну, я сейчас вам покажу, где раки зимуют, – предупреждает Галька и бежит за мальчишками.

Её примеру следует и Танька. Галька догоняет Вовку и отвешивает ему подзатыльник. Тот обижается – ах, ты так! – и гонится за Галькой. Она сигает в воду и быстро уплывает на середину озера.

– Ну, погоди, я тебя ещё достану! Ты у меня ещё попляшешь! – кричит Вовка, размазывая слёзы по щекам.

Танька догоняет крепыша Мишку и не больно, но звонко шлёпает его ладонью по спине. Нинка всё это время сидит на песке и молча наблюдает за беготнёй. Потом присоединяется к Таньке, и они вместе гоняют пацанов до тех пор, пока все не устают.

Вскоре мальчишки уходят домой. Постепенно озеро пустеет. Остаются две влюблённые парочки, в обнимку сидящие на берегу. На уставшую от жары землю опускается вечер, но и он прохлады не приносит. Напоённая допьяна солнечным теплом земля теперь сама источает тепло, согревая атмосферу.

Девчонки собираются домой. Надевают платица и, перейдя через дорогу, слегка углубляются в лес, где в густой траве ещё полно земляники. Они горстями едят сладкую, таящую во рту ягоду и чуть ли не мурлыкают от удовольствия.

– Смотрите, – зовёт Галька подруг, – вот эта лесная тропа как раз к Кащееву озеру выходит. Кстати, управляет всеми там Кащей Бессмертный, не зря же озеро называется Кащеевым...

– Да хватит придумывать уже, – строго говорит Нинка. – Название озера происходит от фамилии Кащеевы – это, во-первых. А во-вторых, не существует никаких кащеев, русалок и им подобных существ. Всё это вы-дум-ка.

– Ты мне не веришь?! – ерепенится Галька.

– Ой, а если правда есть! – Танька озирается по сторонам.

– Враки всё, говорю же, – твердит своё Нинка и усмехается.

– Ты, что же, совсем не боишься? – Галька смотрит на подругу с вызовом.

– А чего бояться-то?!

– А слабо пойти сейчас на озеро?..

Нинка не отводит насмешливых глаз от Гальки.

– Да подумаешь! Да что здесь такого! – ухмыляется она.

– Тогда пойдём?!

– Пойдём. Только про русалок мне больше не рассказывай, ладно? Нет их там...

– А вот мы и проверим. И давай на спор.

– Ой, девчонки, может, не надо, – волнуется Танька.

Ей не хочется на ночь глядя идти на колдовское озеро.

– Вот трусиха, господи, – ворчит Нинка. – Ничего тут такого нет. Дойдём, посмотрим, и назад.

И первой ступает на тропу. За ней Галька. Танька медлит.

Солнце уходит за горизонт, день угасает. Мрачный тёмный лес таит в себе опасность. И всё же Танька решается, бежит следом за подругами и втискивается между ними.

– Ой, можно я в серёдке пойду?!

– Да пожалуйста, – разрешает Галька.

Тропинка узкая, девчонки идут гуськом и не очень быстро. Под ногами лежат мягким ковром пожелтевшие от времени иголки, сосновые шишки беспорядочно валяются, корневища деревьев вдруг выскакивают на поверхность, преграждая путь припозднившимся странникам. Не сильный, но порывистый и тёплый ветерок гуляет среди деревьев, и те шепчутся между собой, качают ветками, будто удивляются незваным гостям и запрещают им вторгаться в таинственный свой мир.

– Ффыыыр! – раздаётся вдруг резкий звук, и с правой стороны почти из-под самых Нинкиных ног взлетает нечто огромное. Нинка вздрагивает и замирает, Танька визжит, Гальку с головы до ног окатывает волна страха, но она первая приходит в себя.

– И чего вы испугались? Это же обыкновенная куропатка...

– Ничего мы не испугались, – говорит Нинка. – Просто неожиданно как-то...

– Ну, тогда пойдём?.. – предлагает Галька и внимательно смотрит на Нинку.

Видно по всему, что она уже не рада сомнительной своей затее, но и отступить не хочет.

– Ой, девчонки, давайте вернёмся, – просит Танька, в огромных её глазах дрожит страх.

– Да мы уже столько прошли – и назад?! Нет уж, дудки! – не соглашается Нинка. – Только вперёд! – И уверенно шагает в сторону озера.

Танька в сомнениях, но Галька слегка подталкивает её, и они двигаются следом за Нинкой.

– Уже совсем темно становится... мне страшно... идёмте домой, – канючит Танька.

Наконец вдали среди сплошных зарослей смешанного леса показывается просвет. Идти становится веселее. И вот путешественницы уже идут по-над самым озером. Оно внизу, как бы в котловане, и даже сквозь стройные стволы сосен кажется величественным.

Огромная тёмно-синяя субстанция, словно гипнозом, приковывает взгляды присмиривших девчонок. Покрытое лёгкой дымкой тумана, озеро живёт своей таинственной жизнью. Звонящая тишина подчёркивает живописную картину.

Подруги молча любят чудесным пейзажем. Звонит в ушах тишина и цикады, даже ветер, кажется, замирает вблизи воды.

– Да хватит уже стоять... – Эти Нинкины слова, словно выстрел в тишине, звонким эхом отдаются по округе и пугают девчат. Танька визжит и прикрывает голову руками.

– Ты обалдела, что ли?... – кричит Галька на Нинку и несильно толкает её в плечо.

– Вы чего-о... – пугается Нинка. – Я ж просто сказала...

– Сказала она... нечего было орать!

– Да я нормально сказала. Это вы такие тут пугливые все...

– Ой, ой, мамонька, – шепчет Танька, вцепившись обеими руками в Гальку и прячась за неё. – Ой, кто это там?!

– Да где кто? – не понимают подруги.

– Там, – говорит неопределённо Танька и смотрит расширившимися от ужаса глазами в противоположную от озера сторону.

Девчонкам передаётся паника подруги. Они жмутся друг к дружке и, проследив направление Танькиного взгляда, исследуют глазами всё пространство.

– Там кто-то стоит в шляпе, вон, вон, смотрите, – говорит тихим дрожащим голосом Танька, и подружки, не сговариваясь, падают в траву за тропинкой.

Танька опускает лицо вниз и закрывает голову руками. Нинка и Галька напряжённо вглядываются в чёрную фигуру в плаще и шляпе.

– Если мужик будет приближаться, надо бежать, – шепчет Галька, клацая зубами. Они переглядываются с Нинкой, переводят понимающий взгляд на неменяемую Таньку. – А что с ней?

– Тань, Тань, – тянет её за руку Галька. Та не отвечает. – Давай мы тихонько полежим тут, может, он пройдёт и не заметит нас, – предлагает она.

Деваться некуда. Минут десять они лежат неподвижно. Нинка не сводит глаз с чёрного человека. Галька опять трогает Таньку.

– Тань, успокойся, он нас не заметит, полежим тут немного да и пойдём. Но если что, надо бежать, иначе хана. Поняла?

Танька подняла голову, трясась, как овечий хвост, кивнула.

– Да он не двигается, он на одном месте стоит, – говорит Нинка и поднимается на четвереньки. Снова мучительно вглядывается в чёрного человека.

– Надо уходить тихонько, – предлагает Галька.

– Нет, тогда он нас точно заметит. Полежим ещё. Может, уйдёт.

Лежат. Диспозиция остаётся прежней. Мужик в чёрном плаще и шляпе не сдвигается ни на сантиметр. Галька теряет терпение, проползает по-пластунски несколько метров вперёд, приподнимается и пристально вглядывается вдаль.

– Во даёт! – не то восхищённо, не то осуждающе восклицает Танька, не переставая дрожать.

Через некоторое время Галька встаёт в полный рост и начинает нервно смеяться, держась за живот и раскачиваясь взад-вперёд, как болванчик.

– Спятила, – догадывается Нинка.

Девчонки с ужасом смотрят на подругу. Галька показывает пальцем в сторону «чёрного человека» и опять хохочет. До изнеможения. Смех переходит в слёзы, она садится на землю и утыкает лицо в колени.

– Ой, не могу, – поднимает наконец голову Галька и подзывает рукой подруг. Те не двигаются с места.

– Да идите уже, не бойтесь. Не человек это никакой. А дерево засохшее...

Подруги нехотя встают, недоверчиво вглядываются вдаль. Подходят ближе. Смотрят внимательно.

– О боже! – восклицает Танька.

– И правда дерево, – констатирует Нинка.

Они медленно приближаются к предмету, так напугавшему их, и тоже начинают посмеиваться. Высохшее дерево, сосна, судя по всему, не хотело умирать, цепко ухватившись корнями за землю, оно стоит совершенно голое, один ствол, этакий крупный пенёк высотой метра два, с сухими, торчащими в разные стороны ветками, которые девчонки приняли за руки, и с утолщением вверху, издали так напоминавшим голову человека.

– Такое толстое, – говорит Нинка, они с Галькой обхватывают дерево с двух сторон, их руки едва дотягиваются друг до друга. – Ого! – восхищается Нинка.

– Да, неслабое деревце было, – подтверждает Галька.

– Ужас какой-то! Давайте не будем больше паниковать и сами себя накручивать, уже дойдём до конца озера, да и – домой, – предлагает Нинка. – Вот мы ведь сами нагнали на себя страху, а ничего такого и нет.

– Так уж и нет... – произносит Галька задумчиво.

– Хватит уже! – сердится Нинка. – А то мы точно домой сегодня не попадём, просто от страха помрём.

Танька зябко передёргивает плечами.

Девчонки отправляются дальше. Они идут по тропинке вдоль вытянутого, неправильной формы озера. Сбегают вниз, обходят дальний край озера, поднимаются на пригорок, покрытый лишь густой зелёной травой. И по песчаной неширокой дорожке спускаются прямо к воде.

Словно зачарованные, подруги смотрят на колдовское озеро. Они не замечают, как становится совсем темно, даже здесь, на открытом пространстве. И только когда из-за деревьев появляется яркая, почти что круглая луна и отбрасывает до самой

середины озера лунную дорожку, девчонки приходят в себя.

– Что вы стоите как истуканы, – нарушает тишину Нинка.

Девчонки вздрагивают. Шикают на неё, начинают смеяться, пугая девственную тишину.

Озеро не отпускает их, оно манит к себе сказочной красотой.

Девчонки скидывают с себя одежду – зря, что ли, пришли? И, подбадривая друг дружку, звонко, с разбега, почти одновременно прыгают в озеро.

Вода тёплая, как парное молоко. Плыть одно наслаждение. Но они далеко не заплывают, барахтаются возле берега. А чтобы прогнать страх и внутреннее напряжение, куражатся, как могут.

– Ван-да-на! Я тебя люб-лю-у-у-у! – кричит Галька фразу из телесериала.

Эхо разносит слова по всему лесу. Весело до жути!

– Ван-да-на-а-а... – подхватывают следом девчонки, слушают эхо и неистово хохочут.

И вдруг в самый разгар веселья Танька замирает и тихим срывающимся голосом спрашивает:

– Ой, девочки, кто это?!

– Где?! Где?! – мгновенно отзываются подруги.

– А вон там, – машет Танька рукой в сторону противоположного конца берега, туда, откуда они пришли.

– Опять ты... – начинает говорить Нинка и обрывает себя на полуслове.

Там по самой воде движется чёрный человек в длинном плаще...

– Ой, утопленник... – срывается с чьих-то уст.

Девчонки, не сговариваясь, словно ошпаренные, выскакивают на берег и, подхватив платица, бегут что есть мочи назад, в ту сторону, где посёлок. Но не по тропе вдоль озера, где неминуемо столкнулись бы с приведением, а напрямик, через лес: тёмный непроходимый, нашпигованный опасностями.

Не разбирая дороги, не чуя под собой ног, они несутся по буеракам, перепрыгивая через поваленные деревья, проваливаясь в ямы, цепляясь за кустарники и ветви деревьев.

– А-а-а! – кричит Танька и летит, запнувшись за пенёк.

Девчонки подхватывают её под руки и бегут дальше. Танька слегка прихрамывает. Она немного отстаёт.

И тут кто-то хватает её за подол платья.

Она вырывается с диким воплем, прибавляет скорость, догоняет девчат, и они бегут со всей мочи, пока дыхание не становится тяжёлым.

– Я больше не могу, – стонет Танька.

– Потерпи, – подбадривает её Галька. – Скоро откроется второе дыхание и будет легче.

– Да когда ж оно откроется-то?! – хнычет Танька. – Не могу больше...

Нинка бежит молча, не расходует силы на посторонние разговоры. Но и она замедляет шаг из солидарности с подругами.

Позади, в темноте, слышится тяжёлый топот ног.

Вблизи ухает филин.

– А-а-а-а-а-а! – орут девчонки и бегут, бегут, бегут...

Только бы не упасть!

Наконец они выскакивают на дорогу. Бежать и легко – нет невидимых препятствий, и трудно, потому что песок. Высвободившаяся из лесного плена луна, словно фонарь, подсвечивает беглянкам дорогу. Ужас гонит девчат вперёд и вперёд. И уже ни на дыхание, ни на усталость – ни на что не обращают они внимания. Лишь бы добежать! Лишь бы спастись!

И вот уже окраина посёлка. Виден первый дом.

Девчонки испуганно озираются.

Позади никого нет. Преследователь отстал.

Подруги решаются перевести дух, переходя на шаг.

И тут из-за поворота появляется Он – Чёрный Плащ, тот, кто был на озере!!!

Галька с Нинкой мгновенно срываются с места и несутся

вперёд, оглушая сонный посёлок истошным криком. А Танька застывает на месте, словно истукан, не в силах оторвать от земли ставшие вдруг ватными ноги. И... падает наземь.

Последнее, что доходит до её затухающего сознания.

– Доченька! Родная моя!..

Чёрный человек подхватывает Таньку на руки и, тяжело передвигая по песку ноги в кирзовых сапогах, идёт с ней.

– Доченька, милая моя! Куда ж вы бежали-то? Я кричу, кричу, а вы не слышите. Уже ночь на дворе, а вас всё нет! – как бы оправдываясь, объясняет Танин папа. – Мне мальчишки сказали, что видели вас в лесу. Я пошёл искать...

Танька открывает глаза. Крепко обнимает отца за шею, счастливо улыбается и... снова погружается в бессознательное... а точнее, попросту засыпает. Её сознание должно немного отдохнуть от слишком насыщенного переживаниями дня.

16 сентября 2016 года.

Люди и медведи

Николай Сапрыкин с женой Люсей и трёхлетним сынишкой Никитой возвращались домой из отпуска. Две недели отдыхали в Анапе. Летали туда самолётом из Сургута – до Сургута поехали на своей машине, потом оставили её у Люсиной сестры, слетали, отдохнули. Вернувшись, погостили у сестры пару дней. И вот сегодня, захав по пути в торгово-развлекательный центр за впечатлениями и покупками – обновок купили, сына на аттракционы сводили, даже успели вместе посмотреть детский мультфильм в 3D, – Сапрыкины направились в своё родное село.

На заднем сиденье рядом с Никитой примостился сосед Петрович – худой и костлявый. Он встретился им случайно на выходе из центра. Николай предложил Петровичу, добравшемуся сюда с оказией, поехать с ними.

Дорога до села неблизкая. Николай спешил успеть до темноты. По асфальтированной дороге, когда не было встречных машин, он гнал свой внедорожник до 110 километров в час. Конечно, мог бы и больше, но за спиной в детском кресле сидел его сын, а рядом, на переднем сиденье, – жена-красавица. Николай мельком взглянул на неё, как сфотографировал: русые волосы свободно спадали на плечи, выразительные глаза, словно фары с подсветкой, сияли голубизной. Люся мгновенно отреагировала на взгляд, повернула к нему аккуратную голову и сложила губки бантиком, как бы спрашивая: что, милый? Он мотнул головой – ничего, всё в порядке. Она улыбнулась светло и спокойно...

Ну разве мог он подвергать опасности самых дорогих и любимых ему людей?! Профессиональный водитель, он знал цену лихачеству и никогда не позволял себе небрежного вождения.

Дорогой разговоры шли о том о сём. Петрович расспраши-

вал, как там, в Анапе, делая ударение на последнем слоге. Как море, как погода?.. Сказал, что и тут, у нас, лето нынче на удивление выдалось. Вот и август, наряду с июнем и июлем, был необычайно тёплым...

Когда свернули на просёлочную дорогу, Николай и вовсе снизил скорость и ехал теперь осторожно, чтобы не растрясти задремавшего сына.

– Слышь, Николай, – позвал Петрович. – Тут, говорят, медведи у нас появились.

– Эка новость, да они по всему району, да что там району, по всему округу шастают, – отозвался Николай.

– Да эт, конечно, не новость. Но у нас-то прям в селе их видели!.. К Семёнычу вон в огород наведывались, перепугали до смерти... кха-кха-кха, – не то засмеялся, не то закашлялся Петрович.

– Да ты что?! – не поверил Николай.

– Точно тебе говорю! Ещё видели – возле мусорных баков околачивались два взрослых медведя. А с имя и медвежонок... Так, слышь, наши люди, вместо того что б бежать без оглядки, селфи начали делать... тьфу ты, на их эти заморские слова, фотографироваться, значит, на их фоне...

– С медведями?!

– Ну.

– Ужас какой, не может быть! – не поверила Люся. – Так ведь и до беды недалеко.

– Говорят... – неопределённо протянул Петрович. – За что купил, за то продаю. И медведи людей не боятся, вот ведь что интересно... – Петрович снял кепку и почесал коротко стриженный затылок.

Притихли, задумались каждый о своём.

Вдруг Николай резко затормозил. Люся и Петрович дёрнулись вперёд. Открыл глаза спавший в детском кресле Никита.

Прямо посередине колеи, почти возле самого капота, стоял на задних лапах огромный медведь.

– Ой-ё-п-ттть, – не сдержался Петрович. – Лёгко на помине...
Взвизгнула Люся. Николай вцепился в руль, унимая дрожь в руках.

Мишка упёрся в капот передними лапами, как руками, и заревел, отводя морду в сторону и вверх.

Взрослые сидели в салоне автомобиля не шелохнувшись. Никита таращил любопытные глазёнки на зверя.

– Ой, что же теперь будет? – прошептала Люся, боясь пошевелиться.

– Может, уйдёт, – предположил Николай.

– Или раздавит, – подал голос сзади Петрович.

Люся на него зашикала. Николай строго глянул на Петровича и сказал жене:

– Да ничего, поди. Посидим тихонько, он и отвяжется.

Медведь не переставал реветь.

– Может, напугать его, погудеть, – посоветовал Петрович.

Николай легонько нажал на клаксон. Звук вырвался резкий, но не сильный.

Медведь отпрянул от автомобиля, но через мгновение снова опёрся передними лапами на капот, быстро перебрался к водительской кабине и заглянул в окошко. Николай резко дёрнулся, отклоняясь к Люсе. Медведь закричал, поднимая голову вверх и вбок. Потом вдруг отбежал в сторону. И снова приблизился... А потом снова отбежал.

– Может, рвануть, и делов-то... – посоветовал Петрович.

– Не-э, хуже будет, – не согласился Николай. – Догонит! Они знаешь как быстро бегают!.. И раздавит. Вишь, машина какая...

– Что ж мы так и будем сидеть тут, смерти ожидаючи? – не выдержал Петрович.

Медведь продолжал метаться и реветь.

– Коль, он вроде как зовёт куда-то... – неуверенно сказала вдруг Люся.

– Ага, зовёт! – опять встрял Петрович. – Эта зверюга только раз обнимет, и мокрого места не останется...

Николай сидел с застывшим бледным лицом и задумчиво глядел куда-то вдаль. Он понимал всю опасность и безвыходность ситуации, в которой они оказались. Впервые за всю свою жизнь он не знал, что делать. Но надо было на что-то решиться, что-нибудь предпринять, чтобы спасти свою семью, да и того же Петровича. Всю ответственность за этих людей он принимал на себя.

Медведь то подходил к водительской двери, то отбегал по дороге. Он ревел, мотал головой... словно действительно звал. А запylённое окно не давало рассмотреть, что там впереди.

И вдруг Николай решился.

Когда медведь в очередной раз отошёл, Николай опасливо приоткрыл дверцу автомобиля и высунулся, чтобы рассмотреть, что там.

– Ох, ёлки, – вздохнул он и обернулся на любимого сынишку.

– Что?.. – не выдержала Люся, подалась к мужу, пытаясь разглядеть.

– Никакой не медведь это, – сказал Николай, вставая на землю. – Это медведица. Мать.

Едва Николай вышел из машины, медведица перестала метаться. Она остановилась возле своего детёныша, которого скрывала высокая трава.

У медвежонка на голове крепко сидело ведро. Он пытался стряхнуть его с себя, раскачиваясь всем корпусом из стороны в сторону, помогая себе лапами, но у него ничего не выходило.

Николай повернулся к сыну, тот смотрел на него смышлёнными глазёнками, такой родной и любимый! И такой беспомощный... На самом деле нуждающийся в его защите.

А ведь медвежонок такой же ребёнок – ёкнуло в сердце. И он попал в беду. А медведица – мать... И она просит помощи у людей.

Николай шире распахнул дверцу.

– Коля, не ходи! – воскликнула испуганно Люся. – Не пущу! – добавила она и вцепилась в мужнину руку.

– Задерёт, – присоединился и Петрович.

Николай строго глянул на жену и мягко, но убедительно сказал:

– Отпусти.

Люся не осмелилась возразить, лишь прижала руку к губам.

Николай осторожно выбрался наружу. Сделал несколько шагов по направлению к медведям.

Медведица, будто поняв, о чём говорят люди, отбежала в сторону и снова заревела.

Николай немного продвинулся вперёд. И остановился.

Медведица отбежала ещё дальше.

Николай медленно приблизился к медвежонку. Не выпуская медведицу из виду, он попытался снять ведро с головы медвежонка.

Медвежонок был испуган. Он упирался, дёргался.

Николай аккуратно, чтобы не причинить малышу лишней боли, не делая резких движений, приподнял ведро, выровнял его и, покачивая, потянул.

Наконец ему удалось освободить из ведёрного плена медвежонка. И тот со всех ног бросился к матери, медведица кинулась к нему навстречу.

Николай, потихоньку пятясь, вернулся к машине, сел и закрыл дверцу. И выдохнул наконец с облегчением.

Он немного посидел, справляясь с нахлынувшей неожиданно слабостью. Потом включил зажигание всё ещё трясущимися руками и тихо стронулся с места.

Не успели отъехать, как Никита вдруг показал пальчиком в сторону и сказал:

– Мишка.

– Ой, а вон и третий медведь, – тревожно подтвердила Люся.

– Семейка! – резюмировал Петрович, рассматривая в окно огромного медведя-самца.

– Смотрите, смотрите! – закричала Люся, когда они уже проехали с полкилометра.

Медведь бежал по обочине так быстро, словно не касался земли. Было такое впечатление, что он летит.

– Огромный... Интересно, он сердится за то, что его медвежонок попал в беду, или благодарит за спасение сына?.. – прибавляя газу, задал риторический вопрос Николай.

В кабине машины повисло тревожное напряжение. Николай, стиснув зубы, вцепился сильнее в руль.

Медведь тоже прибавил скорость и скоро поравнялся с машиной. Он бежал с водительской стороны, заглядывая в окошко.

На какое-то мгновение взгляды Николая и медведя встретились.

И вдруг зверь притормозил, взревел и, повернув в обратную сторону, помчался назад, к своей семье.

– Уф, – выдохнул Николай и провёл тыльной стороной ладони по лбу, смахивая выступивший пот.

– Слава тебе, Господи! – проговорила мертвенными губами вжавшаяся в сиденье Люся и повернулась к сыну.

Никита сидел спокойно. Он как ни в чём не бывало спросил:

– Мам, пап, а правда, Мишки быстро бегают?!

– Правда, – подтвердил Николай.

– Эт нам повезло сегодня, – вздохнул Петрович, едва приходя в себя. – Легко отделались... Могло быть хуже... Как ты насмелился выйти-то? Я б ни в жисть!

– Да уж, – согласился Николай, всё ещё тревожно поглядывая на сына, за которого сильно испугался.

Он вспомнил детскую мордочку медвежонка, его открытые, как у ребёнка, глаза... испуганные... «Всё как у людей!» – подумал, а вслух сказал:

– Медведь – страшный зверь: сильный, быстрый, дикий...

– И ничего не страшный! – возразил Никита. – Он большой и добрый. А ещё он детей любит. Маша с ним в лесу живёт. Он ей всё-всё разрешает!

Люся в растерянности посмотрела на мужа.

– Так то в сказке, сынок! – возразил Николай.

– Ну ты же спас медвежонка! – не соглашался сын.

– Так то медвежонок, – не нашёлся, что ответить сыну Николаю.

– Ну и что?.. Медведи, они, как и люди. Они умные и добрые, – стоял на своём Никита.

Николай не знал, как убедить сына в том, что медведь – это зверь, что его поведение непредсказуемо и он очень опасен. Что встреча человека с медведем в лесу чаще всего заканчивается трагически. Вот и сегодня могло случиться несчастье. И, слава богу, всё обошлось.

«Я объясню это сыну позже», – подумал Николай, пристально вглядываясь вдаль.

Неделю Николай был на вахте. Домой возвратился в понедельник. Он решил сам забрать Никиту из садика пораньше, сразу после сон-часа. Соскучился. По сыну и по жене. Люся в это время была ещё на работе – в детской школе искусств, где она преподавала фортепиано.

– Марьяванна! – позвал Николай воспитательницу. – Я за Никитой.

– За Никитушкой, – расплылась в улыбке Марья Ивановна, пожилая, добродушная, мягкая во всех отношениях женщина, проработавшая в детском саду не один десяток лет. Она ещё Николая в своё время нянчила. И сейчас залюбовалась своим воспитанником – черноглазый, черноволосый, чисто цыган. Никита – копия папкина, вот только глаза материны – голубые.

– Так они ещё спят, Коленька! Рановато ты что-то.

– Да я с вахты, Марьяванна. Соскучился!

– Понятно. Пойду разбужу. Всё равно скоро вставать де-тишкам.

Марья Ивановна ушла, но быстро вернулась. Она была рас-теряна.

У Николая как-то неприятно заняло под ложечкой.

– Коленька, а Никиты-то нету-у, – развела руками воспитательница.

– Как нету?! Марьиванна, а вы хорошо смотрели?

– Кроватка пустая...

– Ну, может, упал, под кровать закатился...

– Да смотрела я, нет его там.

– В туалете? В группе?.. – не сдавался Николай.

– Я смотрела. Нигде...

Николай сорвался с места, залетел в группу и сам всё тщательно обследовал. Каждый сантиметр – в группе, в спальне, на кухне, в туалетной комнате...

Никиты нигде не было.

Николай снова забежал в группу.

Все дети спали. И лишь одна девочка быстро закрыла глаза, когда увидела Никитиною отца.

Он склонился над ней, но она никак не отреагировала.

«Значит, показалось», – подумал он.

Марья Ивановна следовала за ним по пятам.

– Я прям не знаю, что и думать, – жалобно повторяла воспитательница, смахивая слёзы. – Ну вот куда он мог деться?.. После дневной прогулки мы вернулись в группу, пообедали, а потом, после высадки на горшки, все пошли спать.

– И Никита?

– Конечно.

– А во время сна он не мог выйти?..

– Да мимо меня мышь не проскользнёт!.. Мы с помощницей всё время в группе находимся. И если бы вышел кто-нибудь, обязательно бы заметили.

С потерянным лицом Николай выскочил на улицу, обежал вокруг садика.

Марья Ивановна всполошила всех. Воспитатели, нянечки, медработники, вахтёры во главе с заведующей детсадом осмотрели каждый закуток внутри помещения.

Никиты нигде не было.

Николай беспомощно опустил на детсадовское крылечко и, обхватив голову руками, стал лихорадочно соображать: что же теперь делать, где искать сына?.. Что с ним могло случиться?.. Да всё что угодно!..

Он взревел, как раненый зверь, сорвался с места – надо искать! Всюду! Где только можно! Надо пройти по улицам, по соседям!..

Сарафанное радио разнесло неприятную весть по всему селу. Прибежала Люся. Бледная. Никакая. Увидев беспомощные жалостливые глаза мужа, который спешил к ней навстречу, бухнулась в обморок.

Ей поднесли под нос нашатырь. Очнулась. Медработник протянула горсть таблеток валерьянки, Люся все закинула в рот и проглотила не запивая.

Подъехала глава сельского поселения. Обхватила крупными руками Люсю, прижала к могучему своему телу. Сказала, чтобы она не тратила силы на переживания, что силы ей пригодятся для того, чтобы найти ребёнка, и что они Никиту непременно всем миром найдут.

Народ прибывал. Подъехал на мотоцикле с люлькой участковый. Поздоровался со всеми и отдельно с главой поселения.

– Что тут у вас произошло? – спросил полицейский, строго глядя на заведующую.

Загалдели все разом, что пропал ребёнок.

– Тихо, тихо! – остановил полицейский. – Не все сразу!

Он был местный, односельчане помнили его ещё босоногим мальчишкой, и ему приходилось напускать на себя важность, чтобы его принимали всерьёз.

– У нас пропал ребёнок, – сказала взволнованным голосом заведующая детсадом.

– Как пропал?! – не поверил участковый.

– Он был в садике, – начала объяснять заведующая, всё больше волнуясь, – а потом куда-то исчез...

– Кто он? – переспросил страж законпорядка.

– Никита. Сапрыкин, – опять загалдел народ.

Участковый строго глянул на них и махнул рукой, как дирижёр оркестру. Все умолкли.

– Как мог пропасть ребёнок из сада? – обратился он к заведующей.

– Не доглядели, – вздохнула заведующая. – На самом деле он не мог просто так исчезнуть. У Марьи Ивановны догляд хороший, да ты и сам знаешь, Федяня.

– Знаю, – буркнул участковый.

– Ну куда он мог деться? Я всё время рядом была... Как так, не доглядела? – переживала и казнила себя Марья Ивановна.

Люся тихо плакала на лавочке, Николай, приобняв её за плечи, сидел рядом и говорил вполголоса. Успокаивал.

– Мы его обязательно найдём, слышишь, родная, обязательно!

– Если мальчик незаметно вышел за пределы детского сада, то куда он мог направиться? – спросил участковый. – Может, его кто-нибудь видел? – обратился он к жителям.

Все молчали, виновато отводя глаза. Как будто это они не доглядели.

– Может, он к родственникам пошёл? – предположил кто-то. – К друзьям? Знакомым?..

– Да он же совсем маленький! – воскликнул кто-то другой. – Ну куда он мог уйти из садика?! Выкрали его, наверное.

– Может, даже убили...

Люсе опять стало плохо.

– Может, деток поспрашать, – посоветовала худенькая пожилая женщина.

– Разберёмся, – буркнул участковый.

Сон-час закончился, и детей только что подняла помощник воспитателя.

На вопросы о Никите дети отвечали отрицательно – не видели, нет, не знаем. И только одна пухленькая девочка с ямочками на локтях и огромным бантом на голове – Леночка Кочетова – сказала:

– А я жнаю, где Никита.

Все затихли и воззрились на неё.

– И где же Никита, девочка? – вкрадчиво спросил участковый.

– Он со своим длугом усол, с миской, – поведала. Она ходила в одну группу с Никитой – среднюю, но в отличие от него некоторые буквы не выговаривала, поэтому понять её было сложно.

– Что, что ты сказала, девочка? – уточнил участковый.

– С длугом, с миской! – ответила Леночка.

– Что-то я ничего не пойму. Какая миска, причём здесь миска?.. – вздохнул уставший и вконец запутавшийся участковый.

– Она говорит, – вмешалась Марья Ивановна, – что Никита ушёл с другом, с Мишкой.

Произнесла эти слова и сама будто испугалась, хлопнула себя рукой по губам, мучась в страшной догадке.

– А при чём здесь какой-то Мишка вообще?

– Это медвежонок, – обронила потерянно воспитательница. – Позавчера, кажется, или нет, вчера, к нам на детскую площадку пробрался медвежонок. Мы его не сразу обнаружили. Только когда увидели, как ребята толпятся вокруг Никиты, а Никита гладит... медвежонка. Детей мы сразу в группу завели, а мишутку выпроводил за ворота сторож...

– Вот те раз! – удивилась глава. – А почему я об этом ничего не знаю? Почему мне не доложили. Это ведь ЧП настоящее!.. Ведь где медвежонок, там и медведица где-то поблизости. А это уже реальная опасность!

– Да, как-то...

– О чём вы вообще думаете, я не знаю?! – возмутилась глава.

– Что ж, медвежонок и сегодня приходил?.. – взял инициативу в свои руки участковый.

– Нет, сегодня его не было здесь, да и не могло быть. Мы ворота стали хорошо запираать. Да и сторож посматривает.

– Плиходил, плиходил, – заверещала Леночка. – Никита с ним убезал. В лес. Он челес лисотку плаблался.

– Как!!! Куда!!!

Толпа загудела.

– Надо МЧС вызывать, – предложил кто-то.

– Да пока твой МЧС досюда доберётся, от мальчишки уже ничего не останется! – воскликнул Семёныч. – Надо самим действовать!

– Да МЧС всё равно надо вызывать, – подлил масла в огонь Митька Чоботов, деревенский задира и хулиган. – Житья уже от этих медведей никакого нет... по улицам запросто гуляют...

Сельчане решили немедленно всем миром двинуться на поиски мальчика. Прочесать весь лес вблизи дороги.

Под командованием главы поселения вооружились кто чем мог. Лопаты, ножи, грабли – всё в ход пошло. Семёныч и Петрович успели сбегать за охотничьими ружьями, последний взял с собой охотничью собаку. У участкового был пистолет.

Шли, развернувшись шеренгой по обе стороны дороги, примерно метров на пятьсот. Продвигались осторожно, внимательно вглядываясь в каждый кустик, выемку, бугорок, чтобы вовремя успеть заметить медведей, а главное, не пропустить мальчика, который мог просто присесть под кустиком и заснуть.

От села продвинулись недалеко, может, с километр, как всё небо постепенно заволокли тучи, плотно замуравав уходящее на запад солнце. В густом лесу стало сумрачно и сыро. Высокие сосны упирались иголками прямо в тёмно-серое брюхо, готовое прорваться и хлынуть на землю дождём. Все краски потускнели. Даже нарядные берёзы, казалось, погрустнели, и рябины, в другое время радовавшие взоры людей, сейчас багровели зловеще, скрывая опасность. Опасность пряталась за каждым кустом, пеньком, поваленным деревом...

Люся и Николай находились метрах в трёх друг от друга.

Николай изредка посматривал на жену, переживал и за неё тоже: всё ли в порядке? А вдруг ей опять станет плохо?..

Он готов был прийти на помощь в любую минуту. Но Люся не давала повода отвлекаться от главного – от поиска сына.

Когда было принято решение искать всем миром, её словно подменили. Она категорически заявила, что пойдёт на поиски вместе с мужем, и стала вдруг решительной и собранной.

Первым зверей обнаружил Петрович, шедший по правую руку от Николая. А вернее, его умная собака, которая слушала его беспрекословно и голос раньше времени не подавала.

Матюгнувшись, Петрович тихонько направился к Николаю. И на расстоянии подал ему сигнал рукой, загребая ею воздух к себе. И притом выразительно подставляя палец ко рту.

Николай встрепенулся, замаячил Люсе, чтобы она оставалась на месте и стояла не шелохнувшись. А сам крадучись пробрался к Петровичу.

Петрович кивнул головой вперёд, как бы показывая, куда смотреть.

Николай, проследив за кивком Петровича, увидел невдалеке, в низине, медведицу. Она лежала возле поваленной берёзы. Это была та самая медведица!

Приглядевшись, Николай заметил медвежонка, уткнувшегося носом в материн мягкий живот. А рядом с ним... Никиту.

Вместе с Петровичем они крадучись сделали несколько шагов вперёд. Потом ещё и ещё...

Они были уже совсем близко от звериного лежища. Николай увидел, что Никита, подогреваемый мягким мехом с одной стороны медведицы, с другой – медвежонка, сладко улыбаясь, спал.

Петрович вскинул винтовку.

Николай своей рукой опустил дуло вниз. Глазами приказал ничего не предпринимать. И оставаться на месте. А сам медленно пошёл вперёд, еле слышно ступая.

Но медведица шорох услышала. Она повернула голову в ту сторону, где находился Николай, оскалила зубы и тихо, но грозно рыкнула.

Их взгляды встретились.

Не отводя глаз, медведица встала на все четыре лапы.

Петрович напрягся, готовый в любую минуту поднять винтовку и выстрелить в зверя.

– Привет! – поздоровался Николай с медведицей. – Ты помнишь меня?.. Помнишь? Вижу, что помнишь!.. Я спас твоего детёныша. А теперь нуждаюсь в твоей помощи. Верни мне моего детёныша. Зачем он тебе?.. Я его очень люблю. Мне без него не жить... Да ты и сама это знаешь...

Медведица подняла морду вверх, крутя головой и как бы приплюсываясь к чему-то.

Медвежонок встрепенулся.

Раскачиваясь из стороны в сторону, медведица пятилась. За ней закосолапил медвежонок.

Отступив на приличное расстояние, медведица благодушно рыкнула.

Николай осторожно, не делая резких движений, продвигался вперёд. Он всё время смотрел на медведицу, которая стояла с горделивой осанкой. Медвежонок тёрся мордочкой о её мощную лапу...

В тот раз, когда нужна была помощь её сыну, она подпустила Николая. Как она поступит сейчас, Николай не знал. Но там, рядом с медведицей, спал его сын, его кровиночка. Каков бы ни был исход, он не остановится и обязательно спасёт сына, чего бы это ему не стоило! Даже ценой собственной жизни.

В сыром промозглом лесу повисло напряжение. Каждый шаг, приближающий Николая к сыну, гулко отдавался в висках, и сердце, казалось, словно метроном, отстукивало на весь лес секунды, минуты, часы... Время для Николая потеряло границы.

Односельчане наблюдали за Николаем, затаив дыхание. Расстояние между отцом и сыном становилось всё меньше, и вот он наконец у цели!

Всё так же медленно, без лишних движений, не выпуская из поля зрения медведицу, Николай поднял сына на руки. Никита открыл глаза и со словами «папочка» обнял отца за шею.

Не поворачиваясь к медведице спиной, Николай отошёл подальше, а потом в том же темпе, как на старой киноплёнке, развернулся и шагнул навстречу жене и односельчанам, которые уже подтянулись к месту происшествия.

Люся подхватила на руки сына и зарылась головой в его пушистой толстовке. И медведица уже стала удаляться от людей вместе со своим медвежонком. И тут...

Митька Чоботов закричал: «Уйдут!», выхватил из рук Петровича винтовку, взвёл курок и, не целясь, выстрелил.

Медведица развернулась всем корпусом, с недоумением посмотрела на людей и страшно взревела.

Митька перевёл затвор...

Но прежде, чем он успел выстрелить, прямо перед ним, заслоняя медведицу и медвежонка, с раскинутыми в стороны, как на распятии, руками встал Николай. Он вдруг понял, что никогда не простит себе убийства медведицы и медвежонка! Ведь она не причинила вреда его сыну, более того, даже позволила Николаю подойти близко и забрать сына.

Получается, звери проявили милосердие, а люди поступят, как звери?!

Этому не бывать! Решение Николай принял в какую-то долю секунд и заслонил собой медведицу.

А Николая заслонил Петрович.

– Прочь с дороги! У-убью-у!!! – дико закричал Митька.

Но через этот двойной крест пробиться не посмел.

А тут и односельчане повисли на Митькиных руках. Василий отнял у него винтовку.

– Ну и дураки же вы! Какие же вы дураки! – орал Митька. – Не дали зверя пристрелить, а он завтра придёт и вас же или ваших детей задержёт!..

Петрович сурово цыкнул на Митьку, но ничего не сказал. Бывалый охотник, он, как никто другой, понимал: где-то поблизости находится глава семейства, большой медведь, и от его когтей, в случае чего, никому не поздоровится, даже оружие, какое у них есть, не спасёт, вряд ли из него можно сразить медведя наповал, только ранить. А раненый зверь ещё опаснее. Медведи будут мстить людям.

– Иди! Уходи! – попросил Николай медведицу, махая рукой от себя, как бы показывая ей дорогу вдаль. – Мы не тронем вас.

На мгновение их взгляды вновь встретились. Медведица повернулась и затрусилась прочь. Рядом с ней семенил медвежонок. А люди стояли и молча смотрели, как звери удаляются. Наконец они полностью исчезли из поля зрения людей.

20 сентября 2016 года.

Ня. Пока. «Минус один...»

Оля мышкой проишмыгнула в свою комнату, даже не взглянув на мать.

– А поздороваться? – крикнула Мария Ивановна, отрываясь на минуту от тетрадок.

– Отстань, – бросила дочь и захлопнула за собой дверь.

Мария Ивановна вздрогнула и, сняв очки, начала машинально протирать их, тупо уставившись в пространство.

– Ну, ма, здоровались же утром, – виноватая голубоглазая рожица в золотых кудряшках на мгновение появилась в дверном проёме и тут же исчезла.

– Дочь, иди поешь, – позвала Мария Ивановна.

– Не хочу, и так толстая.

– Что ты выдумываешь! – запротестовала мать. – Всё у тебя на месте, – продолжила она и прислушалась.

Из комнаты дочери – ни звука в ответ.

«Что-то странное происходит в последнее время с Олей, – подумала Мария Ивановна. – Или грубит, или молчит».

«Не хочу!», «Не буду!», «Ненавижу!», «Отвянь!»... И это не полный перечень выражений, какими в последнее время чаще всего огрызнулась дочь, испепеляя мать злобным взглядом исподлобья.

«Как случилось, что ласковый, внимательный, жизнерадостный ребёнок превратился вдруг в колючего ёжика?» – недоумевала Мария Ивановна.

Из-за полного погружения в работу она и не заметила, когда произошли перемены. Грубость и замкнутость Оли списывала на переходный возраст и не заостряла на этом особого внимания, хотя и испытывала весьма ощутимую боль, потому что раньше отношения у них были доверительными, нежными. А сейчас дочь отстрилась от неё и всякий раз выпускала колючки, стоило только матери подойти.

Когда Оля впервые нагрубилла, Мария Ивановна точно вспомнить не могла. Да и так ли уж важно это теперь? Важнее понять: что же делать дальше? Как связать порвавшуюся ниточку доверия между ней и дочкой?..

Мария Ивановна беспокоилась за Олино будущее. У Оли пропал интерес ко всему. Она забросила занятия, пропускает кружки, тренировки. И если раньше её от книжек невозможно было оторвать, то теперь и уроки делает через пень-колоду, всё больше в компьютер уткнётся и сидит часами. А ещё школу прогуливать стала, о чём Марии Ивановне сегодня сообщила по телефону классный руководитель. И это сейчас беспокоило больше всего.

Мария Ивановна собиралась серьёзно поговорить с дочерью.

– Ох уж этот переходный возраст! – сказала она в пустоту, качая головой.

Поглядела на большую стопку ещё непроверенных тетрадок, вздохнула, поправила очки, сползшие на переносицу, и вновь принялась за проверку.

Но тут же спохватилась: чего это Оля сегодня так рано? У неё вроде танцевальный кружок в это время.

Тяжело поднялась из-за стола, опять взглянула на не отпускающую от себя стопку показателей грамотности её оболтусов из 7 «А». И заставила себя войти в комнату к дочери.

Оля лежала на заправленном диване, тупо уставившись в потолок. Уши закрывали огромные наушники, в руках – планшет. На мать она едва взглянула и тут же уставилась в дисплей.

– Оля, – позвала Мария Ивановна, и ещё громче: – О-ля!

Никаких эмоций.

Мария Ивановна в два стремительных шага оказалась возле дочери и стянула с неё наушники.

– Ну чего тебе?.. Не мешай! Видишь, я – в игре...

Дочь смотрела широко открытыми, огромными, как омуты, глазницами, в которых плескались злоба и ненависть.

Мать непроизвольно съёжилась и на мгновение растерялась. Но тут же взяла себя в руки, нахмурила брови, сняла с дочки наушники и приложила их к своему уху. На неё обрушились децибелы непонятной ей музыки.

*Горят огни, сверкают звёзды,
всё так сложно, всё так просто
Мы ушли в открытый Космос,
в этом мире большие нечего ловить.
А ты гни свою линию (горят огни),
Гни свою линию (горят огни),
Гни свою линию, горят огни.
Мы легли на дно, мы зажгли огни,
во Вселенной только мы одни...*

Мария Ивановна отмахнулась, как от наваждения...

– Господи, Оля! Что ты слушаешь?..

– Музыка, – ответила дочь, глядя исподлобья.

– Что это за музыка!..

– «Сплин». Популярная рок-группа...

– Да разве это музыка?! Это же бред! Нет, это ад какой-то!..

Раньше дочь не увлекалась ни роком, ни попсой, Мария Ивановна приучала её к классике. Водила на концерты симфонического оркестра, покупала диски. Оля с удовольствием слушала произведения великих композиторов, особенно любила Шуберта. А с недавних пор ей вдруг понравилась Ёлка, её песню «На большом воздушном шаре» она частенько мурлыкала под нос.

– А что ты понимаешь в музыке?.. Да и вообще в жизни?..

– Не поняла...

– А что тут непонятного?! Ну вот, скажи, как мы живём?..

– Как? – растерялась мать. – Как все. Нормально, в общем-то.

– Ты это считаешь нормальным? – дочь обвела квартиру глазами. – Это убогость.

– О-о-ля!!! – От изумления Мария Ивановна не могла говорить, у неё перехватило дыхание.

– А как я одеваюсь?.. Да надо мной же смеются все, лохушкой обзывают...

– Как тебе не стыдно, – начала она отчитывать дочь, как отчитывала своих учеников.

– А мне не стыдно! Стыдно отправлять ребёнка в такой вот одежде в школу.

– Как ты можешь!!! Ты ведь знаешь... После того как умер твой отец, я вкалываю как проклятая на двух работах. В школе пашу, а в выходные бегаю пельмени лепить к частникам. Ещё и репетиторством занимаюсь. Я стараюсь, чтобы у тебя всё было!!! Чтобы ты ни в чём не нуждалась. И у тебя есть всё! И магнитофон, и компьютер, планшет, телефон... И одежду я стараюсь тебе всегда покупать, не обноски носишь...

– Да всё это стрё-о-мно!!! – Оля вскочила с дивана, схватила висевшую на спинке прикроватного стула кофту и бросили матери под ноги.

– Тварь неблагодарная... – Мария Ивановна просто задышалась от ярости.

Дочь подскочила к матери с искажённым злобой лицом, вся – как пружина, и заорала так, что жилы вытянулись на длинной цыплячьей шее:

– Ты сама тварь!.. Не смей меня так называть!

Мария Ивановна вlepила дочери звонкую пощёчину. И тут же сама взвыла...

Впервые! Не сдержалась! Как бы трудно ни приходилось ей после смерти мужа, она никогда не наказывала дочь... тем более физически. Рукоприкладство считала самым последним делом в воспитании. И слово жуткое само вырвалось. Дочь никогда не слышала плохих слов в семье. Господи, до чего же она дошла!!!

– Прости, прости, доченька. – Мария Ивановна прижала Олю к себе и погладила по голове. – Давай поговорим, – попросила тихо.

– О чём? Всё в порядке, – холодно отказалась дочь. – Иди, тебя же ждут твои тетрадки!

Мария Ивановна не отпускала дочь из своих объятий, прижалась к её волосам губами и целовала, повторяя одну только фразу:

– Я люблю тебя. Я так тебя люблю! Доченька моя! Прости!

Она чувствовала себя очень виноватой. И эту последнюю Олину фразу восприняла как скрытый упрёк. И оправдывала себя тем, что много времени и сил отнимает зарабатывание денег на жизнь, и поэтому она так мало уделяет времени своей доченьке, своей кровиночке. Но где-то в глубине подсознания шевелилась предательская мыслишка: а ведь можно было бы хотя бы чуть более пяти минут в день выкраивать на общение с дочерью. Просто обнять, просто поинтересоваться, как у неё дела. Нет же, всё бегом, всё вирипрыжку...

Оля притихла, словно мышка, боясь спугнуть забытые ощущения. И боясь взглянуть на мать. Ей было стыдно за то, что не сдержалась. Она не знала, как с этим стыдом справиться.

От затянувшегося проявления материнской нежности она испытывала ещё и большую неловкость. И, собравшись с силами, произнесла тихим виноватым голосом:

– Мам, ты тоже... прости. Я не хотела, так вышло... – и добавила примирительно: – Иди, пожалуйста, работай.

Мать отстранилась от дочери, посмотрела в её печальные глаза. Длинно, тяжело вздохнув, решила отложить серьёзный разговор на потом.

– С тобой точно всё в порядке?.. – ласково спросила она Олю.

– Точно. Мам, нет, ну правда, иди работай. А я уже спать лягу, – тихо проговорила она.

– Хорошо, – сказала мать и вышла, тихонько прикрыв за собою дверь.

Оля с сожалением смотрела на закрытую дверь. Может, зря не доверилась матери. Да нет, что уж теперь...

Помощь ей была нужна около месяца назад, когда было невыносимо больно и хотелось, чтобы мама выслушала, успокоила, посоветовала, как с этим жить. Тогда она вернулась домой в полном отчаянии. И во все глаза смотрела на маму, ловила её взгляд, чтобы как-то зацепиться, открыться, хотя и испытывала невыносимый стыд. Как такое рассказать маме?! Как объяснить?..

Но мама, взглянув на неё мельком, лишь спросила: «Кушать будешь? Там на столе оладушки...» И опять уткнулась в свои бесконечные тетрадки.

А действительно, как с этим жить?! Всюду всё рушилось. В школе, в личке... и... дома. Мама всё время занята. Раньше Оле хватало мамы. Но это было до смерти отца, который покинул их два года назад. Его уход стал настоящей трагедией для тринадцатилетней девочки. Мир, её устойчивый, надёжный мир, рухнул в одночасье. Она всей кожей ощутила своё сиротство, очень страдала и скучала по отцу. Он был для неё всем! Настоящим кумиром. Она даже не знала, кого больше любила: отца или мать.

Внешне это никак не выражалось, она не выставляла своё горе напоказ. После смерти папы Оля оставалась всё той же улыбчивой солнечной девочкой с ямочками на щеках, всегда готовой прийти на помощь одноклассникам, активной, жизнерадостной. У неё было обострённое чувство справедливости, доставшееся ей от отца.

Училась Оля ещё более прилежно, занималась спортом, ходила в кружок современного танца, посещала уроки рисования. За два года после смерти отца она из хорошистки превратилась в круглую отличницу. Дипломы, медали, кубки и грамоты украшали её небольшую комнату. Она хотела бы, чтобы отец гордился её успехами и достижениями, в её мыслях он всегда был рядом с ней.

В школе время текло размеренно и стабильно. До недав-

них пор. До того, пока она не влюбилась в мальчика из параллельного 8 «Б» класса – Диму Кочетова. Он был хорош собой. Стройный, гибкий, высокий brunet с глазами-вишенками. Привлекал внимание всех девчонок школы, даже старшеклассниц.

Когда Оля открылась в своих чувствах закадычным подругам Нине, Вере и Ксюхе, оказалось, что и они – все! – тоже влюблены в него. А он выбрал её! Она была по-настоящему счастлива! Впервые после смерти отца.

После школы и по вечерам вместо занятий и тренировок они с Димой бродили по уютным улочкам города, по парку, шурша осенней листвой. Сентябрь стоял тёплый, безветренный и сухой. «Пышное природы увяданье» было прекрасным. Они то молчали, и молчание не было в тягость, то болтали без передыху. Им было интересно открывать друг друга, узнавать. Он много и весело шутил, а она громко смеялась его шуткам.

Подруги, Нина и Вера, отстранились от Оли, стали вдруг шушукаться за её спиной, подкалывать, обсуждать, как она одета.

– Ой-ой, смотрите, кто идё-оо-от! Сама Сурмина-а-а... А упаковочка-то... прям стоник, блин! – стебались они на перемене.

– Бабла, поди, отвалила-а... Сурмина, дай погонять, а? – издевательским тоном говорила одна.

– Полный отстой! – дополняла другая. – И где только твоя мамаша такое находит?.. В секунд-хенде?.. Нет, на помойке подбирает... чмо помойное...

– Лохушка подзаборная!

И обе хохотали нарочито громко и деланно.

Ольга молча сжимала кулаки, исподлобья глядя на обидчиц, которые держались от неё на расстоянии. Пристально вглядывалась в одноклассников, те отводили глаза, кто-то просто молчал и делал вид, что это его не касается, другие похотывали, всегда готовые на развлечения подобного рода, лишь

бы их не трогали, всем видом своим показывая: а вот мы-то не такие! Мы – не лузеры, не лохи...

«Не дождётесь! – стискивая зубы, думала Оля. – Цирка не будет!»

Молча садилась на своё место и открывала книжку, отгораживаясь от всех.

Она не могла понять, как получилось, что привычный мир вдруг перевернулся с ног на голову, вчерашние подружки превратились в заклятых врагов, а одноклассники, с которыми прошли вместе целых восемь лет, стали совершенно чужими – равнодушными и жестокими – людьми. Да и людьми ли?.. Почему это произошло именно с ней?..

– Завидуют они тебе, подруга, – шепнула как-то на бегу Ксюха, которая, боясь впасть во всеобщую немилость, тоже обходила её стороной. – И не простят... У тебя – счастье! Мальчик самый красивый... А на них-то, между нами, пробы ставить негде... У них всё-всё уже было...

Оля понимала, что значит «всё». Девчонки в классе, не стесняясь, на переменках хвастались своей взрослой жизнью. И у неё интересовались: было, нет? Она отмалчивалась, загадочно улыбаясь, чтобы отстали. Почему-то в своей девственности ей было стыдно признаться. Ей тоже хотелось выглядеть крутой и не упасть в глазах одноклассниц.

Завидуют, достают её – плевать! Всё равно в душе у неё цвела весна. Первая любовь, подобно подснежнику, робко проклёвывалась сквозь все преграды.

Однажды Олины соперницы перешли все границы, стали оскорблять её при Диме.

– Эй, жирная корова! – окликнула её Вера.

– Дай молочка, а! – пискляво поддержала подругу Нина.

Дима сделал большие глаза, но ничего не сказал.

Оля в классе накинута на обидчиц с кулаками...

– Я фигею, – заржала Нина.

– Чё, чересчур смелая, да? – пошла танком на неё Вера. –

Тогда выйдем за школу, побакланит.

– Пойдём! – погорячилась Оля.

Они вышли из класса. Все потянулись за ними, предчувствуя дармовой цирк.

За углом школы, в закутке, часто кучковались старшеклассники – покурить, выпить пивка. Здесь же происходили все школьные разборки.

– Ну и что ты можешь промычать в своё оправдание? – пошла в наступление Вера.

– Мне оправдываться перед тобой не в чем.

– Даже таа-аак? – протянула Вера, ехидно улыбаясь.

Они напряжённо стояли друг против друга в кольце жаждущей зрелищ толпы.

– Это вы оскорбляете меня постоянно! Что я вам сделала?..

– И она ещё спрашивает, а? – мотнула Вера головой в сторону подружки. – А то, что парня увела, это не в счёт?!

– Дай ей, Верка! Поддай! – подначивали в толпе, наставив на девушек телефоны, как пистолеты, и ржали.

– Никого я не уводила, он сам меня выбрал! Ты ведь и не была с ним...

– Откуда тебе знать?.. В общем, так: отвянь от него, поняла? Если нет, побью. Ну? Вот прямо щас обещай, что не будешь ходить с ним... не будешь?..

– Буду, – сказала Оля, упрямо глядя в озлобленные, ярко подведённые чёрным карандашом глаза соперницы.

Нина неожиданно подскочила сзади и толкнула Олю на Верку, та тут же схватила её за волосы, сильно дёрнула и, повалив, стала пинать куда придётся.

– Эй, народ, ну вы чё, – пыталась заступиться Ксюха. – Со всем охренели... Хватит уже, да...

Неизвестно, чем бы это всё закончилось, но тут кто-то заорал:

– Атас, физик идёт!

Все бросились врассыпную.

Ксюха помогла подняться Оле.

– Ты как? – участливо спросила она.

– В порядке.

Она отряхнула джинсы от грязи. Сильно болел бок и руки, но лицо не пострадало, Оля всё время прикрывала его от ударов.

– Что тут происходит? – услышали девочки голос физика и обернулись.

– Всё о'кей, Геннадий Викторович, – сладко пропела Ксюха и улыбнулась.

Физик недоверчиво покачал головой.

– А у тебя, Сурмина?

– Угу, – пробурчала она и опустила глаза.

– Ну-ну, – сказал он и пошёл, но через несколько шагов оглянулся и бросил Оле через плечо: – Если появится, что сказать, милости прошу.

– Ой-ой-ой, так и побежали стучать тебе, – передразнила учителя Ксюха, когда он скрылся из вида. – Оль, ты бы осторожнее с этими... подругами. Не отстанут от тебя. Брось ты этого Димку, а? А то ведь и прибить могут.

– Не могу. – Оля упрямо стиснула зубы.

Кто-то из одноклассников выложил видео драки в интернет. Родителей «подруг» вызывали в школу. Попеняли, советов надавали, строго предупредили. И поскольку сама пострадавшая ни на чём не настаивала, а побои были не налицо, то тем инцидент и был исчерпан. Оля приложила все усилия, чтобы эта информация не дошла до матери.

«Подруги» после этого ещё больше стали задирать Олю, но исподтишка.

А потом он её поцеловал. Нежно. В губы.

Она отстранилась и посмотрела на него с испугом. Вдруг вспомнила о том, чем занимаются с мальчиками её сверстницы, что скрывается за поцелуем, и испугалась. А вдруг Дима подумает про неё плохо. Что она ветреная, доступная, что с ней можно не церемониться и делать всё что угодно.

Глупые мысли, глупая реакция, но Оля повела себя, как чувствовала. Она доверяла Диме, но... не хотела, чтобы их хрупкие романтические отношения разрушились в одночасье.

До её подъезда дошли молча.

На следующий день он встретил её так, будто ничего между ними не произошло. Возникшее было напряжение пропало.

Однажды он позвал Олю к приятелю на квартирник.

– Посидим, музыку послушаем. Когда у него предки на дачу сваливают и хата освобождается, он всех приглашает, и мы там тусим. Весело бывает, по приколу, – сказал Дима. – Он нас с тобой позвал.

Оля согласилась.

Когда вошли, Оля просто остолбенела, среди шумной компании были три её подруги: Нина, Вера и Ксюха.

– Ой, кто к нам пришёл, – протянула Вера, потирая руки.

– Повеселимся, – хохотнула Нина.

– Ладно тебе, – толкнула её в бок локтем Ксюха.

– Чё ладно-то, чё ладно?.. Ты вообще кто такая? Чтобы мне тут указывать, а?..

– Ой, отвянь, – огрызнулась Ксюха.

– Эй, телятины, прекратить базар! – скомандовал здоровенный, с туповатым лицом и пороссячьими глазками старшеклассник Вован, который жил в Олином доме.

– Ты офигел? – огрызнулась Вера.

– Пасть закрой, – грубо отрезал Вован.

Хозяин квартирника, худой, длинный, как фитиль, и хмурый Эдик молча разлил вино, молодые люди, подхватив бокалы, разбрелись стайками по всему пространству.

Оля огляделась. Она обратила внимание: обстановка небедная, а очень даже приличная, всё выглядело довольно пристойно.

В углу, на журнальном столике: пицца, чипсы, шаурма, пиво, дешёвое вино.

Исподволь Оля наблюдала за теми, в чьей компании не-

вольно оказалась. В основном это были незнакомые люди. Три неброские, очень похожие друг на друга девочки-хохотушки стояли у окна и, потягивая винцо, смеялись шуткам вертлявого чернявого паренька, вившегося вокруг них мелким бесом. У столика тихо о чём-то беседовали двое парней, явно постарше всех тут находившихся, – один был невысокий, с короткими ногами-столбиками, второй – костлявый, среднего роста брюнет с орлиным носом и бегающими глазками. Ещё был рыжий паренёк, совсем ещё мальчик, державшийся особняком. Стройная блондинка с пышным бюстом, старшеклассница из Олиной школы...

Все выпивали, закусывали. Динамики домашнего кинотеатра рвали пространство на части.

– «Ты чё такая дерзкая, а?» – приставал ко всем девушкам Тимати.

Дима принёс Оле конфеты, от вина она наотрез отказалась. Изрядно хлебнувшие Нина с Верой бросали испепеляющие взгляды на соперницу, дважды пытались подкатить к Диме. «Ой, уйди, а», – говорил он и отворачивался от одной и от другой.

Тогда девчонки снова начали подкалывать Олю.

– Она у нас не курит и не пьёт...

– И здоровенькой помрёт.

– Отвяжитесь, – сказал им Дима и пригласил Олю на танец.

Это было здесь не принято, все усталились на них, не скрывая удивления. А потом ещё две пары на свой страх и риск вышли в круг.

Несколько пар уединились в соседних комнатах. Оля заметила, как в углу Нина, Вера и Вован о чём-то негромко разговаривали, поглядывая в их сторону. Сердце на мгновение замерло, но тут её отвлек Дима, который сказал ей на ушко, что она здесь самая красивая, и... Заиграли «Звери», и все, кто был в этой комнате, неожиданно стали балдеть, прыгать и скакать, как оторванные.

К Диме подкатил вертлявый паренёк и что-то прокричал

на ухо. Тот поймал взгляд Оли и показал, перебирая пальцами, что отойдёт на пять минут, что очень скоро вернётся. Оля кивнула в ответ.

И опять Тимати:

– «Слышь, ты чё такая дерзкая, а...»

– Слышь, ты чё такая дерзкая, а?.. – подпевали певцу Олины «подружки» и Вован, окружившие Олю и оттеснившие её к стене.

Вован как бы невзначай провёл рукой по Олиной груди. Она вlepила ему пощёчину.

– Слышь, ты чё дерёшься? – сказал Вован, нагло ухмыляясь, и, обхватив её кольцом крепких рук, затащил в соседнюю комнату и, бросив на тахту, навалился на неё. Прижав ногой, взял из рук подскочившей к ним Нинки бокал и сунул к губам, приказывая:

– Пей!

Оля, стиснув зубы, крутила головой, уворачиваясь от бокала. Её голову крепко держала Вера, Нинка пыталась разжать губы.

Им удалось залить в Олю вино. Вован впился губами в её губы. И стал мять ей грудь. Чернявый снимал всё это на сотовый телефон.

На пороге возник Дима.

– Не понял! – развёл он руками. – А что тут происходит?

– Маленький, что ли? Не понимаешь?

– Вообще-то она со мной пришла!

– Да она сама! Ты чё? Она сама не против...

– А ещё недотрогу из себя корчила... – подлила масла в огонь Верка.

– Ага, – подпела с другой стороны Нинка, – как будто лучше всех! А сама... хи-хи-хи...

Дима растерянно взглянул на Олю. Расстёгнутое платье, почти оголённая грудь, задранный подол, бесстыдно открывавший ноги...

Он молчал. Молчала и Оля. Потрясённая наглостью и беспредельностью и сгорая от стыда, она не могла подняться с тахты, её ноги были ватными и не слушались... Она пыталась поправить одежду, но у неё ничего не получалось.

– Видишь, – ехидно сощурившись, сказал Вован. – Она сама хочет.

– Да она пьяная, смотрите! – засмеялась Верка.

– Притворяшка, задавака, – присоединилась подруга.

– Это правда? – спросил Дима, глядя в Олины глаза.

Ей было стыдно. Она попыталась что-то сказать, объяснить, но не смогла, лишь нервно улыбнулась уголком губ.

– Понятно, – произнёс Дима и пошёл на выход.

– А хошь, я её прям щас... при тебе... – крикнул Вован вдогонку парню, но тот его не слышал, и тогда он, как зверь, молниеносно набросился на Олю.

И только тут к Оле вернулось сознание, а вместе с ним и силы. Она дико закричала и, изловчившись, пнула негодя в причинное место.

– Ах ты, б... – завопил Вован, изогнувшись.

Оля вынырнула из-под него. Прижав к груди порванный клочок платья, со всех ног рванула в прихожую, вскочила в ботинки, схватила курточку и бросилась вон.

Она мчалась до самого дома так, будто за ней гналась вся нечистая сила. Только возле подъезда чуть притормозила, чтобы немного отдышаться и прийти в себя.

С одной стороны, она очень боялась маминого гнева, с другой – ей хотелось с мамой поговорить. Оля открыла дверь своим ключом, посмотрела на маму, но та, едва кивнув, уткнулась в тетрадки. Мама ничего не заметила.

Оля прошла в свою комнату. Бухнулась на кровать не раздеваясь. Лежала в беспамятстве какое-то время: сколько прошло минут, часов, дней – она не понимала. Время перестало для неё существовать.

Ей было наплевать на подруг, на Вована, на то, что они сде-

ляли с ней. Перед её глазами стояло лишь одно лицо – Димы. Который видел её позор. И не защитил её.

Он позволил надругаться над ней. Он поверил подонкам. И пускай не произошло самого страшного, но и того, что они сделали с ней, было достаточно, чтобы убить все её чувства. Она не хотела жить. Она уже умерла. Всё её существо было мертво. Оставалась лишь оболочка.

И это была единственная правда. Правда, которую не забыть никогда. И от которой никуда не деться. И никогда.

А ещё мама... она так и не заметила... тетради для неё важнее...

Оля пролежала весь вечер. Мама так и не зашла, не спросила, что с ней случилось. Сначала Оля боялась, что мама увидит порванное платье, а потом ей хотелось, чтобы мама увидела и спросила.

Но мама сидела с тетрадями. И только крикнула через дверь, чтобы Оля шла кушать. Оля ответила, что не хочет, а потом, зажав в зубах порванное платье, рыдала.

Мама так и не пришла.

Ночью Оля встала с дивана. Подошла к компьютеру, нажала кнопку включения. Приветливо засветился монитор. Она вошла в «ВКонтакте». И написала: «Я не хочу жить».

Просто потому, что ей некому было это сказать.

Пускай монитор проглотит и выплюнет в пространство эту информацию. Пускай Вселенная услышит её крик. И ей станет легче.

Но случилось чудо. Монитор запестрел сообщениями.

Оказывается, она не одинока!!!

То есть таких, как она, одиноких, много. И это послужило ей хоть крохотным, но утешением.

***«Здравствуй, моя хорошая, держи моё чистосердечное!
Я буду любить тебя всю зиму. А зима будет вечной».***

Ева-Мирон. «Эй, кис, что случилось?»

Оля. «Я хочу отравиться, чтобы умереть».

*Ева-Мирон. «И почему все суицидники такие тупые? С вы-
сотки сигануть слабо?!»*

Opril. «Я б прыгнула, но ещё 28 дней... их было 50».

Оля. «О чём это вы?»

*Opril. «Мы все разбиты только у кого-то маленькая тре-
щина, а у кого-то превратилась в пыль осколков».*

На экране появляется изображение девочки с поднятой ру-
кой и подписью: **«Прыгай с крыши, Зай, это весело».**

И ещё надпись:

«Разбуди меня в 4.20».

«Записки сумасшедших»

«Тебя бросил парень?»

Устала от учёбы?

Часто сидишь в ВК?

Никто не пишет?

**Загляни в «Тёмная сторона меня», там кое-что есть для
тебя».**

Оля щёлкнула по «Тёмной стороне», прочла несколько
«тёмных» постов и снова приглашение – заглянуть в группу
под названием «В мёртвых найках».

У Оли волосы на голове зашевелились от страха, но таин-
ственность не отпускала, звала к себе, затягивала.

Её пригласили в закрытую группу! Но для начала попроси-
ли нарисовать и прислать рисунки или рассказы с подписью
«Ня. Пока».

Через какое-то время она выполнила задание. И перешла
на второй уровень. Теперь ей нужно было прислать фото в аль-
бом под названием «Ваши порезы и шрамы».

Здесь Оля наткнулась на стишки: **«закрой уши, никого не**

слушай, режь себя, ну же. ты никому не нужен». И ещё: «киты плывут вверх. Любишь всё запретное? Порезы и кровушку? Жми на нож».

«Ты девочка? Тебя предали друзья? Бросил парень? Часто слушаешь грустную музыку? Тогда подписывайся на «киты плывут вверх», – опять зазывно запестрел монитор.

Была ещё Ксюха. Подруга. С того злопамятного вечера Ксюха осталась у неё одна. Диму Оля избегала. Не могла на него смотреть. Совсем. Он тоже прятал глаза в пол при случайной встрече с ней, а так, на вид, оставался таким же балагуром.

В школу Оля теперь ходила редко. С Ксюхой они встречались и в сети.

Оля. «Если я умру, ты удалишь меня из друзей?»

Ксюха. «Ну, во-первых, ты не умрёшь. Забей на всё».

Оля. «Ага, да».

Ксюха. «Во-вторых, нет».

Оля. «Почему не удалишь?»

Ксюха. «Ну не задавай глупых вопросов очень плохо и так».

Оля послала фото руки с порезами...

Ксюха. «С инета скачала?»

Оля. «Ну-у...».

Ксюха. «Зачем».

Оля. «Просто».

Ксюха. «Тупо как-то, просто без повода».

Оля. «И что плохого, почему бы не поцарапаться».

Ксюха. «Потому, что это тупо, само слово поцарапаться».

Оля. «Ну порезаться... ништяк?»

Ксюха. «Было бы совсем плохо, вскрылась бы... А так бессмысленно, нет?»

Оля достала из шкафа краски и нарисовала кистью на своей руке кровавые раны. Сняла на телефон и отправила Ксюхе.

Ксюха. «Это краска»

Оля. «А по приколу (испр.)... ведь шрамы модно, нет?..»

Утром из дома Мария Ивановна и Оля раньше всегда выходили вместе. А потом их пути разбежались. Оля шла в свою элитную школу, которая располагалась неподалёку. А Мария Ивановна спешила на остановку и добиралась до школы, где работала, на автобусе, всего-то пять остановок. В этот новый микрорайон их семья переехала восемь лет назад. Оле как раз надо было идти в первый класс, и в эту школу её взяли по месту жительства, а просто так невозможно было туда попасть – со всего города устраивали сюда родители своих детей. Оля оказалась способной ученицей.

А Мария Ивановна так и осталась в родном коллективе. Сначала мест не оказалось в элитной школе, потом она уже привыкла добираться на автобусе и сама не хотела, даже и не пыталась пробовать перевестись. Она слыла хорошим учителем, и на старом месте за неё держались.

Иногда она думала о том, что зря, наверное, не перевелась, всё-таки ближе к дочери была бы. Атмосфера в их маленькой семье в последнее время ей не нравилась. Такое затишье, словно перед грозой.

Беспокоило Марию Ивановну многое. И то, что дочь по-прежнему почти не притрагивается к еде, похудела так, что одни глазищи остались. И то, что утром её не добудишься, хотя ложится вроде бы вовремя. И днём вся такая вялая, будто ночь не спала. Да что же такое с ней творится?..

Она вдруг поймала себя на том, что просто машинально перелистывает исписанные страницы тетрадей, совершенно не обращая внимания на правописание.

И пускай. Тревога, притаившаяся змейкой в груди, погнала её в комнату к дочери.

Мария Ивановна тихонько приоткрыла дверь, заглянула. Горел ночник. В полумраке комнаты она увидела, что дочка спит, ровно дыша, с головой укрывшись одеялом, наружу лишь бледное личико и руки, крепко обнимавшие большого белого пушистого медведя – подарок отца на десятилетие. С тех пор она без него не засыпает. Мягких игрушек у Оли много – все расставлены по своим местам.

Взгляд матери упал на фотографии, висевшие в рамках на стене, везде Олечка жизнерадостная, счастливая, в глазах – солнечные зайчики. Здоровая, благополучная и очень любимая! На столе стоит в рамочке фото, где маленькая Оля хохочет, прижимаясь к папе, радостью светятся лица обоих.

Мария Ивановна взяла снимок в руки, погладила родные изображения. Лицо озарилось светлой печалью. Захлестнули тёплой волной воспоминания. С мужем они жили хорошо. В любви и уважении. У них была счастливая семья. Всё рухнуло в одночасье. Когда муж попал в автокатастрофу...

Глаза женщины наполнились слезами, но они не пролились. Все свои слёзы она давно выплакала. Ночами, в подушку. Чтобы не видела дочка.

Возвращая на место портрет, Мария Ивановна заметила листки. Это были Олины рисунки, на которых изображены киты и бабочки. Много китов и бабочек. И такие красивые! Только почему-то на одном рисунке девочка плыла на ките, а голова у неё была полностью прикрыта шарфом, то есть как бы и вовсе не было головы...

Мария Ивановна подивилась и порадовалась открытию нового дарования у дочери. Оказывается, и рисовать она стала превосходно! Вот за что ни берётся, всё у неё получается.

Она улыбнулась, посмотрела на дочь, поправила одеяло и вышла, тихонько прикрыв за собой дверь.

Примерно через час вновь заглянула в комнату. Дочь креп-

ко спала. Был уже второй час ночи, Мария Ивановна, закрыв последнюю тетрадку, тоже легла спать.

А наутро опять не могла добудиться дочери.

Каждый вечер Оля действительно ложилась спать. И спала, разглядывая разные сны, то красивые и спокойные, то тревожные, страшные до жути. А потом – каждую ночь звенел будильник. Ровно в 4.20.

Она подсакивала и, продирая глаза, живо садилась за стол, включала компьютер. Зазывно вспыхивал монитор...

И пальчики привычно начинали бегать по клавиатуре. Оля была горда и очень довольна собой. Ещё бы! Её взяли уже на третий, самый таинственный уровень. Этого удостаивались не все, только самые-самые. Там кружились загадочные рисунки-символы, и это притягивало ещё больше. Это были закрытые группы «китов». Здесь назначали даты «выпиливания» для самых избранных. Оля догадывалась, что это значит. Но таинственность притягивала.

Там повсюду она натыкалась на надписи.

«Надо готовиться, у нас осталось всего 6 дней».

Потом её спросили:

«ты точно умрёшь?»

Она уже и забыла, что написала эту фразу – «не хочу жить», и в первое мгновение недоумённо уставилась на неожиданное послание. Она молчала, и ей пришло новое послание:

«ну не умирай или ты правда?»

Она ответила:

«конечно, но пока я не совсем готова»

После этого признания к ней на страницу пачками стали добавляться в друзья разные люди. Каждый начинал с ней переписку. Она не спала три ночи подряд, всем нужно было срочно ответить, они в ней нуждались.

Рассматривала время от времени поступающие рисунки, какие-то символы, знаки, буквы. Делилась с «друзьями» своими догадками: «эти цифры расшифровала, а эти пока нет». И все вокруг делились с ней, они тоже что-то, как им казалось, разгадывали, а что-то им не поддавалось.

Были и те, кто высмеивал ситуацию на странице группы, их сразу удаляли. То и дело появлялась надпись «минус один».

Кто продолжал разгадывать задания всерьёз, те остались. Они избранные. И она – среди них.

На очередном сеансе Оля наткнулась на запись:

«Лучшие вещи в жизни с буквой «с» – Семья суббота сексуицид»

Прочитав последнее слово, вздрогнула. Но тут же на неё наехала другая надпись:

«сколько унылых будней ты готова ещё так просуществовать?»

И тут же следом – рельсы и надвигающийся прямо на неё поезд с надписью: *«этот мир не для нас»*. И – фотография: дети на крышах, и там же очередная надпись:

«мы дети мёртвого поколения»...

и снова:

«Там в этом небе такие звёзды, я предлагаю не ждать

утра. Нам, долбанутым, дорога в космос, вы оставайтесь, а нам пора...».

«ВКонтакте» эта группа так и называется «Разбуди меня в 4.20», в ней более двухсот тысяч подписчиков. В 4.20 утра модераторы уже ждали своих подписчиков, в чатах они пребывали до шести утра.

Серые будни Олиных дней плавно перетекали в яркие ночи, полные нескучных виртуальных приключений. Где она получала огромное количество непонятной информации.

Вот она опять на страничке группы «ВК» «Мёртвый кит».

«Бабочки живут один день. Киты выбрасываются на берег».

Мёртвый кит: «ЭТОЙ НОЧЬЮ МЫ БУДЕМ ПОГИБАТЬ»

Оля повела плечами, по спине побежали мурашки, потом перебрались на голову...

В «ВКонтакте» групп, в чьих названиях присутствует слово «кит», великое множество: «Киты плывут вверх», «Космический кит», «Белый кит», «Море китов», «Океан китов»...

В одной из них Оля наткнулась на такую запись:

«Тебе никогда не понять каково это, жить, будучи таким огромным, таким величественным. Киты никогда не станут думать о том, как они выглядят. Киты мудрее людей. Они прекрасны. Я видела, как летают киты. Это невероятно... Знаешь, отчего киты выбрасываются?..»

А вот группа F 57, Ева Рейх: «Люди. Го выпиливаться. Осталось 38 дней из 50. жду в лс (личное сообщение)».

И далее:

«Тебе плохо? Хочешь умереть? Возьми свои 50 дней, время пошло».

«Да, – быстро пишет Оля. – Хочу».

Ксюха. «Олька, ты правда что ли всё это...»

Оля. «Почему нет? Я хочу, как Таня. Я такая же... я её люблю. Я люблю Таню...»

Про Таню она прочитала здесь же, в интернете. И она стала для неё, как и для многих таких же, как она, чем-то вроде кумира. Вот ведь, не побоялась. Одним движением решила все свои проблемы. В конце концов чем так жить, не лучше ли последовать её примеру?.. Она смогла. А я смогу?..

Таня – 16-летняя девочка из сибирского городка в ноябре 2015 года легла на железнодорожное полотно... Машинист поезда предпринял экстренное торможение, но остановить состав на смог... Фото искромсанного тела девочки выложили в интернет почти мгновенно. Социальные сети взорвались. Школьники из групп «с китами» совсем перестали спать по ночам.

Множились фото озорной девочки, половину лица которой закрывает шарф. А сама она и её прощальное: «Ня. Пока», опубликованное на страничке в сети, стали неким символом для юных пользователей. Девочка была улыбочивой и светлой. Проблемы начались у неё после того, как влюбилась в парня, который очень грубо с ней обращался.

На её страницу «ВКонтакте» пришли тысячи «китов». Они писали: *«Таня, ты лучшая! Как жаль, что я тебя не знал, ты мой герой, я тебя люблю»*... И уходили следом за своим кумиром. В разных городах. И каждый раз в сети почти мгновенно появлялось видео или фото...

«Интересно, кто снимал?» – удивлялась Оля, просматривая десятый ролик.

Ксюха. «Не дури, Таню не вернёшь и себя потеряешь где смысл тобою так любимый...».

Оля. «Ты не понимаешь, Ксю...»

«Ребята, всем привет. Меня зовут Филипп Лис. Хочу сказать, что в моей смерти никто не виноват... Желаю вам всем не повторять моих ошибок, добра вам... В моём случае смерть – выход от всех моих проблем. Берегите себя. Я ухожу первый... ещё кроме нас уйдут четыре человека, помни».

Оля. «Вот и Филипп...»

Ксюха. «Этот Филипп уже раз десять умирал... И всё не подох... скотина, Олька, это развод...».

Больше Ксюха не появлялась на страничке. Её выкинули из всех групп китов.

А Олины приключения в сети всё набирали обороты.

Ева Райх. «Никто не умрёт собственной смертью»

Неизвестный. «Все 37 человек умрут?»

Ева Райх. «Не все. Только самые достойные».

Х. «Отче наш, ежи еси на небеси...»

У. «ЗАЧЕМ ВАМ ЭТО НАДО?»

Участника группы под ником У больше никто не видел на страничке. Он вылетел. На мониторе высветилась запись: «минус один».

Ева, которая теперь Мирон: «Не встревай в разговор, если не понимаешь смысла».

Ночь. Мама спит. Оле страшно и интересно, как и тем, кто с ней переписывается. Но они теперь «киты». И это для них

главное. Скоро у них появятся номера. Их получают только те, кого пригласят: «Го в скайп».

В своей странице «ВКонтакте» Оля продолжала общаться с детьми, кто был вместе с ней в «конфе». О «китовом» своём номере обмолвился в диалоге с ней децл – 13-летний пацан. Она начала расспрашивать, а он сказал, что для каждого наступит Судный день и каждому дата, время и способ смерти будут назначены. Она попыталась продолжить расспросы, но мальчика тут же отовсюду удалили. Он пропал.

Филипп Ф57. «я биоотход... я номер 34 спасибо за всё прощай... мне в группе дали... они сказали что так будет лучше. Сказали, ты № 34 ты должен не медленно покинуть этот мир кит. Мы ждём тебя там. Море китов просит ссылку на вас»

Х. «К чему всё это?»

Филипп Ф57. «с Ф57 ты по знаешь смысл жизни быстро без Ф 57 ты по знаешь смысл жизни всю жизнь».

И следом – надпись:

«Кто сегодня окунётся в новый мир без фальши гнилья, страданий, боли, кто будет в спокойном мире ставим +».

Плюсы посыпались один за другим.

А потом номер дали ей, Оле. И ещё нескольким девочкам и мальчикам. Избранным. Самым лучшим. Ей сказали: иди за Таней.

«Таким же образом?» – уточнила она.

«Нет. Прыжок. С крыши высотного здания».

И ещё одна запись:

«F57. 10 Избранных готовы».

В это утро Мария Ивановна, как обычно, пришла будить дочь.

– Оленька, вставай!

Оля открыла глаза, привстала, улыбнулась матери и опять уронила голову на подушку.

– Мам, я посплю ещё чуть-чуть?

– Ну разве что чуть-чуть, – разрешила мать, глядя на дочь с нежностью и грустью.

Накануне они с дочерью тепло поговорили. Мария Ивановна сказала Оле, что ТАК ЖИТЬ, как она сейчас живёт, НЕЛЬЗЯ. Что перед жизнью должна быть какая-то ответственность. И что всю свою энергию сейчас надо направить на учёбу, а на мелкие или даже крупные неприятности не обращать внимания. Всё пройдёт, как сказал давным-давно известный философ. Время всё сгладит и всех примирит, и неприятности будут казаться такими мелкими, что она лишь усмехнётся, вспоминая, как на всё это тратила свои нервы. Есть в жизни более приятные, полезные и нужные вещи. Всё у неё ещё будет. А когда?.. Со временем. И то главное, ради чего и живёт человек, будет. И любовь. И семья. И дети. Цепочка жизни не прервётся, а продолжится. А так, как живёт она, Оля, жить нельзя!

Оленька, её маленькая любимая девочка, прижалась к ней, потёрлась щекой об её плечо, чего давно уже не делала, и произнесла голосом, который шёл из самого нутра: «Прости меня, мамочка. За то, что грубила, за то, что обидела... Я тебя очень-очень-очень люблю!» – «Да и ты прости меня, доченька, если я когда не сдержалась. Я тебя люблю ещё больше!» – «Нет, я, нет, я...»

Мария Ивановна улыбнулась светло, вспоминая их разговор. Она верила, что всё теперь у них с дочерью будет хорошо. Вместе они все невзгоды переживут.

Но сегодня она должна расставить все точки над «и». Ей предстоял разговор с коллегой, тоже филологом, Нелли Евгеньевной Крутилиной, классной руководительницей 8 «А» класса, в котором училась Оля. Учительница вызвала Марию Ивановну на разговор, написав записку в дневнике дочери, которую мать обнаружила совершенно случайно. Раньше она редко заглядывала в дневник дочери, сейчас стала делать это чаще. И тоже была обеспокоена: почти конец четверти, а у Оли появились тройки. И даже двойка. И по какому предмету?! По литературе! Оказывается, дочь не выучила стих.

«Ну, теперь-то всё наладится», – думала Мария Ивановна, а потому готовилась к беседе с лёгким сердцем.

Они с Олей договорились идти в школу вместе. Мария Ивановна сделала бутерброды, вскипятила чай и направилась поднимать Олю. Но не успела, Оля пулей выскочила ей навстречу и, одеваясь на ходу, сказала:

– Мам, мне Ксюха позвонила.

– Так мы же вместе договорились, – растерялась обескураженная мать.

– Нет, не могу, меня Ксюха ждёт. Я – с ней...

Мария Ивановна растерянно смотрела на захлопнувшуюся за дочерью дверь. Потом быстро оделась и вышла из дома.

День стоял серый и промозглый. Тяжёлые свинцовые тучи нависли над городом. Ей стало зябко. Она спрятала подбородок и нос, подняв ворот демисезонного пальто.

Классная начала разговор со странной фразы:

– Мы её теряем...

Мария Ивановна непроизвольно вздрогнула.

– Вы понимаете, о чём я, Марья Ивановна? Вы ведь сами педагог. Девочка перестала учиться. Она скатилась на тройки и двойки. К занятиям не готовится, на уроках спит... Вот чем она у вас по ночам занимается?.. Надо с этим что-то делать. Как-то влиять на свою дочь. Вы же педагог, – повторила учительница. –

Чего ей не хватает?.. Жалко. Она ведь лучшая в классе была, круглая отличница, сами понимаете, трудно терять... (мать опять вздрогнула) хорошую ученицу.

– Да, у нас действительно с Олей возникла такая проблема, – сказала она, не глядя учительнице в глаза и тщательно подбирая слова.

– Я понимаю, Мария Ивановна, переходный возраст и всё такое. Но... надо как-то взять её в руки, как-то убедить...

– Нелли Евгеньевна, у нас с дочерью вчера состоялся серьёзный разговор, – начала она учительским тоном, – и, думаю, надеюсь, что всё теперь пойдёт хорошо. Оля опять начнёт учиться на одни пятёрки.

Прозвенел звонок. В 8 «А» по расписанию стоял урок русского языка, который вела у них Нелли Евгеньевна. Учителька задерживалась. Класс стоял на ушах. Но Ксюха всё же услышала, что ей на сотовый пришло сообщение. Она его открыла. И увидела:

Ня. Пока. «Минус один, ты следующая».

Она переменялась в лице, её буквально затрясло, словно в ознобе. Она выбежала из класса и в коридоре налетела на Олину мать.

– А где Оля? – спросила Мария Ивановна Ксюху.

– Н-н-не знаю, – в испуге замотала головой Ксюха.

– Разве она не в классе?

– Нннет.

– Но вы же вместе в школу пошли...

– Нннег...

Недоброе жуткое предчувствие ударило Марию Ивановну в самое сердце. Волнуясь, она нашла в сумочке телефон. Дрожащими руками набрала номер дочери. Пошли длинные гудки...

Оля выскочила из дома. Сегодня ей позвонили. Её охватило чувство эйфории. Её выбрали! Она одна из найдостойнейших. Ей доверили, как и ещё десяти таким же.

Она делала всё, как ей говорили, подчинялась команде, точно следовала инструкции. Забежала в соседний подъезд. Мрачные серые стены, исцёрканные, поцарапанные, а ведь дом-то не самый старый. Раньше Оля не обращала на это никакого внимания, а сегодня бросилось в глаза.

Второй, третий, четвёртый этаж... пятый, шестой, седьмой... Взгляд зацепился за нацарапанное маркером:

«Твой шаг будет последним».

Оля шарахнулась в сторону.

И дальше. Восьмой... И наконец 12-й.

Вход на чердак... открыт. Залезла на крышу.

Её сердце стучало, как у мышки. Оля осторожно подошла к краю. Голова закружилась, слегка подташнивало. Взглянула вниз.

Город, покрытый серой пеленою, предстал перед девочкой изломанными линиями. Редкие фигурки людей, движущихся вдалеке, казались искусственно придуманными, как в игре. И всё это огромное пространство, раскинувшееся перед нею, виделось ей полем в игре. Вот только чудищ каких-нибудь не хватало.

Оля сняла пуховичок (как ей сказали по скайпу), аккуратно сложила рядышком со школьным рюкзачком. И снова взглянула вниз. И ощутила трепыхание в сердце. А в голове зазвучала любимая мелодия, и она, слегка прикрыв глаза, запела, начиная с припева, тихим прерывистым голосом, иногда переходящим в шёпот:

*– На большом воздушном шаре
Мандаринового цвета
Мы с тобой проводим это лето!..*

Её сознание стало ясным, незамутнённым, как небо в летний погожий денёк. Она вдруг поняла, как сильно хочет жить!

– Я не хочу умирать, – сказала она миру громко, широко расправив руки, как для полёта.

– А придётся, – услышала голос позади себя.

Казалось, она оборачивалась так долго, как в замедленном кино. Прямо перед ней всплыла страшно ухмыляющаяся рожа, наполовину закрытая капюшоном... Оле показалось в ней что-то очень знакомое...

– Ты! – удивилась она.

Он надвигался на неё, словно танк, выставив вперёд руку с телефоном. Оля замотала головой из стороны в сторону и с расширившимися от ужаса глазами закричала: «Не-е-ет!» Но голос пропал. Крик был беззвучный.

И вдруг на крышу, задыхаясь, вбежала мама! Отталкивая парня, она успела схватить дочку за руку... потом обвила её руками и со всей силы прижала к себе.

– Мамочка моя, родная. Как хорошо, что ты успела, – повторяла Оля, чувствуя себя такой защищённой в надёжных материнских руках.

– Девочка моя, любимая, единственная, – говорила мать, не выпуская дочь из своих объятий.

Они вернулись домой.

Все беды ушли, жизнь наладилась. Оля опять стала жизнерадостной и счастливой. Училась на одни пятёрки, занималась спортом, танцевала. И всё-всё у неё получалось, за что бы она ни бралась. Она окончила школу с отличием. Поступила в педагогический, только не как мама, а на иняз. Выучилась. Встретила молодого человека. Он носил цветы охапками и засыпал ими Олю.

И была свадьба. У неё было белое, расшитое стразами свадебное платье и короткая прозрачная фата. Её избранник, в светлом костюме и светло-голубой рубашке, был так хорош

собой! Они кружились в свадебном вальсе, счастливые, словно птицы, а вокруг шептались знакомые и друзья: это самая красивая пара, что мы видели на белом свете. Сразу же после первого дня они полетели – на большом воздушном шаре – на Канарские острова. А море было чистое и синее-синее, как глаза у её любимого. И ласковое. Как он.

Сначала у них родилась девочка, они назвали её Софи, следом – мальчик, Роман... следом... всего у них было пятеро детей.

В счастливом браке они прожили долгую жизнь, встретив старость в окружении внуков и правнуков.

...Гудки были невыносимо длинные. Оля трубку не брала. Мария Ивановна набирала номер ещё, и ещё, и ещё... И вот – соединение.

– Алло, доченька! Ну наконец-то! Где ты?!

– Это не доченька, это врач скорой, ваш ребёнок мёртв.

Врач скорой помощи, немолодая уже женщина, и водитель с болью смотрели на заботливо прикрытое кем-то из прохожих платком распластанное, раскромсанное асфальтом тело и не могли сдержать слёз.

Ноябрь 2016 года.

Всё начинается с вешалки

В филармонию она всегда входила с трепетным чувством. Ещё бы! За этими дверьми скрывался чудесный мир, мир высокой культуры. Мир, пронизанный чарующими звуками волшебной музыки Моцарта, Гайдна, Вивальди... доброй энергией театральных постановок! Всё здесь было особенным. Волшебство начиналось с порога! С улыбок внимательной охраны, с приветливых гардеробщиц, которые, казалось, здесь только для того, чтобы как можно вежливее обслужить лично её...

Вот и сегодня Ирина Николаевна Кашина, миловидная молодая женщина бальзаковского, условно говоря, возраста, пришла в филармонию намного раньше назначенного времени, чтобы насладиться здешней атмосферой.

Она улыбнулась гардеробщице, сдавая пальто, поднялась в буфет, выпила чашечку кофе, обменявшись любезностями с буфетчицами. Часто бывая в филармонии, она считала себя здесь почти своей.

А потом спустилась в холл и внимательно следила за входящими, слегка поёживаясь от врывавшегося в двери пронзительного декабрьского ветра.

Цель сегодняшнего визита – генеральная репетиция детских хоров, в которой участвовал и её восьмилетний внучок Глеб. Его по дороге на работу должен был завезти отец.

Время шло, а их всё не было. «Уж не случилось ли чего? – забеспокоилась женщина. – В такую метель добраться сюда с окраины города непросто...»

Наконец в числе последних появились они.

Быстренько сдав пуховичок в гардероб, бабушка с внуком направились в зрительный зал, среди других хоров нашли свою группу.

Оставив внука на попечение Светланы Павловны – руково-

дителя хора, Ирина Николаевна поднялась на балкон к другим родителям. И уже оттуда, ни на минуту не выпуская внука из поля зрения, наблюдала немножко нелепый репетиционный процесс. Радуюсь и размышляя о пользе посещения филармонии и том, как много любителей музыки сегодня собралось здесь – и детей, и взрослых.

Репетиция длилась около трёх часов и закончилась поздно вечером. Пока Ирина Николаевна спускалась с балкона, внук затерялся среди других детей. Наконец она заметила его, пробралась сквозь живой поток, выдернула из толпы и встала в конец одной из двух очередей, которая казалась ей немножко короче первой, хотя оба хвоста, извиваясь и утолщаясь, были запредельно длинными.

У внука терпения хватило едва ли на пять минут. Он оторвался от бабушки и утёк в неизвестном направлении, без следа растворившись в толпе. Ирина Николаевна всё время озиралась, пристально высматривая непоседу в людском столпотворении. Иногда он, словно комета, мчавшаяся по густонаселённому небу, попадал в поле её зрения вместе с другими мальчишками, но она не успевала даже окликнуть его.

Ирина Николаевна была очень горда тем, что Глеб занимался в хоре. И вот сегодня он впервые участвовал в таком крупном мероприятии – репетиции хоров, которая проходила в стенах этого эстетически привлекательного здания.

Бабушка всё время пыталась приобщить внука к культуре, она часто приводила его сюда на спектакли местного кукольного театра, на новогодние праздники. А сегодня её любимый мальчик сам выступал на сцене!

А ведь чуть было не сорвалось! Накануне позвонила Светлана Павловна и сказала, что Глеба отстраняет от выступления за плохое поведение.

Ирина Николаевна применила всю силу своего обаяния и красноречия, чтобы убедить педагога дать Глебу шанс.

Она снова оглядела фойе в поисках внука, но вместо него наткнулась взглядом на руководителя, которая протискивалась мимо, не обращая на бабушку своего воспитанника никакого внимания.

Под сердцем неприятно скребануло.

– Светлана Павловна! – остановила она хоровичку. – Что-то мальчишки все плохо себя вели! Я всё время внимательно за ними следила!

– Да-да, поведение сегодня оставляет желать лучшего... – согласилась та, виновато моргая.

– И только Глеб вёл себя всё время хорошо! Лучше, чем все вместе взятые!

– Ну да, на этот раз... он неплохо себя вёл...

– А что случилось в конце? Почему вы его за руку дёрнули?..

– Он плюнул в Никиту...

Ирина Николаевна опешила, и когда Глеб появился на её орбите, она поймала его за плечи и строго сказала:

– Глеб, ты себя вёл сегодня просто замечательно, молодец! Но зачем же плюнул в Никиту, когда выходили на сцену? Ты должен вести себя прилично! Это же – фи-лар-мо-ния!

– А он первый в меня плюнул... – отмахнулся Глеб и умчался следом за тем самым худым рыжим конопатым парнишкой – Никитой, который никогда не отличался примерным поведением.

Бабушка не нашлась, что сказать на это признание.

Очередь двигалась очень медленно, конца и края ей не было. У Ирины Николаевны буквально ноги подкашивались от усталости и переживаний дня текущего. За внука. Она понимала, что уж если она устала, то как устал он. Ей хотелось как можно быстрее забрать свои вещи, вызвать такси и уехать домой.

Заветное окошко было уже совсем близко. Из порхающих туда-сюда дверей филармонии, которую один за другим покидали счастливицы, получившие свои пальто, в фойе попадал холодный декабрьский воздух. Несло так, что Ирина Никола-

евна боялась за внука. Как бы не продуло его! Как бы не заболел!

Внук, как вихрь, мчался к Ирине Николаевне, за ним – Никита. В двух шагах от неё Никита догнал Глеба и со всего размаху шлёпнул его по спине кулаком.

– Дурак! – нервно закричал Глеб и рванул за Никитой, нагнал его, вернул удар и снова побежал к бабушке. Никита не заставил себя долго ждать. Оказался ловчее и тут же дал сдачу. Глеб – ему. Никита снова погнался за Глебом. Началась потасовка. И если Никита хохотал, то Глеб был на взводе, страшно нервничал и бил неистово.

Ирина Николаевна остановила Никиту и, придерживая за плечо, сказала:

– Ребята, ведите себя прилично. Ведь это культурное учреждение, здесь нельзя баловаться.

Никита будто и не слышал. Он был воинственно настроен и по-прежнему рьяно рвался в бой.

– Никита, ты просто отойди сейчас от него!.. Иди к своей маме. Хорошо? – снова попыталась она урезонить забияку.

Он смотрел на Ирину Николаевну смеющимися глазами и не двигался с места. Тогда она поставила внука впереди себя, отгораживая его от Никиты. Но он умудрился из-за её спины достать Глеба.

– Уйди, – сказала Ирина Николаевна Никите строго.

Толпа с любопытством поглядывала на мальчишек.

– Не стыдно тебе? – обратилась к мальчику женщина в велюровом пиджаке.

Никита внял. И быстро удалился.

И тут подошла очередь Ирины Николаевны. С облегчением вздохнув, она подала номерки взъерошенной гардеробщице. Та рванулась было с места, вглядываясь в цифры. Но вдруг резко затормозила и со словами:

– С этим номерком в первое окно, это не мой участок! – кинула один номерок Ирине Николаевне.

– То есть как это не ваш?.. – растерялась Ирина Николаевна. – Но, позвольте, я отстояла огромную очередь...

Но гардеробщица, тоже, надо сказать, далеко не первой молодости, никак не отреагировав на реплику, развернулась и побежала со вторым номерком. Молниеносно вернулась и бухнула перед Ириной Николаевной хоть и симпатичный, но чужой – женский пуховичок.

У Ирины Николаевны глаза на лоб полезли от удивления.

– Что вы мне подали?! Это не наша вещь.

Гардеробщица приостановилась на секунду, впери в Ирину Николаевну злобный взгляд.

– Какой номерок – такие вещи, – сказала как отрезала и побежала обслуживать следующего человека.

– Но этот номерок мне выдали вы! – возмутилась Ирина Николаевна.

– Я вас впервые вижу, – заявила гардеробщица.

– Ну, ваша коллега! Какая разница! Работало ведь одно окно!.. Принесите нам, пожалуйста, наши вещи, – попросила она вежливо.

Никакой реакции!

– Это ваша вина, вы что-то напутали, – опять постаралась достучаться Ирина Николаевна.

– Я ничего не напутала, – бросила на ходу. – Вы мне дали номерок, я принесла вам одежду.

– Но это не наша одежда! Да вон же висит детский пуховичок моего внука, рядом с вешалкой, с которой вы сняли женское пальто. Подайте нам, пожалуйста, нашу, детскую одежду! – взывала к гардеробщице Ирина Николаевна.

Но та даже ухом не повела. Она продолжала брать номерки у очередников и выдавать им одежду, полностью игнорируя женщину. Как будто её здесь и не стояло вовсе.

Молчаливая очередь, словно горная река, бурливо текла мимо Ирины Николаевны.

Ирина Николаевна вглядывалась в равнодушные и устав-

шие лица, надеясь найти поддержку у людей, но все как один стыдливо отводили глаза. Кто-то сочувствующе, а некоторые с раздражением, а то и злинкой: чего, мол, встала, мешаешь... задерживаешь всех. Каждому хотелось как можно быстрее полутьчить свою одежду и уехать домой. Никто не вмешивался.

Внук набегался и теперь томился в ожидании возле бабушки.

Когда из открытой входной двери Ирину Николаевну в очередной раз обдало холодом, она не выдержала и закричала, швыряя номерок гардеробщице:

– Отдайте мне мои вещи немедленно! Я отстояла одну очередь и не намерена ещё столько же стоять в другой. Я не виновата, что у вас работает всего два окошка, а когда я сдавала вещи, вообще было одно окно! И это вы повесили нашу с внуком одежду в разных углах гардероба и перепутали номерки!.. Немедленно обслужите меня или я вызову полицию!

– Да, мы сейчас полицию вызовем! – поддержал её внучок.

Ирина Николаевна ужаснулась: ещё не хватало в эту некрасивую историю впутывать мальчика! Это вовсе не тот пример для подражания, который хотела бы преподать бабушка своему внуку. Она быстро отвела его к дальней кушетке, усадила там, дала в руки сотовый телефон и вернулась к окошку.

Оглянувшись на внука, убедилась, что он увлечён игрой, и вновь подступила к гардеробщице с убедительной просьбой принести ей одежду.

Гардеробщица вняла просьбам, схватила у неё номерок и ускакала вглубь гардероба, почти мгновенно вернулась со старенькой утеплённой курткой кофейного цвета и швырнула её Ирине Николаевне.

– Что вы так кидаете?! – возмутилась Ирина Николаевна и оглянулась, ища поддержки у очереди.

Очередь безмолвствовала.

Ирина Николаевна стояла возле окошка и смотрела, как люди забирали свои вещи и уходили довольные, чужой пуховичок сиротливо валялся на стойке.

– Верните нашу вещь! – попыталась Ирина Николаевна поймать в очередной раз шуструю гардеробщицу.

Та опять проигнорировала её.

– Я пойду искать на вас управу! – чуть не плача сказала Ирина Николаевна гардеробщице.

– Вот когда придут с вашим номерком, тогда и заберёте, – парировала та.

Доведённая до полного отчаянья, Ирина Николаевна уже не могла адекватно реагировать на ситуацию. Хамское поведение гардеробщицы просто уничтожило её, раздавило, размазало, словно асфальтовым катком прошлись по ней. В её представлении филармония – это храм культуры, где все вежливы и предупредительны. Это место, где доселе она отдыхала душой и нередко испытывала катарсис.

И этот её мир, выстроенный годами, рухнул в одночасье.

У неё подкашивались ноги, кружилась голова, её даже слегка подташнивало. Она хотела лишь одного: как можно быстрее получить одежду и увезти внука домой.

Чувствуя полную беспомощность и бесправность, она не знала, что предпринять. Но и стоять тут истуканом она уже просто не могла. И побежала к служебному входу в гардероб, но он был предусмотрительно закрыт. На стук никто не реагировал. Тогда она пошла к охранникам и объяснила ситуацию, волнуясь и путаясь в словах. Они ничем не помогли ей, ответили, что не в их компетенции. Ну хотя бы посочувствовали и направили к администратору.

Администратор находилась на своём месте – в конце фойе, почти у самого выхода на второй этаж. Выслушала. Постаралась понять. Успокоила: разберёмся. Предложила: напишите заявление. Но этим и ограничилось.

– Знаете, – обратилась Ирина Николаевна к администратору, – я глубоко убеждена, что не только театр начинается с вешалки, но и филармония, да и любое другое учреждение культуры. Я с таким удовольствием бывала у вас, вы ведь прак-

тически единственный культурный центр в нашем городе... И вот теперь такой неприятный осадок. Мне больше не хочется ходить к вам. Честное слово.

– Извините! Извините, пожалуйста, – залепетала молоденькая симпатичная администраторша. И тем смягчила-таки сердце женщины.

– Очень надеюсь, что администрация примет меры и больше никогда и ни с кем не произойдёт ничего подобного, – сказала Ирина Николаевна.

Она вернулась на своё место. И стояла теперь молча, исподлобья наблюдая за действиями бездушной хамоватой гардеробщицы.

Внучок сидел на лавочке и увлечённо тыкал пальчиком в телефон.

Очередь практически иссякла. Оставалось с десяток человек.

– Не принимайте всё так близко к сердцу, – обратился к Ирине Николаевне пожилой, интеллигентного вида мужчина, стоявший в очереди почти последним. – Хамство не всегда процветает в учреждениях культуры, это, скорее, прерогатива ресторанного бизнеса, когда охранники и гардеробщики мнят из себя не знамо кого... Не переживайте так. Поберегите нервы. Пускай это будет на её совести.

И тут наконец объявилась владелица злополучного пуховика. После предъявления номерка гардеробщица, даже не извинившись, вручила ей пуховичок Глеба. Они обменялись с женщиной вещами. Вызвали такси и наконец практически самыми последними покинули стены филармонии.

«Что вынесет из этой истории внук, какую культуру поведения возьмёт на вооружение?» – с грустью думала Ирина Николаевна, с нежностью глядя на Глеба, притулившегося к её плечу и мирно посапывающего.

Гардероб, конечно, не вся филармония, а лишь малая её часть. Но из таких вот мелочей и складывается целое. И если

одно звено порушено, не будет и целого, подобно тому, как без одного утерянного пазла не сложится общая картинка.

Нет, это, конечно, не конец света. Наверняка у неё ещё будет возможность, да и не одна, приобщить внука к культуре.

Но какой отпечаток оставит нынешнее происшествие на судьбе внука?! И что же делать ей, взрослой даме, с этим неприятным осадком, что остался в её душе?..

...А в концерте Глебу участвовать так и не пришлось. После этого вечера у него подскочила температура почти до сорока градусов, и он провалялся дома более двух недель.

10 августа 2016 года.

Фабрика грёз

Моя дочь Вероника получила в дар от Бога голос с красиво окрашенным тембром и большим диапазоном. Когда она поёт, люди вокруг замирают, и все как один твердят: какая талантливая девочка, тебе надо на «Фабрику», пой, дорогая, радуй наши сердца! Когда я слушаю пение дочери, мне хочется плакать. До того за душу берёт. И вот мы поехали покорять Москву.

Первым делом мы подали документы на отделение «Эстрадно-джазовый вокал» в училище им. Гнесиных, которое располагается рядышком с метро «Третьяковская», что практически в центре Москвы. Шансы на поступление дочери я считала низкими из-за слабой теоретической подготовки. В детстве она всего полгода посещала ДМШ, и вот теперь, став уже практически взрослой, поступила в Колледж русской культуры, где проучилась всего один год. Надо сказать, музыкальная грамота ей давалась с трудом.

Из училища им. Гнесиных мы пешком дошли до знаменитого Арбата, переполненного музыкантами и художниками, небрежно водящими кисточками по мольберту. Отсюда два шага до института им. Гнесиных, куда мы тоже хотели попробовать поступить, но уже на «Академический вокал».

Мы робко протиснулись в кабинет, указанный вахтёром. Полноватая блондинка средних лет с бледной помадой на полных губах, узнав цель нашего визита, равнодушно глянула как бы сквозь нас и сообщила ледяным голосом, что мы опоздали, экзамены только что закончились и курс уже набран. Я попросила, чтобы просто хотя бы послушали мою дочь.

– Прослушать... Чтобы что?.. – глянула она на меня иронично.

– Мы ехали в столицу из такой далёкой дали, из самой Сибири! – горячо начала я. – И должны вернуться обратно несолоно хлебавши?.. А вдруг вы пропускаете мимо особо одарён-

ную девочку?! И именно она – та золотая крупица, которую вы ищете по всему белу свету... Ей обязательно надо учиться, понимаете?.. Она очень талантливая, очень!

Видимо, моя хотя и нескладная, но горячая речь и мощный энергетический посыл разбили-таки плотину льда в сердце женщины. Она уже с любопытством окинула взглядом Веронику. И, взяв телефонную трубку, нехотя набрала номер.

– Дмитрий Валентинович, тут хотят пройти прослушивание... Девушка и её мать... Да. Говорила. Утверждает, что безумно талантлива... Да. Хорошо.

Женщина положила трубку. В глазах промелькнуло весёлое любопытство, и лёгкая усмешка тронула её губы, она как будто говорила: ну-ну, посмотрим... чтобы вы не воображали тут...

– Идите в 105-й кабинет и ждите, педагог сейчас подойдёт, – произнесла уже мягким и сочувствующим голосом.

Они были вдвоём: педагог и аккомпаниатор. Оба достаточно молоды, худощавы и симпатичны. Особенно выделялся второй: в джинсах и стильной футболке, длинный, волосатый, бородатый – словом, настоящий музыкант.

– Ну, что будем петь? – равнодушно и обыденно сказал педагог, скучным движением гения поправляя галстук и как бы подгоняя события.

Видимо, ему очень хотелось как можно быстрее выпроводить нас за двери. Он всем видом своим показывал, как надоели ему эти многочасовые прослушивания в большинстве своём безголосых и бездарных мальчиков и девочек.

Вероника начала петь... И я увидела, как сразу же, с первых нот, лица мужчин стали преображаться по возрастающей. К концу недлинной композиции глаза музыканта откровенно и восторженно горели, а педагог пытался сдерживать свои истинные чувства, но довольство кота, налакавшегося сметаны, проступало через его нарочито строго сдвинутые брови. Живой взгляд и дрожащие в полуулыбке губы выдавали то истинное впечатление, которое произвела на него моя дочь. Видно

было, что и фактура пришлась им по душе. Ну ещё бы! Длинноногая, пышногрудая, длинноволосая, статная девушка с детским выражением карих глаз!..

– Ваша девочка и вправду не лишена способностей, – обратился ко мне Дмитрий Валентинович, не в силах сдержать улыбки. – Но приём-то действительно окончен. Вы опоздали.

– Но, может быть, можно что-нибудь сделать в виде исключения? – осторожно спросила я.

– А что тут сделаешь?.. Может, ещё скажете, что это Фрося Бурлакова к нам пришла?! Так только в кино бывает... Теперь милости прошу на будущий год! – пригласил он. – Да не опаздывайте. Или, постойте! Можете в сентябре подъехать. Возможно, будет дополнительный набор. Но только на платный курс.

Мы покидали институт в бурном возбуждении от того, что Веронику сравнили с Фросей Бурлаковой. Я ещё больше уверилась в том, что дочка моя чего-то стоит. Нет, не зря мы дали ей такое многообещающее имя! Вероника!

Решили мы попытать счастья и в училище им. Шнитке. Я осталась внизу в коридоре, когда педагог, приятного вида женщина средних лет с бутылочного цвета глазами на выкате, увела Веронику на второй этаж в кабинет для занятий вокалом. И тут, внизу, меня настиг голос моей дочери, широко льющийся по всему пространству здания. Даже уборщица застыла на лестнице со шваброй в руках. Надо же, вздохнула, эт кто ж так поёт?!

Педагог улыбалась широкой счастливой улыбкой. Много добрых слов наговорила она о моей дочери, предложила поторопиться со сдачей документов и сказала, что надо пройти фониатра. Фониатр сообщила, что связки у Вероники в предузелковом состоянии, что их обязательно надо пролечить, но справку всё-таки выписала, пожалела.

Мы сдали в приёмную комиссию копии документов, поскольку оригиналы находились в училище им. Гнесиных. Когда

пришли на экзамен по специальности «академический вокал» и выяснилось, что оригиналов документов нет, пришлось сказать, что дома забыли.

Веронику не допустили до экзаменов.

Педагог, который прослушивал Веронику, очень расстроилась. Идите к ректору, сказала она, и умоляйте, чтобы вас допустили на первый экзамен по копиям документов. А потом попросите, чтобы кто-нибудь прислал вам документы по быстрой почте.

Я зашла в приёмную. Объяснила ситуацию секретарше, она сказала, что спросит у ректора разрешение для нас. Я настаивала на том, что сделаю это сама. Но она не пустила, и сразу стало ясно, что партия проиграна, потому что только я могла убедить ректора в пользе и необходимости допуска дочери к экзаменам.

Так и случилось. Ответ ректора был отрицательным.

А вот в училище им. Гнесиных всё шло как по маслу, Вероника успешно сдавала экзамены, незаметно дойдя до последнего. Всё, поступила!

И вдруг в деканате огорошили новостью: ваша дочь идёт на платное обучение, потому что не сразу после школы поступила, а уже год отучилась в среднем специальном учебном заведении. Стоимость обучения – 75 тысяч в год. Оплата до конца июля. Отсрочка платежа невозможна. И никаких исключений, невзирая на мою просьбу.

Я бы могла собирать эти деньги, если бы мне дали хотя бы ещё месяца полтора – до сентября. Но никто не услышал меня, навстречу мне не пошли.

Когда уже собрали чемоданы, увидели объявление, что в субботу состоится кастинг на очередную «Фабрику звёзд», на этот раз набирала Алла Пугачёва! Мы решили вновь испытать судьбу.

Хвост невиданной длины, пушистый и разномастный, извивался на подступах к главному входу в Останкино, расширяясь ближе к ограждению с левой стороны и сужаясь после благодаря шеренге плечистых парней в спецодежде, регулирующих нескончаемый поток стильных и не очень юношей и девушек к входу в «рай».

Мы с дочкой долго шли вдоль этого нескончаемого потока, пока не добрались до самой до окраины, где прилепились в конец живой очереди, став её частью. И тут же за нами встали двое, следом ещё, и ещё, и ещё... молодые люди, девушки с мамами или подругами.

Так что очень быстро мы оказались где-то в середине хвостатого чудовища. А очередь всё росла и росла, увеличиваясь с каждой минутой. Она поражала своей масштабностью. Казалось, в одну эту точку – Останкино – стекалась юная поросль со всех уголков России, да и со всего пространства бывшего Советского Союза.

Куда стремились эти ребята? На «Фабрику звёзд»? На «Фабрику», где сбываются мечты, увы, лишь избранных, тех, к кому благосклонна судьба.

А сколько их, мечтающих дотянуться до звёзд, грезящих о славе, поклонниках и цветах, о том, чтобы заметили на небосклоне вечности тебя, единственную и неповторимую звёздочку?! Ведь все люди – маленькие планеты, одиноко несущиеся в бездне бесконечного пространства к своей конечной станции.

Удел одних – промчатся стремглав, не оставив никакого следа, других – вспыхнуть, освещая на миг тёмную бездну, и тоже исчезнуть.

И вот мы с дочкой стоим в этой очереди. Ещё одна попытка доказать талантливость Вероники и удовлетворить мои родительские амбиции.

Мы уже вжились в очередь, освоили пространство, оно стало нашим, родным. Перезнакомились с соседями. За нами стояли, медленно двигаясь к общей цели, тоже мама с дочкой

Юлей – худенькой, низкорослой и очень тихой. Дальше шли три подружки – звонкоголосые, шумные, потом женщина с угрюмым лицом. Впереди нас – весёлая компания девушек и юношей.

Часам к двенадцати мы сильно проголодались, и так как конца и края нашему движению не было, мы с Юлиной мамой решили по очереди сводить наших девочек в расположенное неподалёку кафе, чтобы они не упали в голодный обморок. Сначала туда отправились мы, а потом Юля со своей мамой, которые почему-то задерживались.

Мы приближались к узкому, словно горлышко у бутылки, проходу, были уже буквально в нескольких метрах от него, а они всё не возвращались.

Напрасно переживали, широкий поток очереди теперь двигался ещё медленнее.

Солнце, томившее с утра, распалилось, надсадило и закрылось тучками.

Всеобщее внимание привлекли молодые весёлые голоса. Парни вернулись ОТТУДА! И в отличие от всех остальных, мышкой выскальзывающих из Останкино, незаметно и стыдливо просачивающихся сквозь очередь и моментально растворяющихся в толпе, эти звонко заявили о себе, безудержно веселясь.

К ним сразу же бросилась толпа. Что? Как? Прошли? Что спрашивали? Их буквально засыпали вопросами. А те отчаянно как-то хохотали и с долей сарказма говорили: конечно! Прошли! И вы сходите! Всё ништяк! Ха-ха-ха-ха...

Следом на нашем горизонте появилась девушка с тетрадкой в кожаном переплёте и с карандашиком на изготровку.

– Кто хочет прямо сейчас со мной пойти на съёмку передачи к Андрею Малахову, – начинает она зазывать, вглядываясь в очередь.

И некоторые, словно молекулы, отрываются от очереди и струйкой текут за ней.

Я хотела присоединиться к ним. Что-то мне подсказывало,

что надо именно так поступить. Но останавливало чувство долга. Я думала: а как же наши соседки? Они же потеряют свою очередь без нас. И мы остались.

Неожиданно и как-то сразу на землю обрушился ливень. Кто-то прикрывался целлофановыми пакетами, некоторые поднимали над головой сумочки. У нас был зонт, один на двоих. Но пришлось прятаться вчетвером. Джинсовая курточка Вероники промокла, да и через мой пиджак просочилась вода.

Теперь мы находились в середине группы молодых людей, стоявших впереди. Они тихонько напевали. Неплохо получалось. Один загорелый паренёк, напоминавший внешне какого-то актёра, не могла вспомнить имя, сказал, обращаясь почему-то именно ко мне:

– А знаете, у меня очень серьёзные намерения. Я обязательно пройду.

Что ж, удачи тебе, юноша. Я подумала о том, как много талантливой молодёжи вокруг и что шансы у моей шестнадцатилетней Вероники, по сути, не так уж и велики. Ну, что ж, хотя бы попробует.

Наконец из «бутылки» нас выдавливают в узкое её горлышко, и здесь мы, словно селёдка в бочке, стиснутые друг другом со всех сторон, плывём к заветным воротам. Я могла бы отойти в сторону и наблюдать, как моя дочь мечется в этом узком пространстве. Но я проявляю солидарность: иду с ней до конца, стараясь приналечь на особо рьяных, чтобы зацелить Веронику от удавки.

Страх быть раздавленными в этой толпе не оставляет меня до самых ворот. И наконец вот они – ворота рая!

Дочь втискивается в них, вместе с остальными очередниками бежит к входу в Останкино. А я отлетаю в сторонку. И теперь мы с Юлиной мамой, чьей-то бабушкой и ещё несколькими женщинами наблюдаем издали, как наши детки подбегают к большому крылечку, как там проверяют у них паспорта, как заглатывает их ненасытная останкинская дверь.

Нам остаётся ждать. Долго. Нудно. Мучительно.

Только теперь я начинаю чувствовать, как гудят мои натруженные часами стояния ноги. Как усталость разливается по всему телу. И мне уже не до мокрого пиджака, тем более что солнышко, пожалев нас, выкатилось из своего укрытия и теперь виновато улыбалось нам с небес.

Наконец девчушка, которая ещё в очереди примелькалась, вышла из ворот, безутешно рыдая. Симпатичная, русоволосая, похожая на одну из солисток АББА.

– Не переживай ты так, девочка, – пытаюсь утешить её. – Это всего лишь кастинг.

– У меня те-ле-фон украа-а-ли, – ревет она. – У нас там все сумки в куче лежали...

Она очень переживала, боялась, что дома, а она из Подмосковья, её накажут. Телефоны-то были ещё в диковинку.

А вот и наши девочки, подружившиеся за короткое и такое долгое время жизни в очереди. Вероника с Юлей идут, держась за руки, и улыбаются. Хороший знак?! Не знаем, что и думать.

– Ну как?..

– Ништяк!

– Всё хорошо, – пытаются они успокоить нас.

И обе смеются.

– Нет, ну правда, как всё прошло?..

– Мама-аа, – тянет моя дочь. – Алла Борисовна пригласила нас всех, человек десять, в комнату и предложила станцевать...

– И что?! Что дальше?.. И даже не послушала?!

– Нет.

– Ни одной строчки, ни фразы даже?..

– Ни-че-го! И ни-ко-го! Одну лишь девочку пригласили в соседний кабинет и предложили спеть.

– Почему одну? Её?

– Знаешь, мама, она очень красивая. Такая худенькая, светловолосая и большеглазая. Правда, она плохо спела, её не взяли, вся в слезах выбежала оттуда.

– Ну как же так! – возмущались мы. – Даже не послушать!..

В глубине души каждая мамочка была уверена, что её-то дочку обязательно заметят.

– Ещё Алла Борисовна сказала о том, какие мы все красивые, нарядные, и что в её время не было такой хорошей одежды, – говорит моя дочь, отвлекая меня от грустных мыслей. – Да не переживай ты так, ма! – продолжает через минуту Вероника.

– И всё же, даже кастинг для проформы! Должны же были сделать как-то по-человечески, – говорит Юлина мать. – Ведь могли бы дать спеть хотя бы по куплету! Для чего же тогда всё это шоу устроили? Для журналистов?.. Показуху эту?..

– Они давно уже набрали себе людей, а сейчас просто делают вид, – говорит моя дочь. – И отбирают по внешности, таланты тут никому не нужны...

Мне не хотелось драматизировать ситуацию, и я сделала вид, что совершенно не расстроилась по поводу несостоявшегося кастинга и провалившихся попыток поступления дочери в специальные учебные заведения, в которых готовят вокалистов. Но где-то на самом доньшке души противно скребли кошки. Чувство вины, возможно, возникшее из-за того, что я, такая непутёвая мать, не могу дать своей одарённой дочери ничего для того, чтобы её способности не пропали, не давало мне покоя.

Ещё я понимала, что не могу оторвать от себя 16-летнюю дочь и выпустить её во взрослую, самостоятельную жизнь (такой вот симбиоз!), несмотря на то что этот путь мог бы привести её к звёздам (но ведь мог и в другое место!). И я винила себя за то, что для неё «Фабрика звёзд», и вообще звёздная жизнь, если таковая и могла бы случиться, отныне и, возможно, навсегда останется лишь в её и моих грёзах.

Но больше всего меня угнетала мысль о том, что моя незрелая, как мне думалось, дочь оказалась права: таланты тут никому не нужны, миром правит золотой телец. Вероника в свои юные годы утратила все иллюзии, которыми питалась я, её перзрелая мать. Дочку в её-то годы разучили мечтать. Вот что страшно.

29 июля 2016 года.

Вечерний рейс

1.

Володины решили провести зимние каникулы в одном из самых модных горнолыжных курортов Франции – Куршевеле. И не только потому, что там звёзды отдыхают, но и по причине сказочного сервиса, предлагаемого рекламными проспектами.

Активный отдых стал их семейной традицией: уже три года в начале января они уезжали из своего северного городка с трескучими январскими морозами туда, где климат мягче, где можно дышать свежим воздухом, кататься на лыжах... Словом, проводить время интересно, набираться ярких впечатлений, чтобы их хватало до самого лета.

Сначала это была средняя полоса России. Дочке Наташе тогда исполнилось четыре года, и Володины впервые поставили её на лыжи. На следующую зиму она уже уверенно каталась под присмотром родителей на склонах Швейцарских Альп, в Давосе. Им так понравился этот горнолыжный курорт, что и на этот раз они были настроены только на Альпы!

Они могли теперь позволить себе эту поездку, прежде казавшуюся сказочной роскошью. Михаил недавно получил должность с приличным окладом – заместителя начальника строительной компании. Ольга работала в молодёжном отделе местного муниципалитета – хотя и не очень высокая официальная зарплата, зато премии чуть ли не ежемесячные и к отпуску добавка.

Хотели Новый год встретить на курорте, но протянулись. Билетов на конец декабря уже не было – много оказалось желающих лететь через Москву, пришлось взять на 1 января на вечерний рейс.

Михаил с мороза – ресницы в инее, на дублёнке и шапке снег – с улыбкой размахивал зажатými в кулак билетами. Оль-

га ответно улыбалась, любуясь мужем. Как он был хорош, её Мишенька! Чуть выше среднего роста, среднего сложения – ни худой ни толстый, дублёнка сидела на нём как влитая. Стрижка полубокс открывала его овальное лицо, в котором было всё пропорционально: нос, губы, глаза вишнёвого цвета. Тут вот создатель явно никуда не спешил и очень постарался – ровно и точно отмерил.

Михаил легко сбросил с себя дублёнку, повесил на вешалку и обнял Ольгу, она уткнулась ему в плечо. Ольга была полной противоположностью мужу. Огромные серые глаза слегка навывкате, прямой острый нос и маленький, красивого рисунка рот. Светлые прямые волосы до середины тоненькой спины довершали образ создания хрупкого и нежного.

– А где моя маленькая принцесса? – громко спросил Михаил. – Почему она не встречает своего папочку?! – И направился в комнату шестилетней дочери.

Наташа сидела за невысоким столиком и раскрашивала цветными карандашами рисунок в альбоме. Увидев отца, девочка издала радостный вопль, соскочила с места с такой скоростью, что стульчик повалился на пол, и со всех ног кинулась к отцу. Он подхватил её на руки и закружил по комнате, Наташа звонко смеялась и радостно повизгивала от восторга. Затем Михаил взял дочь на руки, она обняла его крепко за шею.

– Натуся, слезь с отца, задавишь, – шуточно пробурчала Ольга, с улыбкой наблюдавшая за мужем и дочкой.

Ольга немножко ревновала мужа к дочери. Она вдруг подумала, что Миша дочку любит больше, чем её. Но тут же прогнала дурные мысли, тряхнув головой. И залюбовалась родными людьми. Ах, как же дочка похожа на своего отца! Просто две капли воды. Такая же ладненькая и черноволосая, и глазёнки-вишенки. А ещё между ними было необычайное притяжение, только мать и ребёнок так бывают связаны между собой пуповиной.

Отец и дочь баловались долго. Боролись. Наташа попыталась свалить отца, обхватив его руку, будто бы перебрасывая

через плечо. Михаил, поддаваясь, упал на бежево-рыжеватый ворсистый ковёр. Наташа навалилась на него, придавливая сверху.

– Сдаёшься?! – закричала Наташа.

– Сдаюсь-сдаюсь, – смеясь, ответил отец.

«И не надоест ведь!» – подумала Ольга.

– Натуся, доченька, а давай папу покормим, – предложила она.

– Папочка, ты голодный? – спросила дочь.

– Ужжжасно! – ответил он.

Наташа схватила отца за руку и поскакала на кухню, увлекая его за собой. Мать поспешила за ними.

Отец и дочь сидели рядышком и с удовольствием, поглядывая друг на друга, будто соревнуясь, ели винегрет и толчёный картофель с котлетками. Ольга с улыбкой смотрела на них.

– Нет, ну посмотри, мамочка, какие мы с Натусей молодцы! – обратился Михаил к Ольге. – Как мы расправились с едой, а?! Какие мы теперь сильные! Да, Натусь!.. Ну-ка покажи маме мышцы.

Наташа с серьёзным видом согнула руку, напрягалась изо всех сил, Ольга потрогала мягкие мышцы дочки.

– О-о-о! – восхитилась она. – Вот это да! Молодец!

– А у папы! У папы!.. Пощупай!.. – звонко крикнула Наташа и повисала, ухватившись за крепкую руку отца.

– И папа молодец. И знаешь, у него настоящие мускулы. А всё потому, что он по утрам ест овсяную кашу, а не манную.

Наташа нахмурилась.

– Но я люблю манную...

– А овсяная полезнее.

– Ну ладно-ладно, – примирительно сказал отец. – Манная, она ведь тоже полезная, с неё тоже дети быстро растут... А то бы её и не продавали, так ведь?

Михаил заговорщицки подмигнул дочке.

– Так ведь, так ведь, – захлопала в ладоши Наташа.

Ольга с укоризной поглядела на мужа, тот улыбался и подмигивал ей тоже.

Поужинав, дочь и отец отправились в зал, а Ольга задержалась на кухне. Убирая посуду, она думала о том, что и вкусовые пристрастия у отца и дочери одинаковые, и улыбалась безмятежно.

Так, со счастливой улыбкой на лице, она и вошла в зал, присела на любимое кресло, чтобы оттуда спокойно наблюдать за вознёй мужа с дочкой. Ольге было комфортно в привычном мягком интерьере общей их комнаты в большой просторной квартире. Вся комната была в пастельных тонах, специально подобранных ею. Ей нравилось здесь всё: высокие потолки, пушистый ковёр, хрустальная люстра, комфортный диван с разноцветными подушками, который они с Михаилом долго искали. Именно такой, и никакой больше. Мягко спускающиеся бежевого оттенка портьеры по бокам белоснежного тюля.

Ольга задержала взгляд на листьях огромного фикуса Бенджамина, напоминающего небольшое деревце, в углу в глиняном горшке. Фикус – особая гордость хозяйки в цветнике, созданном её «зелёными» ручками. Наташа тоже любила этот цветок.

Она притащила рисунок из своей комнаты и показывала его отцу. Тот похвалил дочку, какая она молодец, так красиво нарисовала.

– А у меня тоже для тебя сюрприз, – сказал Михаил дочери.

– Сюрприз! Какой?! Какой?! Покажи! – радостно защебетала девочка, подпрыгивая на месте, словно мячик.

– Вот! Билеты! Мы летим отдыхать в Альпы. 1 января, вечерним рейсом...

И вдруг... У Наташи медленно-медленно сползла улыбка. И закатились глаза.

Михаил с Ольгой испуганно переглянулись.

Наташа пошатнулась и упала бы, но отец молниеносно подхватил её на руки.

2.

День был морозный, термометр показывал 30 градусов по Цельсию. Володины добирались до аэропорта на такси медленнее, чем хотелось бы. Поток легковых автомобилей на этом направлении вечером 1 января неприятно удивил Михаила.

Стоял густой туман, в двух метрах ничего не было видно, водители ехали осторожно, с небольшой скоростью. Михаил с опаской поглядывал на часы, когда застревали на очередном светофоре.

И вот наконец показалось здание аэропорта, монументально маячившее на финишной прямой.

Не опоздали. Хотя регистрация пассажиров уже подходила к концу. Возле самой стойки копошилось семейство: высокая сухая дама с паспортами и билетами, её муж сдавал багаж – два чемодана, их дети-погодки подросткового возраста толкали друг друга исподтишка.

Сразу за ними стояли две представительные дамы в норковых коричневых шубках. Обе маленького роста, одна худенькая совсем, с серым лицом и высоко нарисованными бровями. Другая – полненькая, пышущая здоровьем и очень энергичная, розовощёкая, с прядями волос, спускающимися кольцами к плечам. Дамы обсуждали красоту и неповторимость Праги, куда и отправлялись на зимние каникулы.

Володины пристроились следом за ними. И вскоре, сдав чемоданы, отправились через контрольно-пропускной пункт, где их тщательно осмотрели, напрямиком в накопитель – маленький душный зал. Тут им предстояло ещё несколько томительных минут ожидания.

Михаил расстегнул дублёнку, Ольга свою белую короткую шубку сняла и присела на свободное место, аккуратно положив её на колени. Михаил снял с дочки пушистую шапочку с помпоном и нарядный пуховичок.

Две дамы, те, что на регистрации стояли перед Володинами, опять оказались рядом с ними. Они тихо переговаривались между собой, поглядывая то на Михаила и Ольгу, то на их дочку.

– Извините, – обратилась к ним через некоторое время одна из них, та, что побойчей. – Вы такая красивая семейная пара! Мы всё время любуемся вами.

– А дочка у вас, ну, прямо куколка! – включилась в разговор и другая, худенькая.

– И так на папу похожа, – поддержала её подруга, – просто копия!

Наташа смиренно сидела между родителями, прислонившись головой с аккуратно заплетёнными косичками к руке отца. В ярком свитере и джинсовом сарафане она выглядела очень эффектно. И вела себя, в отличие от других детей, спокойно. Она была грустной, молчаливой. Не бегала, не суежилась и ни на шаг не отходила от отца.

Долго ждать не пришлось, вскоре объявили посадку. Дородная женщина с повязкой на рукаве пригласила всех к выходу № 1. Володины быстро, но сохраняя при этом достоинство, оделись. Наташа застегнула пуховичок, отец надел на неё шапочку, взял её за руку, и они направились к выходу.

И тут неожиданно Наташа встала столбом, вырвав свою руку из отцовской.

Он недоумённо на неё взглянул.

– Что, Наташа?!

– Я не пойду на самолёт! – отрезала она.

– Что ещё за капризы? – удивилась Ольга, строго нахмутив брови.

Наташа как будто не слышала её. Она обращалась только к отцу.

– Папочка. – Наташа сложила бровки домиком, руки прижала к груди. – Папочка, давай никуда не полетим!

– Что такое, малыш? Что случилось?..

Михаил присел на корточках перед Наташей и заглянул ей прямо в глаза. В расширенных зрачках дочки метался ужас.

– Ничего не понимаю! Ещё минуту назад всё было хорошо. Что случилось?.. Тебе плохо? Что-нибудь болит?..

Наташа не отвечала, лишь повторяла как заклинание:

– Папочка, поедem домой! Папочка, поедem домой...

– Доченька, пойми, у нас билеты, путёвки... Давай мы сейчас успокоимся и пойдём вместе со всеми на посадку. Ты боишься лететь, да?.. Не бойся, я рядом, всё будет хорошо. Ты же уже много раз летала!

Михаил крепко взял Наташу за руку и потянул её на выход, но она отчаянно уперлась и звонко на весь аэропорт закричала:

– Нет-нет-нет! Не пойду!.. Отпусти меня!..

– Всё будет хорошо, – успокаивал её отец. – Ничего не бойся, я с тобой.

– Да что с ней разговаривать, – сказала сердито Ольга, схватила Наташу за руку и поволокла к выходу.

Михаил подхватил дочку за другую руку.

Наташа визжала, упиралась ногами в пол, старалась вырваться из цепких родительских рук. Володины оглядывались по сторонам, им было неудобно за поведение дочери. Что о них подумают люди?! Что они плохие родители, не умеют воспитывать ребёнка?.. И пойдй объясни, что такое поведение нетипично для их дочки.

Растерянный Михаил услышал вдруг, как их соседки – уже знакомые дамы – говорили между собой вполголоса.

– Надо же! Спокойная хорошая девочка... И вдруг такая истерика!..

Михаил уловил сочувствующий взгляд худенькой дамы.

– Да уж, – произнесла её подруга. – Детские капризы непредсказуемы...

В автобусе Наташа так же неожиданно притихла. Родители решили, что просто был бзик или ещё не до конца выздоровела. Михаил взял дочку на руки и вошёл с нею по трапу внутрь самолёта, стюардесса указала Володиным их места во втором салоне перед перегородкой, где обычно сидят пассажиры с детьми. Они устроились удобнее. Наташа села возле иллюминатора, Ольга с краю, а Михаил – посередине.

Самолёт Ту-154 Б-2 готовился к вылету, рейсом на Москву.

Заработали двигатели. И почти сразу во втором салоне повалил чёрный густой дым. Он быстро стал заполнять пространство. На задних местах закричали.

– Миша!.. Что же это, а?! Миша!.. – Ольга не на шутку запаниковала. Она стала суетиться, хватать одежду, искать сумку...

– Спокойно, Оля, спокойно! – сказал Михаил, взяв жену за плечи и немного тряхнув.

– Уважаемые пассажиры, прошу соблюдать спокойствие! – обратилась к людям стюардесса.

Очень скоро дым стал плотным.

– Оставайтесь, пожалуйста, на своих местах! – взывала стюардесса.

Но её уже никто не слушал. Пассажиры авиалайнера ринулись к выходу. Началась паника.

Ольга закричала. Михаил вытолкнул жену в проход. Толпа подхватила её и понесла дальше. А он сорвал с шеи шарф, окутал им голову задыхающейся от дыма дочери и с нею попытался пробиться к выходу. Ему не хватало воздуха, он делал огромные усилия, чтобы встроиться в безумный людской поток, который унёс его жену, Ольгу.

Стюардессы не оставляли попыток докричаться до обезумевшей толпы, просили не паниковать. Потом велели опуститься на пол. Вскоре всё затянуло чёрным густым дымом. Спинки кресел сложились, как мозаика, люди ползли по ним к выходу. Дверь в тамбуре какое-то время не могли открыть, народ сбился туда. Возникла страшная давка.

Толпа несла Ольгу вперёд, она пыталась оглянуться, чтобы увидеть, что дочь и муж рядом, но даже вздохнуть не могла. Она верила, что они пробираются к выходу следом за ней.

Когда наконец удалось открыть дверь, вся людская масса покатилась в первый салон.

Бортпроводница всё ещё пыталась успокоить людей, но поняла, что это бессмысленно, и молча помогала им спускаться вниз. Тех, кто не решался прыгать из горящего самолета с трёхметровой высоты, она сталкивала. Чтобы спасти.

Тем временем её напарница выпустила надувной трап. Но надуть его не смогла. Ей не дали дотянуться до спасительного рычага. Толпа вытолкала её из самолёта. Она ухватилась одной рукой за выступ, но долго провисеть так не смогла и тоже прыгнула вниз, но неудачно приземлилась, взвыла от боли в ноге.

Ольгу выбросило в первый салон вместе с другими. Там тоже уже была гарь, тягучая, как смола, дышать невозможно. Ольга поднялась с колен, чтобы посмотреть, куда двигаться дальше, а там, позади, полыхал огонь! Она снова упала на колени, ползала, искала и не могла найти выход. И тут услышала крики:

– Сюда-сюда! – звал кто-то с улицы.

Она подалась на крик и кое-как пробралась к выходу.

Всё было, словно в тумане. Внизу работники аэропорта орали:

– Женщина, прыгайте! Прыгайте!..

Ольга вздохнула, закашлялась... и сиганула вниз. С трёхметровой высоты на бетон. Внизу её поймал работник аэропорта. Она приземлилась прямо на него.

– Уходите, бегите от самолёта, – махал на людей руками какой-то мужик. – Борт может взорваться в любую минуту.

Ольга пятилась к зданию аэропорта и внимательно следила за тем, как люди прыгали с крыла самолёта. Но среди них всё не было Михаила и дочери!..

Седой мужчина во всё горло звал своего внука и попутно помогал пассажирам выбираться из самолёта. В какой-то момент в клубах дыма показался мальчишка. С борта его столкнула проводница. Дед ловко поймал внука.

И вновь на крыле самолёта возникла детская фигурка. Ольга кинулась к самолёту, ей показалось, что это дочка!

– А-а-а! – страшно закричала она, когда поняла, что обозналась.

Кто-то снова махал на неё руками, отгоняя, как собачонку,

от самолёта, а она отпихивала все руки, которые её удерживали и, дико, как раненый зверь, вопя, рвалась туда, где клубы дыма уже обрамлялись огненными языками.

А люди всё прыгали. Многие попадали под струи ледяной воды, которой поливали самолёт из подоспевших к месту трагедии пожарных машин, но они уже ничего сделать не смогли. На земле выпрыгивающим из дымящегося самолёта помогали работники аэропорта: ловили и, быстро подхватив под руки, заводили в автобусы, которые подогнали к борту.

Двое мужчин оттащили Ольгу на приличное расстояние от самолёта и там держали её в кольце. Внезапно притихшая, она дрожала, в висках звонко пульсировала кровь. Она не замечала, что на улице мороз – изнутри её распирал жар.

Она всё смотрела и смотрела, как выпрыгивали люди с борта при помощи бортпроводниц и пилотов. Эти секунды растянулись для неё в часы...

Когда загорелся хвост самолёта, Ольгу охватил ужас. Она снова забилась в руках мужчин, пытаясь вырваться. Через какие-то две-три минуты огонь полностью охватил лайнер.

И тут раздался взрыв!

– Не-е-е-е-т!!! – завопила Ольга и потеряла сознание.

Мужчины поднесли её к подоспевшей скорой помощи, которая умчала Ольгу в реанимацию.

Самолёт разорвало на несколько кусков, от него остался только хвост. Пожар уничтожил воздушное судно всего за 15 минут.

В аэропорту людям, выскочившим из самолёта раздетыми, а таких было подавляющее большинство, выдавали шубы, валенки – на территории аэропорта был склад с вещами. Очувтившись в безопасности в здании аэропорта, многие в первую очередь спешили в туалет, чтобы смыть с себя гарь. Работники аэропорта принесли воду. Подтянулись службы спасения...

Сильно пострадавших пассажиров трагического рейса осматривали врачи, оказывали первую медицинскую помощь, тяжёлых отправляли на скорых в городскую больницу. Возле

здания стояли такси, они развозили по домам тех, кто чувствовал себя более-менее нормально.

Родственники находили друг друга, обнимались, плакали. Смеялись. Смотрели ошалелыми глазами на мир, будто вернулись с того света, ещё не веря в это чудесное спасение.

Среди спасённых находились и две дамы – соседки Володиных, они пострадали меньше всех, им удалось выбраться наружу в числе первых. Им повезло. Они сидели возле самого крыла, как раз возле запасного выхода. Успели даже спасти свою верхнюю одежду. И теперь кутались в шубки.

Они пережили настоящий шок. И сейчас обсуждали происшествие между собой.

– Э-эх, блин, – горько вздохнула кудрявая, – лучшая одежда... фотоаппарат за 40 тысяч рублей... всё сгорело...

– Да бог с ними, с вещами... – не попадая зуб на зуб, проговорила её спутница. – Главное – живы остались.

В отличие от своей боевой кудрявой спутницы, худенькая дама во время пожара совершенно растерялась. Она застыла с открытым ртом, не в силах ничего предпринять. Неизвестно, как бы всё закончилось для неё, если бы не подруга, которая, подхватив обе шубы, буквально вытолкнула её на крыло самолёта. И сама выбралась следом за ней. На них уже наседали другие пассажиры, и им пришлось чуть ли ни кубарем скатываться с крыла прямо на раскрытый работниками аэрофлота брезент. Она упала неловко, слегка повредив ногу. И сейчас стояла бледная и строго смотрела на свою спутницу.

– Ну да, конечно, – согласилась, вздохнув, подруга. – Мы спаслись только потому, что парни из резервного экипажа открыли люки. Всё могло закончиться гораздо хуже... Девчоночка-то, что плакала, осталась в самолёте... вместе с отцом...

Обе женщины притихли. Они видели, как металась по взлётному полю Ольга, как потеряла сознание... И сейчас не могли не скорбеть... от чужого вроде бы, но такого близкого горя, которое коснулось и их.

3.

Наташа закашлялась и стала оттягивать от шеи ворот платья. Потом открыла глаза и увидела над собой белоснежный потолок и хрустальную люстру, но никак не могла понять: где она. Опустив взгляд, наткнулась на знакомый фикус и, будто вернувшись из далёкого путешествия, поняла, что она – дома. И тут же заулыбалась, заметив родные, склонённые над нею лица папы и мамы.

– Доченька! – Отец прижал её к себе и погладил по мягким волосам.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила мама.

– Всё хорошо, мамочка, – сказала Наташа после паузы. – Пообещайте мне, что мы не полетим в Альпы, – попросила она тихо.

Родители переглянулись.

– Ну я очень вас прошу, – с мольбой в голосе произнесла дочь.

– Почему, Натусенька? – спросила мать.

– Я не знаю, как объяснить... Я видела, что загорится самолёт и мы погибнем...

Заметив, что дочь опять стала сильно нервничать, обеспокоенный отец прижал её к себе и ласково проговорил:

– Ну что ты, что ты, маленький... Всё будет хорошо. Ты только не волнуйся. Ну не полетим мы в эти Альпы...

Приехала скорая помощь, которую они вызвали сразу же, как дочь потеряла сознание. Врач осмотрел девочку, ничего явного не нашёл. Предложил обратиться в поликлинику, чтобы там провели тщательное обследование. Они так и сделали. Никаких отклонений врачи не выявили. Доктор посоветовал отдохнуть, сменить обстановку, съездить куда-нибудь.

Володины так и не поняли, что же произошло с дочкой. Такого никогда с ней не было. Думали, может, съела что-то не то, вспоминали, не падала ли, не ушибалась... Но нет, ничего такого они припомнить не могли.

Новый год Володины встретили дома с друзьями – ровес-

никами и их сыном-первоклассником Ромой. Дети резвились, плясали под музыку вместе со взрослыми. Повсюду раздавался Наташин заливчатый, словно колокольчик, смех.

Посидели до двух часов ночи, а потом гости уехали домой. Дочка ещё сладко спала, а Ольга с Михаилом, отдохнув немного, уже встали и продолжили последние приготовления к полёту. Чемоданы Ольга собрала заранее.

Беспокоились очень за дочку, но она вела себя на редкость собранно и спокойно. И ни разу не напомнила о том, что случилось в тот день, когда отец сообщил о рейсе. Ни разу больше не просила родителей не ездить в Альпы.

– Может, правда отменить эту чёртову поездку, – предложил Михаил жене.

– Ну что ты, Миша, мы же так мечтали... Да и путёвка, и билеты куплены...

– Ну и пускай. Что, не заработаем, что ли...

– И что же, будем аж десять дней дома загорать?! В такой холод на улицу и носа не высунешь... – аргументировала жена.

И Михаил согласился. Хотя на душе кошки скребли...

Вырезка из газеты

1 января в местном аэропорту загорелся самолет Ту-154, выполнявший рейс на Москву. Погибло 3 человека, 113 пассажиров удалось спасти. По мнению многих экспертов, только благодаря слаженным действиям двух экипажей – основного и резервного – удалось провести эвакуацию в течение всего 100 секунд.

Декабрь 2016 года.

Дверь в лето!

Майка со всех ног бежала к воротам. Она очень спешила, потому что ворота закрывались ровно в шесть часов вечера.

Сначала она фактически летела, едва касаясь земли. Потом движения утяжелились, земля притягивала её к себе, будто навешивая по гире на каждую ногу.

– Я должна успеть... должна успеть... должна успеть... – повторяла Майка и, стиснув зубы, продолжала двигаться вперёд.

И вот вдали показались ворота. Огромные жёлтые ворота!

Несмотря на усталость, Майка прибавила ходу, кажется, у неё открылось второе дыхание.

«Ещё немного! Ещё чуть-чуть! – мысленно подбадривала себя Майка. – Я уже почти у цели! И время у меня ещё есть в запасе».

Но странное дело, чем быстрее она бежала, тем меньше радовал результат. Ворота не приблизились ни на шаг. Словно она топталась на тренажёрной ленте беговой дорожки.

Майка отказывалась верить глазам. «Это обман», – думала она.

И, собрав все силы, продолжала бежать.

А силы были на исходе.

Она не понимала, сколько времени уже провела в движении. Прошли часы или минуты? Ей казалось, что бег длится целую вечность.

Да и не бежала она уже, а еле плелась, не поднимая головы.

И вдруг почти уткнулась в заветные ворота.

И, о ужас! Распахнутые секунду назад створки захлопнулись перед самым носом Майки.

Она отшатнулась, оступилась и упала на спину. Опершись на руки, увидела на жёлтом фоне красивую яркую надпись: «ДВЕРИ В ЛЕТО ЗАКРЫТЫ!»

– Не может этого быть! – воскликнула Майка.

Но факты – упрямая вещь. Дверь равнодушно взирала со своей высоты на худенькую, большеглазую, коротко стриженную девушку, похожую на подростка.

«Как же так?» – растерянно думала Майка.

Ведь она бежала что было сил, ни на минуту не прекращая движения?! Она должна была успеть! Это неправильно!

Отчаянье накрыло её с головой.

Майка так мечтала о лете! Тёплом, солнечном, прекрасном! С зеленью деревьев и кустов, с запахом трав и прелестью цветов! С сияющим солнышком, ласково обогревающим тёплыми лучами! С прохладой такого синего чёрного моря!..

Мечтала весь год! И в осенние сумерки, и в холодные зимние вечера, и весной, когда всколыхнулась-таки природа, ожила! Но какое в наших местах лето?!

– Май-ка, Май-ка-а, Май-ка-а... Не отчаивайся, – вдруг услышала она тоненький голосок.

Огляделась – вокруг никого!

– Не надо отчаиваться, – снова кто-то подбодрил её.

И тут она увидела маленького воробышка, качавшегося на берёзовой ветке с проклюнувшимися почками.

Майка грустно улыбнулась. И обрадовалась – хоть одна живая душа. Тем более это был её давний приятель Гоша, которого она зимой в парке подкармливала хлебными крошками.

Нет, птичьего языка она не понимала. И теперь была удивлена, что слышит не привычное чик-чирик, а различает слова.

– Майка, там... – продолжал Гоша, махнув крылышком в сторону склоняющегося к закату солнцу, – там есть другие ворота в лето, а за ними – ещё! И они закрываются нескоро!

– Это правда?! – встрепенулась Майка.

– Чистая правда, – подтвердил воробышек. – И если ты обязательно хочешь попасть в лето, поспеши!

Майка вскочила на ноги так быстро, словно отдыхала целый день и совсем не устала.

Она рванула туда, куда указал воробышек, но внезапно остановилась.

– А ты? – спросила она.

– А мне и здесь хорошо, – откликнулся воробышек.

Секунды три Майка колебалась: не уговорить ли Гошу? А потом помахала на прощание рукой, крикнула спасибо и помчалась.

Подобно ветру, подлетела она к следующим воротам. Казалось, прошло всего несколько мгновений. Но и здесь её ждало разочарование. И та же надпись: «ДВЕРИ В ЛЕТО ЗАКРЫТЫ!»

Майка со всего разгона врезалась плечом в дверь. Та не поддалась.

Она попыталась ещё раз и ещё... Потом принялась стучать кулачками и отчаянно кричать:

– Я хочу!.. Я так хочу в лето! Пустите! Пустите! Пустите меня! Я хорошая.

Но дверь оставалась неприступной.

– Что же мне теперь делать?! – надрывно крикнула Майка.

И вспомнила, что воробышек говорил ей: таких дверей много. И со всех ног бросилась на юго-запад.

На этот раз дорога опять была длиною в жизнь. И она вымотала Майку окончательно. Пока наконец не показалась вдали заветная дверь, возле которой, в отличие от первых двух, толпились люди. И это был обнадеживающий знак.

Очередь была длинной и широкой, Майка тут же пристроилась за спиной громадной тётеньки, из-за которой ничего не было видно.

Майка приподнималась на носки, сдвигалась в сторону, чтобы рассмотреть: что же там, возле заветной двери, происходит.

Пропускали по одному. В очереди толкались и ругались.

Майка забеспокоилась. Она боялась, что ей так и не удастся попасть в лето.

Тоска с ещё большей силой сжала маленькое сердце. Но делать было нечего. Как бы там ни было, придётся терпеливо ждать. Авось да и смилостивится к ней судьба.

Пробиться без очереди было невозможно. Да и не умела она махать локтями и лезть по головам, как это делали другие.

И она ждала. И надеялась. Хотя надежда была такой маленькой, меньше даже, чем её друг, воробышек.

И вот! Наконец! Она в двух шагах! От лета! От своей мечты!!!

Впереди осталось два человек! Один!.. Теперь она!!!

И тут... Какой-то огромный пузатый мужик молча вцепился ей в руку.

– Отпустите, – пропищала Майка.

И попыталась вырваться.

Но не тут-то было. Мужик стоял, подобно каменной стене, и крепко держал её за руку. Людской поток стал обтекать их с обеих сторон, просачиваясь в ворота.

Тогда Майка заорала.

– Помогите! Помогите! Помогите!!! Люди! Миленькие! Ну, пожалуйста, ну помогите, – молила она проходящих мимо.

Никто не обращал на неё никакого внимания. И лишь один симпатичный паренёк, приостановившись, взглянул с недоумением.

– А тебя никто и не держит.

Она развернулась всем корпусом. Её действительно никто не держал!

Ошеломлённая Майка решительно ничего не понимала.

И тут завыла сирена!

Подскочившая на месте Майка увидела, что створки дверей дрогнули и начали закрываться.

– Не-е-е-ет!!! – завопила Майка и рванула вперёд с такой силой, что земля ушла из-под ног.

И в последнюю секунду тот же самый симпатичный паренёк подхватил её и впихнул в узкую щель ворот.

27 июля 2017 года.

Часть 2.
Свободное плавание

Печальная песнь песчаной эфы

Олег замер на месте. В трёх метрах от него находилась... змея! Он заметил её не сразу, она почти сливалась с песком. Приподняв голову, гадюка настороженно наблюдала за ним. Он не сводил с неё глаз.

За эти мгновения, показавшиеся ему вечностью, он успел рассмотреть рептилию. И узнал её. Это была красивая, песчаная эфа. Её туловище светло-жёлтого цвета с золотистым оттенком украшали светлые пятнышки и бурые точки, сливающиеся в полосы. От хвоста до головы тянулся тёмный зигзагообразный узор, на боку – светлая ломаная линия, на голове – рисунок в виде крестика.

– Привет, – промолвил наконец еле слышно Олег.

– Привет... – будто что-то прошуршало, может, ветер?..

Подивился Олег и, помолчав немного, обратился к эфе мягко:

– Не бойся! Я не сделаю тебе ничего плохого. Не обижу! Давай расстанемся мирно, по-хорошему, и каждый пойдёт своей дорогой. Хорошо?

– Хорошо... – прошелестело в ответ.

В следующую секунду эфа двинулась бочком, смешно выбрасывая сначала голову, а следом – туловище.

Зашуршало, зашелестело...

«Послышалось», – подумал Олег, облегчённо вздыхая и вытирая пот со лба.

Он знал, какой опасной была встреча. При всей своей внешней привлекательности и неординарности эфа, представитель семейства гадюк, считается одной из самых ядовитых змей в мире. Её укус смертелен.

– Ты что стоишь как истукан?

Громкий голос товарища по экспедиции заставил Олега вздрогнуть.

– Погоди, не шуми, Артём, – сказал он миролюбиво, – тут такое дело...

– Что? Ну что опять?.. Да говори уже, не томи! – затараторил приятель.

– Да я вот тут пообщался кое с кем, – ответил Олег, задумчиво глядя на убегающую вдаль песчаную насыпь.

– Ну и с кем же? – насмешливо спросил Артём.

Проследив за взглядом Олега, он ничего не заметил. И с раздражением усмехнулся: мол, что за фантазии? Что опять придумал? Разыгрывает, наверное.

Внешне они сильно отличались друг от друга. Артём, коренастый, с глазами-пуговками, с ёжиком на голове, Олег – худой и длинный как фитиль, с пронзительными синими глазами. А вот в остальном они были, что близнецы-братья. Их связывала обычная студенческая дружба. Энергия была из них ключом, заводили на курсе, они постоянно соревновались в остроумии, хохмили, разыгрывали однокурсников, порой жестоко. Знакомились с девушками. Были в меру циничны и к жизни относились беззаботно.

Взглянув ещё раз в том направлении, куда устремил свой взор Олег, Артём рассмотрел на сыпучей песчаной поверхности косые полосы.

– След эфы! – присвистнул он.

Перед тем как отправится в летнюю экспедицию в Среднюю Азию, студенты исторического факультета Московского университета прошли специальный курс подготовки, на котором рассказывали в том числе и о подстерегающих на просторах Ферганской долины, где им предстояло вести раскопки, опасностях. И песчаная эфа была одной из главных среди прочих.

– Что ж ты её упустил! – в сердцах воскликнул Артём.

– О чём ты? – не понял Олег.

– Всё о том же!

Артём пошёл по следам эфы, внимательно вглядываясь далеко впереди себя.

– Стой! – окликнул его Олег. – Остановись, говорю тебе!

Он догнал товарища.

– Ну чего тебе? – рассеянно спросил Артём, не оборачиваясь.

– Зачем преследуешь эфу?

– Её надо выследить и уничтожить.

– Как ты это сделаешь? Голыми руками? – иронично сказал Олег.

– И верно, – согласился Артём.

Они повернули в обратную сторону.

– Ты знаешь, что эфа сама на людей не кидается, – напомнил Олег приятелю. – Нападает она только в том случае, когда человек спровоцирует её.

– Вот-вот!.. А если кто-то из нас нечаянно на неё наступит? Или просто в двух шагах пройдёт мимо, а ей покажется, что на неё покушаются... И тогда всё! Заказывайте музыку. Почти мгновенная смерть!

– Ну не такая уж и мгновенная, – возразил Олег. – Только через несколько часов. А тебя вообще никакой яд не возьмёт! А если серьёзно, не надо рот разевать, просто смотреть под ноги внимательно, и всё.

– Нет, ну ты понимаешь, какой это риск?..

– Но искать её специально, чтобы убить... По-моему, это уж слишком. Не гуманно как-то, – усмехнулся Олег.

– Гуманист нашёлся, – сплюнул Артём косо.

С тех пор как в долине появились люди, песчаная эфа находилась в постоянном напряжении. Жила она себе и жила в этой долине спокойно и размеренно много лет. И её родители, и прародители жили здесь. А вот прапрабабушка... Её, когда та была маленькой, привёз сюда из Северной Африки змеелов. Этим фактом весь их род гордился.

В отличие от большинства других змей, эфа много двигалась, всю долину исползала вдоль и поперёк. И не только днём, иногда и ночью – когда её собратья предпочитали спать, она охотилась за насекомыми – любимое лакомство. Мелких грызунов эфа не любила. И не любила общения. Была гордая, независимая и предпочитала одиночество, которое её нисколько не тяготило, скорее, наоборот. Свобода была ей дороже всего.

А вот к ней за советом обращались. Несмотря на её молодость, обитатели животного мира в долине относились к эфе с почтением. Уважали за мудрость, храбрость и справедливость. Хотя, по правде сказать, ничего особенного она ещё не совершила, так, по мелочам: пару раз приструнила гюрзу да помогла выбраться из лап лисы зайцу...

Почтительное отношение передалось песчаной эфе по наследству. Ещё прапрабабушка, прибывшая сюда из Африки, установила здесь свои порядки. И эта пальмовая ветвь переходила из поколения в поколение. Эфу побаивались. Знали её крутой нрав. Если что не по ней, может расправиться с обидчиком запросто и яд в ход пустить... Но до такого пока не доходило, зарвавшиеся животные вовремя останавливались.

Ходили слухи, что однажды эфа укусила человека. Об этом тихо шепталось зверьё. Случаев таких здесь было немного, змеи избегали двуногих. И эфа в глазах собратьев поднялась ещё выше.

Теперь, когда в долине появились люди, натянули брезентовые мешки, куда прятались на ночь, и стали перекапывать долину лопатами, эфа не находила себе места. Во-первых, боялась за своё будущее потомство, о котором пока лишь мечталось. Во-вторых, люди ограничивали её свободу. Эта долина принадлежала ей.

Как поведут себя люди?.. Приходилось всё время быть на чеку. Сегодня произошла первая встреча с человеком. Он не сделал ей ничего плохого. И она отпустила его с миром. Более того, эфа поймала себя на мысли, что парень с такими удивительными глазами, похожими на небо, ей симпатичен.

Заступив на пост рано утром, с рассвета зарывшись в песок между двух зелёных ветвистых кустов, эфа вела наблюдение за десятком людей, копошившихся в земле. «И чего они там ищут?» – думала она, глядя на мелькавшие лопаты.

Эфа заметила, что все люди были молодые и весёлые. Утром они разделись по пояс, а к обеду накинули на себя рубашки с рукавами, защищаясь от нещадно палящего солнца. На головах у многих были пилотки из газет, а некоторые обматывали голову полотенцами.

Эфа обратила внимание, что среди студентов-археологов (она много чего поняла из их разговоров, и такое понятие, как «археология», впервые услышанное ею, усвоила) было две девушки: маленькая темноволосая пышная хохотушка, которую называли Лолой, и высокая стройная блондинка по имени Вероника. Парни галантно ухаживали за ними, старались друг перед другом завоевать их расположение.

Молодые люди смеялись непонятым эфе шуткам и казались совсем не опасными. Иногда они выкапывали странные предметы и осторожно укладывали их в специальный ящик. И выглядели при этом очень довольными.

Эфа недоумевала: зачем они собирают всякую ерунду?

За то время, что наблюдала за людьми, эфа привыкла к ним, и они даже понравились ей. Особенно тот паренёк, с которым повстречались в долине. Эфа слышала, как его называли приятели, и повторяла теперь это имя: Олег.

Она с удовольствием смотрела на происходящее в нескольких метрах. Её внимание больше всего привлекал Олег. Чаше всего её взгляд был прикован именно к нему. Он очень красивый! И добрый.

Эфа ужасно злилась, когда Олег оказывал знаки внимания Веронике. Даже зашипела от ярости. И выдала себя!

Артём схватил лопату и с криком:

– Змея! Бей её! – бросился к эфе.

Олег моментально подскочил и преградил ему дорогу. И не дал обойти себя, схватив за руку, в которой была лопата.

– Не делай этого, Артём, – сказал тихо Олег, глядя в налившиеся от злобы кровью глаза друга.

Подскочили другие ребята, пока разобрались, в чём дело, эфа уже была далеко.

– Ты опять всё испортил, – процедил сквозь зубы Артём. – Да что с тобой вообще происходит-то? Что на тебя опять нашло?!

Он не узнавал сокурсника, да Олег и сам не узнавал себя. Если бы ещё месяц назад кто-нибудь сказал ему, что он с лопатой в руках будет защищать змею, он плюнул бы ему в лицо.

Вероника поддержала Олега.

– Эфа ничего плохого нам не сделала, – сказала она тихо и посмотрела на Артёма сквозь пушистые ресницы.

Эфа не приближалась к лагерю несколько дней. Наблюдала за раскопками издали. Потом подползла поближе. И очень обеспокоилась, когда не обнаружила в яме Олега.

Свой пост она не покинула до самого глубокого вечера. Вот уже и студенты скрылись в палатках, она всё лежала не шевелясь.

И только когда на небе высыпали звёзды, она сдвинулась с места.

Олег проснулся от непонятного шума. Прислушался.

В углу палатки шуршало.

Он открыл глаза. И прямо напротив себя увидел... песчаную эфу.

Она, не мигая, смотрела ему в глаза завораживающим взглядом.

Страх не было. Олег подумал, что это галлюцинация

из-за температуры. Ну не заползла же эфа в его палатку, в самом деле?!

Накануне Олег почувствовал себя плохо, у него поднялась высокая температура. Он весь день отлёживался. Спасибо Веронике – вечером она дала ему таблетку аспирина и напоила чаем с малиной. Он думал, что дело идёт на поправку, а тут галлюцинации – эфа!

Олег дёрнул рукой, отмахиваясь от непрошенной гостьи, как от наваждения.

От неожиданного взмаха эфа вскинулась, издав угрожающее короткое шипение.

Олег тоже подскочил, стряхнув остатки сна.

Так, замерев, они напряжённо вглядывались друг в друга. Наконец эфа, почувяв, что ей ничто не угрожает, расслабилась. Отлегло от сердца и у Олега. Он понял, что змея его не тронет.

– Привет, – сказал он и услышал ответное приветствие.

И подумал, не сходит ли с ума. Разговаривает со змеей...

Эфа уложила голову на хвост и грустно посмотрела на Олега.

– Не переживай, – обратился Олег к эфе, – всё хорошо. Сегодня встану на ноги. А ты иди! Иди домой! Нельзя, чтобы тебя здесь увидели. Испугаются. Ещё обидеть могут.

Эфа послушно бочком двинулась к выходу. Оглянулась. И нырнула под полог.

На следующий день Олег уже был на месте и участвовал в раскопках, чем порадовал затаившуюся эфу.

И тут до неё долетели обрывки фраз: «совсем немного осталось... надо поспешить... должны всё закончить... обязаны... послезавтра придёт машина...»

«Уезжают!» – поняла эфа и очень расстроилась.

Казалось бы, она должна радоваться тому, что люди уходят из её долины, но... Разволновалась, вскинула голову, заелозила в кустах, да так, что чуть было снова не выдала себя. Печально ползала она вблизи раскученной земли, когда студенты отправились на ночлег.

Олег проснулся среди ночи, почувствовав присутствие эфы. Он пробежался взглядом по всей палатке, но не сразу увидел её. Он обнаружил змею... у себя в ногах. Вздрогнул, но быстро справился с собой.

Эфа печально смотрела на него немигающим взглядом.

– Привет, – поздоровался Олег, глядя на неё с нежностью, как на старую добрую знакомую. – Ты опять пришла ко мне в гости. Я рад. Ты хорошая, – сказал он, подтягивая колени к подбородку.

Эфа встрепелась и радостно зашуршала.

«Прямо как кошечка», – подумал Олег, а вслух сказал:

– Мы завтра уедем. Живи спокойно.

Эфа вновь встрепелась, зашуршала, зашипела.

И шуршание это вместе с шипением было похоже на пение, в котором слышалась печаль.

– Не грусти, – обратился он снова к эфе. – Всё будет хорошо. Через год мы снова приедем сюда на раскопки. Тогда и увидимся. Но ты лучше не попадайся людям на глаза, хорошо? Они ведь не знают, какая ты... Не знают, что умная. Что не можешь обидеть человека просто так...

Снаружи слышались голоса, кто-то подходил к палатке.

– Прячься, – сказал Олег эфе.

Эфа скользнула за рюкзак. Человек и змея замерли, прислушиваясь. Вот голоса приблизились. И... стали отдаляться. Олег с облегчением выдохнул.

– Иди к себе, – ласково сказал он змее.

Эфа двинулась к выходу. Перед тем как выскользнуть наружу, она обернулась.

– Прощай, эфа, – сказал тихо Олег.

– Прощай, – шипящим эхом откликнулась змея.

– Может, свидимся когда, – добавил он.

Эфа кивнула и покинула палатку.

Студенты отметили окончание раскопок весело. Немного

выпили, разожгли костёр неподалёку от лагеря и до утра пели песни под гитару.

С рассветом прибыл автофургон. Свернув пожитки, они быстро погрузили всё. Затем с шутками-прибауткам расселись в машине сами.

Олег тоже подхватил рюкзак, собранный накануне, но немного замешкался. Он пристально вглядывался вдаль, осматривая песчаное пространство кустик за кустиком. Но эфы нигде не было.

– Прощай, песчаная эфа, – сказал он и улыбнулся светлой грустной улыбкой.

– Не по своей ли змеюке грустишь? – с иронией спросил Артём.

Все весело засмеялись. Начали беззлобно подшучивать. Что, мол, вот потеряли друга, нашёл себе невесту-змеищу в долине... и всё в таком же духе.

– Да ну вас, – отмахнулся Олег. – Мели, Емеля, твоя неделя...

Поскольку Олег не обращал никакого внимания на подколки товарищей, вскоре они притихли. Ухабистая дорога, заунывная песнь мотора плюс ночь без сна сделали своё дело, многих сморило. И только Олег заснуть не мог. Он смотрел на проплывающий мимо пейзаж Ферганской долины. И думал о том, что там, в этих кустах, за этими холмами, в расщелинах гор, дымившихся вдалеке, обитают представители животного мира. У них течёт бурная жизнь, со своими законами, радостями и горестями. Черепахи, суслики, ежи... и песчаная эфа. Они, как и люди, умеют радоваться и печалиться. И он впервые за двадцать с лишком лет ясно представил себе этот мир. Мир, в котором обитают с нами по соседству братья наши меньшие. И эта расхожая фраза вдруг стала понятна Олегу.

Вероника тоже смотрела вдаль, думая о чём-то своём. Во время экспедиции она, кажется, по-настоящему влюбилась. В Олега. Он сидел сейчас рядом с ней и в то же время был очень далеко от неё. Несмотря на это, она знала, чувствовала,

что нравится Олегу. Он ухаживал за ней наряду со всеми парнями, но именно между ней и Олегом пробежала искра. Они не афишировали своей взаимной симпатии, особые друг к другу отношения. Это была их тайна.

Зоя Александровна к возвращению сына из экспедиции испекла пирог с сёмгой, который он очень любил. Вообще она не часто баловала домочадцев пирогами. Учитель истории, общественный деятель, она редко бывала дома, как и её супруг, хирург от Бога, Иван Ефремович Курилов, пропадавший в своей больнице днём и ночью. Так что Олег рос парнем самостоятельным и независимым.

– Олежек! – Зоя Александровна обняла сына, затем отодвинулась, оглядывая его со всех сторон. – Загорел, возмужал! Похудел... Ну как там в долине?.. Пойдём, я пирог твой любимый испекла. – Всё это она говорила без пауз, не дожидаясь ответа на свои вопросы.

Усадила сына за стол. Прилетел попугай, единственный представитель фауны, которого родители разрешили сыну держать в доме. Попугай сел Олегу на плечо и сказал:

– Урра! Олег приехал!.. – и добавил: – Кеша хорроший! Кеша хорроший!

– Хороший, хороший! – Олег погладил Кешу по яркому оперению.

Зоя Александровна налила чаю, поставила пирог.

– Ты ешь, сынок, – сказала она. – А мне на собрание надо бежать. Встретимся вечером, тогда и поговорим.

Она убежала. Олег с удовольствием умял пирог, запивая горячим цейлонским чаем. Пообщался со своим питомцем. И пошёл к себе в комнату, прихватив тяжёлый рюкзак, который решил разобрать сразу, не откладывая в долгий ящик. Но тут перед его мысленным взором встали прекрасные зелёные глаза Вероники, и он решил сначала позвонить ей.

– Привет, – сказал он в трубку.

– Привет! – услышал в ответ Вероникин голос, который не спутал бы ни с каким другим на свете.

– Как ты? – задал риторический вопрос, ведь они расстались всего какой-то час назад.

– Нормально. А ты... как?

– Всё хорошо. Я соскучился, – признался он.

– Мы ведь только что были рядом, – рассмеялась она счастливым смехом.

– Всё равно. Я теперь буду скучать по тебе каждую минуту, – признался он.

На том конце провода помолчали. Потом с очень серьёзной интонацией прозвучало:

– Я тоже, – и Вероника повесила трубку.

Олег с мечтательной улыбкой прилёг на заправленную кровать. И только через несколько минут вспомнил, что надо разобрать вещи.

Он раскрыл рюкзак и остолбенел. Из брезентового нутра робко выглядывала голова песчаной эфы.

У Олега подкосились ноги, он буквально сел там, где стоял, хорошо, что рядом оказалось кресло.

Несколько минут Олег и эфа настороженно смотрели друг на друга. Первым опомнился Олег.

– Что же мы теперь будем делать, эфа? – прошептал, думая при этом: «Что же ты наделала, глупенькая змейка?!»

Он чувствовал, как эфа напряжена, и это не могло его не пугать.

Эфа немного расслабилась, виновато опустила голову.

– Ладно-ладно, – примиряюще сказал он, – что-нибудь придумаем. Вылезай.

Эфа с опаской выползла из рюкзака, огляделась и юркнула под кровать.

«Чем же я буду тебя кормить?» – подумал Олег.

И отправился в зоологический магазин. Купил змейке всё, что там ему предложили.

Эфа съела, он налил ей воды и молока – не отказалась.

Так они и зажили. Олег ходил на занятия, а Эфа ждала его дома. Кешу он в свою комнату не запускал, тот находился в клетке в зале, вылетал оттуда только по вечерам, когда все собирались дома. А родители давно уже привыкли не заходить в комнату сына без него.

Олег возвращался из института, кормил эфу, которая поразительно быстро освоилась в новых условиях обитания, рассказывал ей все свои студенческие новости. Она внимательно слушала, свернувшись в кресле клубком. Поведал он и о своих чувствах к Веронике, но эфа проявила беспокойство, и он не стал больше посвящать ядовитую подругу в свои любовные дела.

Спала эфа под кроватью, но иногда забиралась в постель к Олегу, любила засыпать у него в ногах.

Зоя Александровна обнаружила эфу через несколько дней. Как-то вечером она вошла в комнату сына и от неожиданности завизжала что было мочи:

– Змея-аа?!.. Змея-а-а-змея-а!!! – пронзительно кричала она срывающимся голосом, прижавшись к стене, не в силах сдвинуться с места.

– Всё в порядке, мама, успокойся, – уговаривал её Олег. – Это песчаная эфа, она не причинит тебе зла. Ты только веди себя спокойно.

Прошло некоторое время, пока мать смогла рассуждать более-менее разумно.

– Откуда она здесь, – потребовала она объяснений. – Может, ты объяснишь, в чём дело?!

– Я привёз её из Ферганской долины...

– Ужас какой! – воскликнула Зоя Александровна тихо. – Просто невероятно! Зачем?! Она ведь очень ядовитая, её укус смертельный...

– Мама, она ничего плохого не сделает. Эфа очень умная. Ты, главное, не обижай её, не делай лишних движений, чтобы она не подумала, что ты собираешься на неё напасть.

Мама внимательно рассматривала змею из-за плеча сына.

– А она красивая, – сказала наконец и через силу улыбнулась. Олег увидел, как спало напряжение с эфы. – Пойдём сынок, – позвала мать, – поговорим на кухне, – и выскользнула в дверь. Олег последовал за ней.

– Олег, нам надо что-то с этим делать. Хотя ты и говоришь, что она не может причинить никому вреда, но ты должен понимать, поведение животных непредсказуемо. Откуда ты знаешь, ведь может случиться так, что в один прекрасный день что-нибудь выведет её из себя... И тогда произойдёт непоправимое. Потом будешь локти кусать всю жизнь.

Мать предложила купить специальную клетку и держать змею там. Олегу ничего не оставалось, как согласиться.

Эфа не стала противиться новшеству, постепенно она обжила свой новый домик. Ведь по вечерам и ночью она могла свободно передвигаться по комнате и общаться с Олегом.

Эфа с обожанием, подолгу, не отрываясь смотрела, как Олег сидит за книжками. И очень скучала, когда его не было дома.

Олег продолжал встречаться с Вероникой, он много и часто рассказывал ей о своей питомице.

– Ты можешь смеяться, но я понимаю её, мы с ней разговариваем, – признался он как-то, заглядывая в глаза девушке.

Вероника и не думала смеяться. Она любила его и верила ему. Но постоянные разговоры об эфе вызвали у девушки неожиданный ревность к змее. Однажды она в шутку сказала, что он эфу любит больше, чем её.

– Не выдумывай, – не согласился Олег и обнял Веронику. – Если бы я был змеем, то да, тогда, конечно, – весело добавил он и рассмеялся.

Родители Олега подружились с эфой, правда, общались с ней, только когда она была в клетке. Эфа тоже привыкла к ним и вела себя совершенно спокойно, когда они входили в комнату. Родители даже разговаривали с ней миролюбиво, змея отвечала. Но они не понимали её, слышали лишь шипение, вполне миролюбивое.

Забавные отношения сложились у эфы с Кешей. Он, конеч-

но же, однажды проник в комнату к Олегу. Очень удивился присутствию змеи. Сначала возмущался. А потом они подружились, хотя и часто спорили. Ссоры исходили от Кешы, который очень любил себя, а эфа над ним подтрунивала.

Как-то вечером Олег пригласил Веронику к себе. Родителей не было дома, и влюблённые хотели провести этот вечер наедине.

И вдруг раздался звонок. Вероника от неожиданности вздрогнула. Олег открыл дверь. На пороге стоял Артём и ещё два приятеля-однокурсника, с которыми они вчетвером частенько прогуливали лекции, находя себе более интересные занятия. И девчонки – Лола и Маша.

– Ага! – заорал Артём. – Прячетесь! От всех! – и, оттеснив Олега, бесцеремонно прошёл в прихожую. Приятели последовали за ним.

– Слушайте, ну вы тихушники! – Лола обняла Веронику.

– Да ещё какие! – подхватила Маша.

– Да уж! – встрял Артём. – Мы вообще друга потеряли.

Честная компания по привычке ввалилась к Олегу в комнату. Олег был бледен как полотно. Но не препятствовал вторжению. Не останавливать же силой.

Гости увидели эфу почти сразу. Девчонки взвизгнули и слегка попятись, спрятавшись за спины парней. Повисла пауза.

– Это эфа, – постарался как можно спокойнее сказать Олег. – Не бойтесь, она в клетке. И не сможет причинить вам вреда.

– Та самая? – хмыкнул Артём.

– Она, – подтвердил Олег.

– А как она сюда попала? – удивлённо вскинула бровки Лола.

– Обыкновенно. Забралась в рюкзак и вот так вот оказалась здесь.

– А ты не боишься, что она кого-нибудь тыпнет? – зловеще произнёс Артём.

– Да ладно, – осмелели парни, – смотри, какая она смирененькая.

– А мы к вам не с пустыми руками, – сказал низкорослый Федя и достал из внутреннего кармана куртки бутылку красного вина.

И ещё откуда-то, словно фокусник наколдовал, появилась пара бутылок.

– За тобой, Олежа, закусон.

– Сейчас что-нибудь найдём, – смутился Олег и позвал Веронику на кухню.

Оттуда притащили бутерброды с колбасой и сыром, огурчики маринованные и свежие, помидоры, порезанные на кружки.

Выпивали, смеялись. Артём приблизился к клетке и стал поддразнивать эфу.

Эфа начала волноваться.

– Не дразни, – строго сказал Олег.

– Да ладно, подумаешь... Опять змеюку защищаешь! А ты изменился, дружок, с тех пор как её повстречал. Тусовок избегаешь...

– Да просто некогда тусить, за учёбу вон взялся, хвосты исправил, – смутился Олег. – Кстати, и тебе не мешало бы их подтянуть.

– Обойдусь как-нибудь без твоих советов! А ты друзей на змею променял! – зло прокричал Артём прямо в глаза другу. Все замерли, словно перед грозой, поняв, что шутки кончились. Девчонки с испугом смотрели на Артёма и Олега, которые стояли друг против друга на взводе. Ещё секунда, и начнут махать кулаками.

– Нет, ну правда, из-за какой-то змеюки друзей забросить, – ухмыльнулся Артём, переходя на шутливый тон. Он повернулся к змее и обозвал её непристойно. Эфа зашипела и приподнялась.

– Отойди, – сказал Олег тихо, но весомо.

– Да ладно. Я что? Я ничего. Смотри только ты не пожалей. Обстановка немного разрядилась. Молодёжь расслабилась.

Весело защебетали подвыпившие девчонки. Включили музыку. Стали танцевать. И никто не заметил, как Артём вновь оказался возле взволнованной от музыки змеи и стал дразнить её.

Эфа в ярости заметалась по небольшому пространству, сковывающему её движения. Она готова была разнести клетку.

Олег и Вероника танцевали в дальнем углу. Заметив неладное, они, не сговариваясь, бросились к клетке. В то же мгновение эфа ударила хвостом с такой силой, что дверца распахнулась...

Змея кинулась на обидчика. Время словно бы замедлилось... Артём, не раздумывая, спрятался за Олега. Эфа уже летела и ничего поделаться не могла. И тут в последний момент Олега закрыла собой Вероника, и весь яд, предназначавшийся Артёму, достался ей.

Молодёжь с визгом бросилась из комнаты вон.

Олег подхватил Веронику, потерявшую от боли сознание, и на руках вынес её в зал, следом за ребятами. Девчонки стали звонить в скорую помощь. Олег припал к плечу Вероники – к месту укуса и стал высасывать из ранки яд, сплёвывая его прямо на пол.

– А я говори-ил!!! Предупрежда-ал!! – орал Артём, оправившись от шока. – Убить гадюку! И дело с концом.

На него зашикали.

– Да ну вас! – махнул он рукой и ушёл.

На удивление скорая прибыла очень быстро. Санитары положили Веронику на носилки. Она открыла глаза и, обведя вокруг мутным взором, снова впала в небытие.

Олег поехал с Вероникой. Он ни на минуту не отходил от неё, держа её за руку.

Они прибыли в больницу. Олег направился за носилками, но врач не пустил его в смотровую комнату. Олег остался дожидаться результатов в коридоре.

Через несколько минут дежурные сестрички на каталке повезли Веронику в реанимацию. Врач следовал за ними, от пар-

ня он отмахнулся, как от назойливой мухи, – не до тебя, друг.

Всю ночь Олег провёл в больнице. И только под утро к нему вышел врач.

– Кто она вам? – обратился он к Олегу.

– Невеста, – слегка замявшись, ответил он. – Доктор, как она? – спросил в нетерпении.

– Жить будет, – устало сказал врач. Олег с облегчением вздохнул.

– Скажи лучше, как тебя угораздило змею домой приволочь?! – панибратски продолжил врач. – Это хорошо, вовремя всё сделали. И вы, там, на месте, и скорая... А то не видать бы невесте жениха...

Ещё в приёмном покое Олег в общих чертах, сбиваясь и путаясь, рассказал о происшествии, так что доктор был в курсе.

– А мне можно к Веронике? – попросил он.

– Только когда в палату переведём. Пока она в реанимации, за ней медсестра присматривать будет. Ты иди лучше, поспи. Да и с гадюкой своей разберись.

Олег не знал, как вести себя с эфой. Получается, подтвердились слова матери о том, что животным, особенно змеям, доверять нельзя. Они, как незаряженное ружьё: когда-нибудь да выстрелят. С ними надо быть осторожными. И, наверное, это плохая затея: приютить у себя гадюку. С этим надо что-то делать. Ситуацию надо как-то исправлять.

Хотя Олег и понимал, что агрессивное поведение эфы спровоцировал Артём, но не мог оставить её без внимания, не имел права пускать всё на самотёк. Он решительно, хотя и с опаской открыл дверь в свою комнату. Но картина, которую он увидел, сразила его наповал и перепутала весь логический ход его размышлений.

Эфа находилась в своём домике. Положив печальную голову себе на хвост, она безжизненно смотрела в одну точку.

При его появлении эфа оживилась, вскинулась, но тут же виновато опустила голову.

– Что же ты наделала, глупенькая? – грустно сказал Олег, подходя к эфе.

– Я не хотела, – сказала эфа, – так получилось.

Олег уже не удивлялся тому, что понимал язык змеи. Ведь он разговаривал с ней постоянно.

– Прости, – попросила эфа.

Олег был растерян. Он не знал: что ему дальше делать.

– Попроси у Вероники прощение за меня, – сказала эфа, глядя в сторону. – Она хорошая.

Вероника пришла в себя. Она лежала в отдельной палате.

Когда вошёл Олег, она слабо улыбнулась уголками губ, глаза её потеплели.

– Прости, любимая, – сказал Олег.

– За что? – слабым голосом спросила она.

– За всё. За эфу...

– Не вини её, – мягко прервала Вероника, положив на его руку слабенькую ладонь. – Она всего лишь животное, доведённое до отчаяния.

Олег был благодарен Веронике за понимание и доброту. Он впервые посмотрел на неё другими глазами. Он просидел возле постели девушки почти весь день, пока доктор не прогнал его. Пришёл и на второй день, и на третий...

Вероника оживала, с каждым днём ей становилось лучше. Чувства их крепили день ото дня.

Олег много думал об эфе и о том, что произошло. И понял, что ему надо пойти учиться в медицинский институт на ветеринарный факультет. Ему хотелось помогать животным, стать им другом. Между тем он продолжал ходить на занятия – просто решил окончить этот вуз, осталось-то совсем немного. А потом уже поступить туда, куда задумал. И в этом его никто не смог бы переубедить.

Но сначала Олег хотел сделать ещё один очень важный шаг в своей жизни, который хорошенько обдумал. Он понял, что любит Веронику. И что это глубокое, непреходящее чувство. На всю жизнь.

Он пришёл к ней в палату с огромным букетом чайных роз. Она удивлённо вскинула брови.

– Вероника, – начал Олег, ненадолго замолчал, глядя в её огромные на похудевшем лице глаза, перебрал в уме фразы, означавшие одно и то же предложение, наконец выпалил: – Я люблю тебя, выходи за меня замуж.

И посмотрел на неё растерянно.

Её глаза светились ответным теплом.

– Ты согласна? – обрадовался он.

От счастья не в силах сказать ни слова, она кивнула и обняла его. Они слились в нежном поцелуе.

– Да, совсем забыл, это тебе! – Олег протянул Веронике коробочку.

Она открыла. Там лежало золотое колечко. Он сам надел ей его на палец.

– Всё, – сказал Олег, – теперь ты моя невеста, мы с тобой обручены... обречены на вечную совместную жизнь.

Когда Вероника вышла из больницы, Олег официально попросил её руки у её родителей. И началась подготовка к свадьбе.

И всё было бы прекрасно, но тут затосковала эфа. Она знала о том, что Олег женится. Казалось даже, что относится к этому с пониманием. Хотя Олег не выставлял своих чувств напоказ перед эфой, она видела, что он счастлив. Но этого счастья разделить вместе с ним не могла.

Незадолго до дня бракосочетания эфа начала волноваться. Просто места себе не находила.

Олег был не на шутку встревожен.

Озарение пришло как-то вдруг.

– Я понял, – сказал он, глядя в её грустные жёлтые глаза. – Ты не можешь жить в неволе. У нас с тобой нет будущего.

После этих слов эфа успокоилась, но грусть не покидала её, наоборот, становилась всё гуще и насыщенней, пока обоим не накрыла с головой. Они понимали, что больше так продолжаться не может. Надо что-то предпринять.

– Может, нам лучше с тобой расстаться, – после долгих раздумий предложил Олег.

Эфа качнулась, зашуршала, будто запела. И песнь её была печальной.

Олег отпраился в деканате на несколько дней. Купил билет на самолёт до Ферганы.

Вероника пришла попрощаться с эфой. Эфа вела себя дружелюбно.

– Береги его, – сказала эфа на прощание, – он тебя любит! И прости меня. Я не хотела тебя кусать. Это получилось случайно, – добавила она и посмотрела на девушку пронзительным виноватым взглядом.

Вероника не понимала, что говорила эфа, но чувствовала её расположение к себе.

– Она просит у тебя прощения, – перевёл Олег.

– Всё хорошо, – обратилась Вероника к эфе. – Я не держу на тебя зла.

– Ты добрая, – произнесла эфа. – Я буду помнить это всегда. Прощай.

Эфа стала спокойной, в ней вновь появилось достоинство. Змея и девушка расстались почти подругами.

Олег повёз песчаную эфу в Ферганскую долину. На том месте, где студенты вели раскопки несколько месяцев назад, он выпустил гадюку из клетки. Она бочком отпрыгнула в сторону и оттуда посмотрела прощально на Олега. И хотя в глазах её застыла печаль, чувствовалась в ней и радость освобождения.

Олег улыбнулся и кивнул эфе ободряюще. Он подумал о том, что эфа изменила его жизнь. Никогда раньше он не задумывался обо всём многообразии живых существ, населяющих землю. Он не был жестоким, но и милосердным не мог себя назвать. Теперь он точно знал, что просто так даже жука не раздавит и не будет охотиться, не станет убивать братьев наших меньших, ибо и они умеют чувствовать, переживать, и у каждого из них есть право на жизнь.

– Спасибо тебе, – сказал Олег. – Ты меня научила милосердию. Я никогда не забуду тебя. Прощай, эфа!

– Прощай, – ответила эфа.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Эфа думала о том, что и её, змею, жизнь среди людей многому научила, помогла постичь простые истины. Например, что и у них есть дружба и любовь, любовь, ради которой они могут жертвовать собой. Оказалось, что человек не такое страшное существо, что с ним можно дружить. Она теперь точно знает, что ни при каких обстоятельствах не обидит человека. И не позволит сделать это своим собратьям.

Произошло главное: змея и человек научились слышать и понимать друг друга.

Не сговариваясь, Олег и эфа развернулись и отправились в разные стороны, каждый в свой мир.

7 августа 2017 года.

Светотень

1.

На дворе конец ноября, а снега всё нет. Это катастрофа для нашего тренера Ивана Михайловича. Переживает, что не успеет подготовиться к зимней спартакиаде. Сегодня он пришёл на тренировку радостный и, потирая руки, сказал:

– В воскресенье я был на охоте и нашёл снег. Тренировка будет там. Даю полтора часа на сборы. И без опозданий.

Снег – это прекрасно, просто предел мечтаний! Но после обеда у меня – репетиции. Я учусь на театральном отделении культпросветучилища. И сейчас мы готовим к семестровому показу за второй курс отрывки из пьес, во многих я занята. И если раньше тренировки проходили рядом – на территории соседнего парка и всё как раз хорошо укладывалось, то теперь надо было ехать за тридевять земель.

Судьба поставила меня перед неразрешимой дилеммой. Если еду вместе со всеми за снегом, как минимум две из репетиций пропускаю, а значит, подвожу сокурсников, но не ехать на тренировку я тоже не могу. Тренировка для меня – всё! Это моя отдушина.

Я иду договариваться с режиссёрами отрывков.

У Людэ Минаевой я играю племянника в «Добром человеке из Сычуани» Бертольта Брехта, выполняю разные трюки, которые отрабатываем на сцендвижении, например, падение со стула... персонаж отрицательный. В отрывке у Хынкиной мы заняты вдвоём с Минаевой, я играю мальчика, она – девочку в «Варшавском набате» по пьесе Коростылёва. Это трагедия о судьбе польского педагога Яноша Корчака и его воспитанников из сиротского приюта, о детях, убитых в фашистских лагерях. Пьеса требует от нас полной актёрской отдачи, большого психологического напряжения.

Дальше по расписанию идёт мой отрывок, с собой-то я, конечно, договарюсь, но надо предупредить актёров, ту же Мишаеву, занятую у меня.

Репетиции ещё пары отрывков, в одном из них я играю бабушку, в другом – молодую влюблённую женщину, назначены на поздний вечер, на них должна успеть.

Подхожу к однокурсницам поочерёдно, объясняю ситуацию, прошу отпустить. Обе категорически против моего послеобеденного исчезновения, особенно, раздувая ноздри прямо-го тонкого носа, как самовар, пускает пар Хынкина.

Но пропуск тренировки для меня смерти подобно. Я договариваюсь с ребятами, у которых не занята, о перестановке очередности репетиций, с боем выбиваю эту уступку для себя со стороны «моих режиссёров» и бегу на склад за лыжами со слегка подпорченным этой перепалкой настроением.

Ровно в 14.00, сразу после обеда, мы, четыре спортсменки с разных факультетов, в полной экипировке стоим возле входа в массивное приземистое здание нашего родного кулька, расположенного недалеко от центра Барнаула.

Подъезжает Михалыч, и мы, кое-как разместив лыжи в багажнике и салоне его старенького автомобиля «Жигули» и едва втиснувшись втроём на заднее сиденье, отправляемся за город. Впереди сидит Любаня Миляева, маленькая, шустренькая и, как говорят, с характером, несмотря на внешнюю милоту. Она весело щебечет с тренером, выпытывая у него, долго ли ехать, много ли снега, не растаял ли он, а потом и вовсе переключается на посторонние темы.

Михалыч любит поговорить, он не просто тренер, но ещё и наставник, и учитель по жизни. Он мудрый и строгий, как отец.

– Иван Михалыч, – обращается к нему Любаня и, слегка обернувшись назад, хитро подмигивает нам, – говорят, у нас в команде новый мальчик появился?..

– Это ты про кого, про Саню, что ли?.. Так у него ещё моло-

ко на губах не обсохло. Он вас года на два моложе, – отвечает Михалыч, глянув на нас карими насмешливыми глазами.

– Это ничего, – звонко смеётся Любаня. – Мой-то Пашка тоже ещё молодой...

– Ну-ну, – неопределённо говорит Михалыч, непонятно, одобряет он или порицает такое положение вещей. Хотя, конечно, уже давно знает обо всех наших симпатиях и антипатиях, за которыми наблюдает по-отцовски мудро.

Вот мы уже за городом, проезжаем Алтайку и мчимся дальше по шоссе в сторону Бийска. Но нигде даже намёка на снег. Всюду – раздетая озябшая земля, чуть тронутая морозцем. Так и хочется накинуть на неё белоснежную шубку.

Едем долго, наконец сворачиваем на просёлочную неасфальтированную дорогу. Скорость немного замедляется, и мы уже петляем между высоких деревьев по холмистой местности.

Всё так же сиротливо вокруг.

Но вот выскакиваем на пригорок. И взору открывается чудесная картина: впереди, слева от дороги, весь косогор покрыт белым покрывалом.

Снег!!! Мы бурно радуемся! Прыгаем, кидаемся снежками. Наконец под строгим взглядом больших глаз Михалыча перестаём дурачиться, становимся на лыжи.

– И-и-э-эххх! – громко выдыхаю я, срываюсь с места и мчусь вниз по склону. Дух захватывает, да нет, меня просто распирает от радости. Кажется, вот сейчас, как воздушный шарик, не выдержишь и... лопнешь... или умчишься далеко ввысь.

Мы, словно застоявшиеся в загоне телята, вырвались наконец на свободу, в луга. Как же соскучилась я по снегу! Сколько энергии и нерастроченных сил чувствую в себе. И мчусь, и мчусь... и нет усталости ни грамма. И скорость, кажется, полётная.

Те же чувства испытывают мои подруги. Вот подъехала со счастливым лицом Нина Дмитриева, спокойная, выдержанная,

с длинными тяжёлыми косами и глубокими выразительными задумчивыми глазами. Она учится на библиотечном отделении, как и Вера Серова. Она не очень эмоциональная и симпатичная девушка, среднего роста, ладно скроенная, и в лице её всего в меру: и глаза, и нос, и губы – в полной гармонии друг с другом.

– Светлова! – кричит мне Михалыч. – Выталкивай ногу вперёд, что ты её загребаешь... И рука пошла, рука!.. Вот так, так... сильнее толчок!

Михалыч стоит сбоку лыжни, опершись массивным телом на лыжные палки, и внимательно наблюдает из-под лохматых бровей за техникой бега, подсказывает, подправляет, если считает нужным.

– Да что ты совсем палками-то не работаешь, Серова! – сердито кричит он, и ноздри его массивного носа раздуваются.

– Девчонки-и-и! Привет! – издали машет мне Витя Васин, когда я в очередной раз возвращаюсь на исходную точку.

Рядом с Витей – незнакомый паренёк в зелёном свитере и в шапочке с бубончиком. Смешной такой.

«Откуда они здесь?» – с удивлением думаю я.

Потом вижу Гошу – так мы между собой называем второго тренера – Георгия Григорьевича, очень высокого и худого как жердь, относительно молодого ещё мужчину. Я понимаю, что мальчишек привёз он.

Витя – невысокий, крепко сбитый и очень общительный парень, с вечно улыбающимся, изъеденным оспой лицом, с пронзительно синими глазами.

– Знакомьтесь, – говорит Витя, – это Саня, он тоже с инструментального отделения, мы с ним за одной партой сидим. Теперь он в нашей команде, так что, прошу любить и жаловать.

Саня смущённо протягивает руку всем поочередно. Последняя в этой очереди я. Саня смотрит на меня большими светло-голубыми глазами, будто в лёгких облаках небо, и почему-то краснеет. Алая краска заливает его курносый вес-

нушчатый нос, постепенно перемещаясь на всё скуластое лицо.

Я снимаю перчатку и протягиваю ему руку, он несильно пожимает. «Какая у него мягкая ладонь!» – с удивлением замечаю я.

И в это время сквозь сумрачную небесную пелену пробивается лучик солнца, потом другой, третий... Они создают светотень. И лица преображаются, хорошеют. И лес оживает. Сосны, а кое-где берёзы, уже скинувшие почти все свои нарядные одежды, словно радуются дарованному свету. Снег переливается оттенками цветов от тёмно-синего до серо-голубого. Я замороженно смотрю вокруг.

– Какая же ты красивая, Светка, – тихо говорит Витя. – Прямо Снегурка в этой пушистой шапочке...

Я смущённо отворачиваюсь.

– Точно, точно! – поддакивает Нина Дмитриева. – Ей бы ещё шубку...

Все смотрят на меня. От неловкости я срываюсь с места и несусь вниз. Лицо моё полыхает, но я-то знаю, что оно всё равно не красное, а бледное. Нет у меня такой способности, как у Сани, краснеть.

...Мы благодарим Михалыча за это чудо: снег! Любаня от избытка чувств тихо напевает что-то по дороге обратно, голосок у неё звонкий, и поёт она хорошо, не зря ведь учится на хоровом отделении.

2.

Спартакиада выпала на зимние каникулы. А проходит она в Горно-Алтайске, это город, в котором я мечтала побывать. Мы едем сначала поездом до Бийска, а оттуда на рейсовом автобусе. Нас – шесть девчонок и чуть больше мальчиков.

Длинный и какой-то неуклюжий, немного похожий на Кузнечика из фильма «В бой идут одни “старики”», Пашка ухаживает за Любой Миляевой. Они дружат. И, конечно, они всегда

вместе, вот и сейчас с заднего сиденья, где Любаня примостилась на Пашкиных коленях, то и дело доносится хохот.

Пашка мне не нравится. У него грубые, пошловатые, какие-то подростковые шутки. Там же сидят Витя Васин и его закадычный друг – гуттаперчевый мальчик Саня Чижов, который влился в команду осенью, но уже вполне освоился.

Пашка с Витей, как всегда, пикируются, шутят и гомерически хохочут. Любаня заливается колокольчиком на весь салон.

Наконец и они успокаиваются, и их укачал, убаюкал Чуйский тракт.

За окном темно, не видно ни зги. Я тоже подрёмываю на переднем сиденье, изредка вздрагивая и встряхивая головой.

Приезжаем в Горно-Алтайск поздно. Селимся в двухместных номерах гостиницы, мне выпало жить с Верой Серовой. Михалыч и Гоша раздают всем сухие пайки, мы с Верой перекусываем и сразу ложимся спать.

Утром сытно завтракаем, берём лыжи и идём на трассу в горы.

Мама моя! Вот это лыжня! Тут такие горы, вам и не снилось! У меня загораются глаза. Я ничего не боюсь. Несусь сразу за мальчишками, за мной – все девчонки. Я легко преодолеваю подъёмы и крутые или затяжные спуски, кидаюсь на них, как на амбразуру, и ничего мне не страшно в эти минуты. Я ничего не боюсь! И только ветер в ушах свистит. Девчонки сзади визжат и падают. Я уверенно держусь на лыжах.

Возвращаемся на базу. Снимаем лыжи, накидываем на себя пальтишки и идём в гостиницу. Погода хорошая: 12 градусов со знаком минус и совершенно безветренно. Обедаем. Отдыхаем. Ужинаем. Идём в кино, в местный кинотеатр.

– О! Девчонки! – наступает нам на пятки Витя Васин. – Давайте знакомиться! – дурачится он. – Меня зовут... Дон Кихот Ламанчский, а это, – показывает на Саню Чижова, – мой верный оруженосец Санчо Панса.

Даже в бледных сумерках видно, как лицо Сани начина-

ет полыхать огнём. Мягкой и тёплой ладонью Витя пожимает наши руки. Санино лёгкое прикосновение обжигает, будто весь он охвачен огнём.

– Я доверяю его вам. И чтоб не обижали! – говорит он и куда-то исчезает.

Саня остаётся с нами. Он покупает три билета на свои деньги, мы возмущаемся, хотим сами за себя заплатить. Но Саня сильно обижается, и мы сдаёмся. После киносеанса он от нас не отстаёт. Зовёт гулять по городу. Мы идём по заснеженным улочкам, Саня всё время разговаривает с Верой.

Я молчу, не мешаю им общаться, лишь изредка вставляю словечко, когда Саня спрашивает меня о чём-нибудь. Я люблюсь горным этим местечком, уютным, с невысокими домами, светящимися сейчас на склоне разноцветными огнями. На ясном вечернем небе давно зажглись и горят звёзды, которые сейчас с любопытством поглядывают на нас.

Становится холодно. Мы возвращаемся в гостиницу, Саня напрашивается к нам в гости. Я понимаю, что ему нравится Вера, что из-за неё он стремится к нам. Она интересная девушка, её лицо – образец правильных черт, правда, почему-то долго смотреть на неё не хочется, скучно становится.

Мы втроём играем в какую-то дурацкую игру, предложенную Саней. Что-то чертим, говорим какие-то нелепые слова... Хохожем. Саня часто краснеет. Уже поздно. Ужасно хочется спать. И надо бы выспаться, завтра – первый день соревнований.

Намечаем Сане, что пора уже расходиться. Он почему-то именно меня просит проводить его до двери. Мы выходим в коридорчик. Стоим друг против друга и молчим.

– Света, – произносит он и опять покрывается весь краской, даже уши у него становятся пунцовыми.

Мне неловко, но я чувствую, что ему ещё больше неловко. Я ему не помогаю. Просто стою и молчу. Я не знаю, что нужно говорить в таких случаях. Моя интуиция ничего мне не подсказывает.

Он вздыхает. Молчит. Наконец решается. Берёт мои руки, приближает к себе. Хочет что-то сказать. Я смотрю на его веснушчатый нос, на пламенеющие щёки... Я будто увидела его впервые. В его серых больших глазах в пушистых рыжих ресницах плещется что-то тёплое. У него застенчивая улыбка. И весь он такой смешной и очень милый, совсем ещё мальчишка.

Всё это свалилось на меня так неожиданно. Я растеряна.

Мы долго стоим и молчим. Наконец я мягко отнимаю свои руки и говорю:

– Саша, пора уже отдыхать. Завтра соревнование. До завтра, – прощаюсь я.

– Давай ещё немного постоим, – просит он и говорит: – Света, я... Ты... мне давно нравишься... (надо же! не замечала!) Я...

– Потом-потом, позже... – Я так ошарашена, что не знаю, как себя вести и что делать, поэтому не даю досказать ему главное. Выпроваживаю. Но, видимо, мягкость моего поведения и ласковость интонации дают ему право надеяться на что-то. Он вылетает от меня окрылённый.

3.

Утром встречаемся внизу. От Сани исходит какое-то свечение. Он берёт свои и мои лыжи, и мы идём с ним рядом в кругу сотоварищей, которые, как всегда, беспечно болтают, подкалывают друг друга, шутят.

Я немного растеряна. Хотя мне нравится та атмосфера любви, которая образовалась вокруг меня. Мне нравится быть Саниной невестой – мой новый статус озвучивает неделикатный Пашка, за что тут же получает шуточный вроде бы пинок от Вити, между ними начинается потасовка, которую прекращает Михалыч.

На лыжной базе мы получаем и надеваем поверх свитеров свои номера. Выходим на построение. Как много спортсменов,

представляющих средние специальные учебные заведения Алтайского края, участвует в зимней спартакиаде!

И вот торжественная часть начинается. Выступление организаторов, руководителей, поднятие флага. И – старт, согласно номерам.

Я бежала где-то в середине. Саня натёр мне лыжи специальной мазью по сезону, которую выдал тренер, и они вместе проводили меня на старт. Бессолнечное спокойное небо роняло вниз редкие снежинки, смешно таявшие на крупном носу Михалыча. Он давал мне последние наставления перед стартом.

Я волнуюсь очень, сердце стучит так громко, кажется, сейчас выпрыгнет из груди.

Но вот дана команда: марш! И я срываюсь с места. И все мои волнения остаются позади. Трасса – моя стихия! Я бегу и не даю себе ни секунды передышки. Вдох-выдох, вдох-выдох... Бегу свободно, легко, размашисто! Но вот крутой подъём забирает, кажется, последние силы. Ещё немного, уговариваю себя. Терпи! Вперёд и только вперёд!

Вот я уже на вершине! И тут открывается второе дыхание. И вновь становится легко. И я буквально лечу вниз, по склону.

Саня встречает меня на финише, набрасывает на плечи куртку.

– Молодец, хорошо прошла, – говорит на ходу Михалыч и провожает к старту Веру Серову, которая бежит последней из нашей женской команды.

Парни стартуют после нас. Мы с девочками и тренером провожаем наших мальчиков на дистанцию и встречаем на финише.

Когда прибегает последний лыжник, судьи удаляются подсчитывать очки.

С совещания Михалыч возвращается довольный. Наша команда в целом выступила неплохо. У меня лучший резуль-

тат среди наших девчат, но всего лишь третий в общем зачёте. Хотя для меня и это хорошо, потому что на спартакиаде выступают очень серьёзные соперницы. С третьим местом меня поздравляют все наши.

На второй день бежим 5 км, на третий – 8 км. Я опять пробегаю лучше своих, но лыжницы из других команд сильнее.

Все эти дни Саня не отходит от меня ни на шаг. Он по-прежнему носит мои лыжи и готовит их к пробегу, провожает меня и встречает. Витя Васин, вот уж настоящий друг, окружает нас с Саней заботой и вниманием. После очередного, последнего забега Витя несёт свои и Санины лыжи, а Саня – мои. Мы говорим о трассе, о соревнованиях, о городе – обо всём. Лишь только признания с его стороны я не допускаю, увожу разговор от опасной темы в сторону. Михалыч поглядывает на нас внимательно, но ничего не говорит.

Все привыкают видеть нас вместе. И уже каким-то образом связывают воедино. Непостижимо, но и мне кажется, что я знаю Саню тысячу лет. И не могу обходиться без него, как без зубной щётки, например. Он согревает меня своим обожанием, обволакивает заботой. Здесь, в горах, его отношение ко мне кажется таким романтическим. И моё сердце готово открыться навстречу его чувствам.

Настаёт день отъезда. Возвращаемся тем же маршрутом: до Бийска на автобусе, только я уже сижу возле Сани. А там – на поезд Бийск – Барнаул. И вот покачиваются вагоны, нам весело ехать всем вместе, мы, что ни говори, команда. И уже шутки не такие колкие, а более добрые. Пашка с Любаней обнимаются на верхней полке. Саня ходит за мной, словно хвостик, ни на секунду не отпускает из поля своего зрения. Я выхожу в тамбур.

– А где Саня? – беспокоится за друга Витя.

– Да вот же он, – говорит Нина Дмитриева, указывая на возникшего за моей спиной Саню. – Где Света, там и Саня. Понятно же.

– Смотри, Светлова, не обижай нашего Санька, – грозит пальчиком смешная Плотникова.

Саня краснеет, но видно, ему приятно.

4.

Вот и каникулы проходят. Начинаются занятия. У нас, на театральном отделении, идут репетиции, подготовка к весеннему семестровому показу отрывков из пьес. И снова я занята почти во всех. Свободного времени просто нет.

Саня зовёт меня в кино, на вечерний сеанс. Отказываю. Никогда.

Несколько дней я не вижу его, но меня это не беспокоит. Романтическая нотка, витавшая над нами там, в горах, здесь, внизу, исчезает.

Однажды меня назначают дежурить в том коридоре, где занимаются оркестранты. А это где-то сбоку и в подвале, там за плотными дверями студенты терзают свои инструменты, но их не слышно. Очень плотные, в несколько слоёв кирпичные стены не дают проникать звукам вовне. Это здание – бывшая тюрьма, раньше не только звуки, но и заключённые не могли выбраться наружу из своих камер, где сейчас располагаются инструментальные классы.

Саня крутится возле меня на каждой переменке. Я смотрю на него строго, как старшая сестра смотрит на шкodu брата, и не допускаю никаких нежностей с его стороны. Саня теряетcя, говорит междометиями, обрывает себя на полуслове, молчит и, как всегда, при этом краснеет.

На одной из перемен Витя Васин шепчет мне на ухо: «Да будь ты с ним помягче, Свет. Что ты, как училка строга... Разве не видишь, он совсем потерянный...»

Саня опять приглашает в кино. Но у меня сегодня дежурство в детском саду, где я подрабатываю. Он вызывается проводить. Я объясняю, что это далеко, на Потоке. Он настаивает на своём.

Часов в восемь вечера выбираемся из училища, доходим до остановки «Кинотеатр “Родина”», доезжаем до Крытого рынка на троллейбусе. И идём до детсада пешком, мимо рынка, который уже закрыт. На площади перед Домом культуры сворачиваем направо в тихую улочку. Притаившийся на обочинах посеревший снег передаёт нам свой последний привет. Тихо, безветренно, свежо. А под ногами слякотно.

Разгорячённый быстрым шагом Саня расстёгивает коричневую болоньевую куртку. А мне комфортно в белом, в мелкую серую клетку приталенном пальто, оно как раз по сезону. Саня держит меня за руку, заглядывает в лицо. Мы что-то говорим, чему-то смеёмся.

Мы останавливаемся возле решётчатых ворот детсада, Саня приближается ко мне очень близко, я интуитивно чувствую, что он хочет поцеловать меня, и отстраняюсь.

Он спрашивает:

– А можно с тобой?.. На дежурство.

Я отрицательно качаю головой. Он замыкается, отодвигается. Смотрит на меня как-то сбоку.

– Я тебе совсем не нравлюсь, – тяжело вздыхает он и смотрит на меня вопросительно.

– Ну почему... – отвечаю я в глубокой задумчивости.

– Я даже поцеловать тебя боюсь, – роняет он и надолго замолкает.

Я не знаю, что сказать. Я думаю о том, что же на самом деле испытываю к этому мальчику. Мне нравится его внимание, забота, обожание. Мне нравится быть любимой. Это свет.

И в ту же минуту в памяти возникает фраза из «Маленького принца»: «Вы в ответе за тех, кого приручили». Я не хочу приручать Саню. Я НЕ ЛЮБЛЮ его. Это тень.

Такая вот СВЕТОТЕНЬ. Я отношусь к нему тепло, как к родному человеку, как к брату. Но сказать ему об этом я не могу. Не хочу делать ему больно. И мне очень нравится, когда он рядом. Мне бы отпустить его, а я, как собака на сене...

Всю жизнь я жду своего Единственного, своего Принца. А Принца всё нет. А мне уже почти двадцать!..

– Может, тебя смущает, что я младше тебя?.. Но ведь ненамного...

Я не отвечаю.

Я открываю калитку, и оставшийся путь – до запасного входа детсада – идём молча. Возле двери долго стоим. С хмурого неба, как мухи, медленно летят запоздалые редкие снежинки. И опять он держит мои руки в своих.

– Света, – говорит он, – я знаю, мы не пара... Ты такая!.. Ты необыкновенная... и очень красивая... А я... Знаешь, у меня песня любимая есть: «Некрасивый я, конечно...». Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой...

– Саша, – говорю ласково, – ты очень красивый! И веснушки тебе очень идут!

Смотрит с недоверием и надеждой.

– Ты правда так считаешь?..

– Конечно! – говорю как можно убедительней, потому что он очень симпатичный и обаятельный. Он, наверное, и не догадывается, что любую девушку может этим подкупить.

В благодарном порыве он качнулся ко мне, но обжёгся о мой взгляд. Он смотрит на меня и не может понять, как себя вести. В его глазах – смятение. Он не решается обнять меня. Разворачивается и идёт в ночь. В моей душе скребут кошки.

После этого вечера я долго его не вижу. Он не приходит больше ко мне на этаж. И я уже скучаю без него. А тут ещё ежедневные репетиции после занятий, подготовка к экзаменационному показу. И ночные репетиции. И усталость какая-то копится и наваливается всё больше. И что-то с кем-то на повышенных тонах выясняем... А тут ещё весна!.. И таяние снегов бесконечное. И яркое солнечное сияние, перемежающееся с хмарью небесной.

В один из серых вечеров в училище приезжает гипнотизёр. И я иду, хотя вся на нервах, с заплаканными глазами. В акто-

вом зале полно студентов и педагогов, яблоку негде упасть. Я протискиваюсь сквозь плотные ряды к своей однокурснице Галке Плотниковой.

Представление вот-вот начнётся, в зале, словно в улье, лёгкое гудение. Занавес медленно открывается...

И тут я вижу Саню. Он стоит в проёме широко распахнутой входной двери и держит за руку девушку с коровьими, голубыми глазами и кротким выражением лица.

Моё сердце обрывается и падает вниз.

Саня натывается на мой взгляд, вспыхивает кумачом и тут же уводит в сторону глаза. Держась за руки, они пробираются на свободные места где-то на галёрке.

Начинается представление. Гипнотизёр приглашает на сцену всех желающих испробовать чары гипноза на себе. Находятся смельчаки. Но их немного.

И тогда помощник гипнотизёра, мужчина в тёмных очках, идёт по залу и цепляет ещё несколько студентов. Потом останавливается возле меня, бесцеремонно берёт за руку и ведёт на сцену. Я не могу сопротивляться, словно безвольное существо на поводке.

Мы стоим полукругом. Гипнотизёр просит закрыть глаза, я закрываю. И слышу:

– Перед вами стол, полный самых вкусных блюд, шоколадных конфет, берите, не стесняйтесь.

«Ничего подобного», – мысленно говорю себе. Я слышу его голос и контролирую свои действия. Тоже мне, гипнотизёр!.. Но рука моя помимо воли тянется за конфеткой. И как бы стесняясь, я тащу несколько конфет к себе.

Гипнотизёр говорит мне: воц твоя подруга, вы не виделись с ней давно, вы так рады друг другу!

Напротив меня – детдомовская девочка-хулиганка Юлька, которую я недолюбиваю, хотя и не ссорюсь с ней. Юлька начинает истошно рыдать, потом кидается меня обнимать. Что за балаган, думаю я, и очень стыжусь того, что происходит. Я ведь в здравом уме и при памяти.

И вдруг – полная отключка. Я ничего не помню. Больше ничего не происходит. Мне кажется, пролетает мгновение, и я хватаюсь за занавес, потому что меня качает.

Скоро я прихожу в норму, и меня провожают в зал. Теперь я уже как зритель смотрю на то, что вытворяют гипнотизёры со студентами. Но вот всё заканчивается. Ко мне подходит педагог по сценречи, подбегают однокурсницы и начинают поздравлять с премьерой.

– Света, ты так выплясывала на сцене! – говорит Татьяна Васильевна. – Ты случайно танцами не занималась?..

– Талантливо! Превосходно!.. – подхватывают девчонки.

Может, в прошлой жизни ты была танцовщицей?! – предполагает Люда Минаева.

– Мы и не замечали в тебе больших способностей к танцам, – едко замечает Хынкина. – Теперь будем использовать их в игре...

– Ой, Светка, ты и вправду молодец, – налетает на меня с разбегу Галка Плотникова и обнимает за шею так крепко, что я начинаю кашлять.

И всё в таком духе. Продолжается это долго. За всей этой кутерьмой я боковым зрением вижу, как проходит мимо Саня за руку со своей девочкой, будто они и не разнимали всё это время рук, будто каким-то волшебным образом руки их склеились на веки вечные.

Саня неотрывно смотрит на меня. Я делаю вид, будто вообще его не вижу. Потом действительно теряю его из виду. Я оглядываюсь, но Сани нигде нет. Я чувствую лёгкую досаду, разочарование. Будто меня предали.

Мы с девчонками прощаемся с педагогом. На сегодня, слава богу, всё закончено. Никаких репетиций.

Я спускаюсь вниз вместе с Галкой Плотниковой и другими однокурсницами, встаю в очередь в раздевалку за своим пальто. И вдруг вверху, на лестнице, вижу Саню. Он смотрит во

все глаза, будто кого-то ищет. Наши взгляды встречаются. Он быстро сбегает по лестнице ко мне, говорит:

– Держи! – и высыпает мне в ладони горсть шоколадных конфет. Нежно сжимает мои руки, секунд пять стоит, не двигаясь, а потом убегает наверх. К своей девчонке.

Я смотрю ему вслед, прислушиваясь к себе. И ничего: ни боли, ни сожаления в своей душе не нахожу. Лишь тепло. И благодарность за те приятные моменты, которые подарил мне этот милый мальчик, за его любовь. И лёгкость. Будто с моей души свалился наконец тяжёлый груз. И я могу идти дальше. К своей мечте, к своему Принцу, к большой взаимной любви, к любви, которая непременно придёт.

25 апреля 2016 года.

Розыгрыш

Стоял морозный денёк конца декабря. Нарядный предновогодний город улыбался и сквозь снежинки, наклеенные на окна жильцами, подмигивал Альке разноцветными огнями гирлянд. Нарядная ёлка зазывала на центральную, людную в этот предвечерний час площадь, но не могла задержать внимания Альки надолго – Алька торопилась в клуб на бал-маскарад.

Она плыла мимо площади, мимо чужой оконной радости, мимо всего – на остановку.

Вскоре подошёл троллейбус, на его окнах тоже красовались причудливой формы снежинки, вырезанные из бумаги и наклеенные заботливой рукой кондуктора.

В переполненном салоне теплели хмурые лица пассажиров, все приветливо смотрели на кондуктора в берете, шутили, протягивали пятаки на билеты.

Минут через тридцать на конечной остановке троллейбус вытряхнул из салона последних пассажиров.

Алька выскочила на морозный воздух и поспешила дальше по знакомым улицам, успевая любоваться причудливыми узорами берёзовых ветвей. По лицу её блуждала улыбка. Под каблучками поскрипывал снег. И этот скрип ложился радостной мелодией на сердце Альки – двадцатилетней девушки, студентки 3-го курса педагогического училища. Она находилась в предчувствии чего-то необыкновенного, что обязательно должно произойти в этот волшебный предновогодний вечер. Романтическая натура, она верила в чудеса.

Она была прекрасна своей молодостью, нежностью и воздушным состоянием души. Черты тонкие, наивный взгляд тёмно-зелёных глаз с длинными прямыми ресницами, курносый нос, небольшой, аккуратный рот и нежная кожа с лёгким румянцем дополняли её образ. Тёмно-синее пальто с песцовым

воротником не скрывало хрупкость фигуры и необычайно шло ей, а связанная бабушкой мохеровая шапка с помпоном придавала всему её облику некоторую детскость.

Алька спешила. Нужно было успеть нарядиться к новогоднему балу-маскараду. Её парень, Паша, с которым встречались уже несколько месяцев, пригласил отпраздновать приближение Нового года в Доме культуры котельщиков, вместе с коллегами с завода, где он работал после окончания ПТУ.

Он встретил её у входа, помог снять пальто и залюбовался: какая же она у него красивая! Как идёт ей это бардовое, приталенное платье чуть ниже колен, подчёркивающее стройность и хрупкость фигуры.

Паша познакомил Альку со своими друзьями, Тимуром и Шуриком. Тимур, мускулистый смуглый брюнет с большими карими глазами вприщур и со взглядом Казановы, от которого Альке стало неловко, смотрел так, будто приглашал в отдельные номера. Алька нахмурила бровки и отвела взгляд.

Тщедушный, худой и длинный как фитиль, рыжий Шурик, нервно подёргивающий длинным носом, усеянным веснушками, был со своей невестой – миловидной, слегка полноватой девушкой Таней. У неё была длинная плетёная коса. Двигалась она медленно и рядом с Шуриком казалась воплощением спокойствия и достоинства. И... полнота ей шла.

Они танцевали медляки, энергично двигались под быстрые ритмы в общем кругу, смеялись шуткам ведущего, участвовали в конкурсах и хором звали Дед Мороза. Паша ни на секунду не выпускал Альку из своих рук. Он был взволнован и немного напряжён. Эта взволнованность передалась и Альке. Она то веселилась от души, то вдруг затихала, прислушиваясь к себе.

Вечер был в самом разгаре, молодёжь разошлась не на шутку, даже самые застенчивые, подпиравшие стены спинами, хлебнув в закутке шампанского, пустились в пляс.

Вот и Алькина компания не отставала от других. Под Boney M. плясали в своём кругу до изнеможения. Быстрые

ритмы сменялись медленными мелодиями – ни одного танца не пропускали.

Пару раз подкатывал к Альке Тимур, приглашал на танго.

Дала от ворот поворот. Хотя с кем-нибудь другим могла бы и потанцевать, ничего плохого в этом она не видела. А этот Тимур отталкивал её своим назойливым и липким, как ей казалось, взглядом.

Паша отлучился на минутку, оставив её одну. И тут же Тимур возник рядом.

– Нехорошо красивой девушке скучать в одиночестве, ещё привяжется кто. Пойдём потанцуем, пока Пашки нет? – обратился он к Альке, шуная взглядом танцующих.

– Нет, – уже в который раз отрезала Алька.

– Почему?

«Не нравишься ты мне», – хотела сказать Алька, но сказала просто:

– Не хочу. Я с Пашей!

– Ты из какого века, девочка? – усмехнулся Тимур.

Алька промолчала – не в её правилах обижать людей. Даже и таких, назойливых.

– Ну ты, ловелас, – шутливо сказал появившийся Паша, слегка толкнув Тимура в грудь. – Не смей уводить мою девушку!

И тут же увлёк Альку на середину танцпола под песню ансамбля «Лейся песня».

Лишь позавчера нас судьба свела,

А до этих пор где же ты была?

Разве ты прийти раньше не могла?

Где же ты была, где же ты была...

– Ты чего такая? – спросил Паша, наклоняясь к Але.

– Какая?!

– Хмурая.

– Паша, скажи, у тебя все друзья такие?..

– А, вот в чём дело! Он тебя обидел?

– Нет. Просто...

– Не обращай внимания, он на самом деле не такой, как кажется на первый взгляд. И, в общем-то, неплохой парень.

А мелодия всё лилась.

*... Сколько дней потеряно,
Их вернуть нельзя, их вернуть нельзя.
Падала листва, и метель мела,
Где же ты была?*

– Да это и неважно сейчас.

– А что важно?

– Важно, что есть ты и я, – сказал Паша, отстранился и посмотрел на неё. – Что я тебя встретил!

Алька забыла обо всём на свете, она не могла оторвать взгляд от по-мужски красивого лица своего возлюбленного. Он был высокий и широкоплечий. Ей всегда тепло и спокойно рядом с ним.

– Я люблю тебя, – сказал он и притянул девушку к себе.

Они тонули в нежности друг к другу, никого вокруг не замечая.

И вдруг Алька увидела: рядом с ними танцует Татьяна, но не с Сашей, а с Тимуром. Наверное, в этом не было бы ничего предосудительного, если бы не слишком тесные и нежные объятия. Алька заметила, как Тимур целовал девушку. Альке показалось это верхом неприличия. Она отвернулась. Но тут же шум вновь привлёк её внимание к этой паре.

Шурик размахивал руками, хватал девушку за плечи, кричал, заикаясь:

– А в-вы сыграть м-могли бы на ф-флейте в-воддсточных т-труб...

В этой нелепой в такой ситуации строчке Алька услышала такую пронзительную боль обманутого человека, что ей стало безумно жаль его.

– Т-ты мне не-ее друг! В-вертихвосстка! П-прощай нав-веки!.. – обхватив руками голову, словно её разламывало от боли, Шурик отбежал в сторону, но вернулся. И снова убежал, заломив руки. И потерялся, просто растворился в толпе.

Алька стояла потрясённая, не в силах вымолвить ни слова. Она воспитывалась в семье потомственных педагогов, где были свои ценности, где слова «честь» и «совесть» были не простым звуком. Девочка впитала их с детских лет и придерживалась по жизни, получая иногда «тумаки» от сверстников, которые называли её белой вороной и считали не от мира сего. А то и говорили, что она опоздала родиться лет на двадцать.

– Как тебе не стыдно! – бросила она Тимуру в лицо. – Ведь вы же друзья!

Тимур стоял, криво усмехаясь. Татьяна казалась спокойной. Просто грустно смотрела перед собой.

Паша приобнял Альку и отвёл в сторонку. Ему почему-то было неловко перед друзьями именно за неё.

– Успокойся, – попросил мягко.

– Как ты можешь смотреть на всё это?! И ничего не предпринимать!!! – накинулась она на него. – Разве так можно поступать с друзьями?! Это подло!

– Ты не так всё поняла, – попытался он остановить возмущённую девушку.

– Как это не так. Я, что же, такая, по-твоему, бестолковая. Зачем они так с ним?..

– Понимаешь, Аля, Шурик сам попросил Тимура приухлестнуть за его девушкой...

– Как это?! – не поняла Алька.

– Он сказал, что она ему надоела, толстушка эта. Что не знает, как избавиться от неё на сегодняшний вечер. Ему понравилась там одна девушка... Он сейчас к ней клинья подбивает.

Алька была совершенно обескуражена.

– Так он, что, разыграл, что ли, сцену ревности?!

– Ну да, комедию ломал. Артист, – усмехнулся Паша. – Ну

их всех, Алька. Самое главное, у нас есть мы с тобой. Ты есть у меня, я – у тебя.

Весь оставшийся вечер они танцевали, не обращая внимания ни на кого. Что там происходило за пределами их маленького мира нежности, им до этого не было дела. Они как будто очутились вдвоём на необитаемом острове.

Но вот закончился бал-маскарад, все потянулись к раздевалке. И тут Алька снова увидела Тимура и Татьяну. Он накинул на девушку пальто и обнял её. И в этот момент к ним подскочил непонятно откуда взявшийся Шурик. Он схватил за руку Тимура и развернул к себе.

– Т-ты з-зачем так?.. С м-моей д-девушкой?! А?! Т-тёма?!

– Ну, ты же сам попросил приударить.

Тимур стоял и нагло улыбался прямо в лицо сопернику.

– П-приударить, но не у-уводить...

Тимур улыбался.

– Ну а т-ты?! – обратился Шурик к Татьяне. – К-как ты могла?..

– Прости, Саша, – сказала Татьяна устало.

– П-прости-иии! – взвился Шурик. – И это всё!

– Не истери, пожалуйста. Я как раз сегодня хотела тебе всё рассказать. Раньше не могла, прости, боялась причинить тебе боль.

– В с-смысле?..

– Мы с Тимуром вчера расписались.

– Ч-что-о?! – не понял Шурик.

И, обратившись к Паше, воскликнул:

– Нет, ты видел?!

Паша пожал плечами и сказал:

– Да, я был свидетелем...

Все друзья находились в полном ступоре. Алька в недоумении переводила взгляд с одного персонажа на другой и постепенно приходила в себя.

С высоты теперешнего понимания ситуации Тимур уже не казался ей ни негодяем, ни Казановой, вполне себе нормаль-

ный человек. И взгляд его масляных глаз, и приглашение на танец – всё это не выглядело теперь в её глазах чем-то неприличным, пошлым. Обычные знаки внимания невесте друга.

Альке стало стыдно за категоричность своих суждений о нём. «Иногда мы бываем слишком заносчивы и горделивы, – подумала она. – Нет, я бываю...»

– К-как же т-так? – растерянно пробормотал Шурик.

– Прости. Я не хотела тебя обидеть. Просто я люблю Тимура. Да и устала я от твоих номеров.

30 января 2017 года.

Бабочка на окне

Ссора возникла на пустом месте. Из ничего. Из одной фразы, брошенной в досаде мужем.

– Тебе, что, трудно приготовить ужин?..

– Трудно, – призналась Юлия. – Я плохо себя чувствовала. И день провела в обнимку с унитазом.

Юлия находилась на пятом месяце беременности. И до сей поры её мучил токсикоз. Она не выносила резких запахов, ела мало, да и то, что съедала, выходило наружу незамедлительно. Такова была биологическая особенность её организма.

На учёт по беременности она ещё не успела встать, так как приехала вместе с мужем из деревни от мамы недели две назад, а до этого сдавала госы в другом городе, где она с мужем жила до переезда на Север. Она доучивалась на очном отделении педагогического института, и прописка у неё была ещё старая. Оттуда выписалась, а здесь ещё не прописалась, вот и затянула с посещением гинеколога.

Она много потеряла в весе, казалось, видимо, и сессионное напряжение, была бледной и худящей, от бывлой пышности остался не по сроку огромный живот, да на опавшем лице горели глазищи редкого тёмно-синего цвета.

– Ты всегда плохо себя чувствуешь! – в сердцах воскликнул Олег.

Он, начиная с того момента, как узнал о беременности, выполнял все капризы жены, старался как мог – не обижать, понимать, помогать. А его-то кто-нибудь когда-нибудь поймёт?! У него сегодня был очень тяжёлый день. Они чинили высоковольтную линию электропередачи, да ещё главный энергетик, который ничего не понимает в этом деле, наорал. С работы Олег пришёл на взводе – уставший, голодный. А тут, как всегда... Не прибрано (да это уж бог бы с ним) и – ничегошеньки пожрать! А жёнушка лежит на диване с книгой в руках. И даже не поднялась навстречу.

Ещё недавно, во время её преддипломной практики, они жили вместе с её родителями, она тогда была намного ласковее и внимательнее. Теперь же, когда переселились в отдельный вагончик, куда что делось?

Недовольство женой по капле копилось в его подсознании, но он старался подавить раздражение. И вот сегодня не сдержался... Он тоже не железный!

Таким Юлька мужа ещё не видела. Он никогда не повышал на неё голоса.

– Не ори на меня! – в тон мужу сказала она.

Но он уже не мог остановиться. Его занесло, как на повороте.

– Могла бы э-ле-мен-тар-но макаронны отварить?! – навис над Юлией накачанный высокий муженёк, буравя её карими глазами.

Юлия отпрянула, испугавшись злой гримасы, искажившей до неузнаваемости, прямо обезобразившей красивое лицо мужа. Её опять начало тошнить.

– Нельзя было, – ответила Юлия, обиженно поджав по-детски припухлые губки.

– Да что ты, как попка, повторяешь за мной?! – зарычал вконец взбесившийся муж. – Разговаривай нормально, по-человечески, – посоветовал он жене.

– Я пытаюсь. Ты не слышишь меня, – парировала Юлия.

– Ты вообще перестала готовить, стирать, убирать... в доме полный бардак! – сыпал обвинения Олег.

– Ты же знаешь, как мне плохо! Меня замучили тошнотики, постоянно рвёт, я не могу ничего есть... У меня всё время кружится голова... я только встану с кровати, как тут же опять падаю без сил...

Жена говорила спокойным менторским тоном, словно училка заученный текст. И это взбесило его ещё больше. Уж лучше бы она на него наорала, что ли!..

– Я уже это слышал! Всё это отговорки! – зло сказал он,

скидывая рабочую одежду и надевая домашнюю футболку и трико.

– Ты не понимаешь, что ли, плохо мне было сегодня? – опять попыталась пробиться к сознанию мужа Юлия. – Я вообще не могу в таком состоянии ничего делать.

– Я пришёл с работы! Голодный! А у тебя тут конь не валялся! Ты целый день на кровати... и палец о палец не стучишь... Зачем, ну, скажи, зачем мне такая жена?! Которая ничего не делает! – заорал Олег, не выбирая выражений.

– А ты сам-то?.. Зачем ты мне нужен?! – обиделась Юлия. – Ты совершенно не помогаешь мне! Всё готов свалить на меня!.. Даже мусор не можешь самостоятельно вынести!.. Ну, не смогла я приготовить ужин!.. И что теперь?! – сорвалась на крик и Юлия, потому что муж, игнорируя её слова, ушёл на кухню.

Взаимные упреки и оскорбления, обрастающие новыми обидными подробностями, становились всё тяжелее, снежным комом надвигаясь на супружескую пару, они грозились разрушить их союз, скреплённый узами Гименея всего лишь год назад. Кризисная, говорят психологи, дата, между прочим. Период узнавания друг друга и привыкания. К новому образу жизни, к тому, что надо считаться с мнением другого человека. Притирка друг к дружке. В этот период супруги ещё готовы раздуть из мухи слона.

– Да у тебя всегда было так!!! Ты просто никчёмная баба. Неумеха и лентяйка! – вопил из кухни совсем потерявший над собой контроль Олег.

Через минуту он уже стоял на пороге, глотая, не прожёвывая, бутерброд с колбасой.

– А ты... ты... ты... – задышалась Юлия от обиды и возмущения и подыскивала слово пообиднее. – Ты просто не мужик!..

– Что-о-о-о?!! – взревел Олег, надвигаясь на Юлию...

И тут у Юлии случился страшный позыв на рвоту. Она быстро, насколько позволяло её положение, соскочила с дивана и,

зажав рот рукой, побежала вперевалочку к унитазу, опершись по дороге о живот посторонившегося мужа. Успела. И там шумно изрыгнула остатки немногочисленной пищи. В желудке ничего уже не было, кроме горькой слюны, а она всё ещё корчилась и рычала над унитазом.

Потом открыла кран, набрала в рот холодной воды, подержала, согревая, и, побулькав немного, выплюнула.

Олег молча наблюдал за женой.

Юлия вышла из вагончика, в котором они жили, на улицу, опустилась на большое круглое ошкуренное бревно, служившее им вместо лавочки.

Олег, следовавший за ней, присел рядышком.

– Это неправда, – тихо возразила Юлия.

Сердце её будто окаменело от обиды и жалости к себе.

– Что неправда? – не понял муж.

– То, что ты говорил про меня...

– Правда, чистая правда, – сказал он нормальным голосом, в котором пробивались тёплые нотки.

– Обвинения напрасные, совершенно необоснованные, – чуть не плача пробормотала Юлия. – Просто ты меня не любишь, – добавила она полувопросительно.

Муж молчал.

– Тогда нам незачем быть вместе, – обронила фразу и сама испугалась.

Муж молчал.

– Рубикон перейдён, мосты сожжены. Я ухожу от тебя, – произнесла она мёртвыми губами почти шёпотом.

Он с любопытством посмотрел на неё. И с деланным равнодушием насмешливо сказал:

– Иди.

И она пошла. А он продолжал сидеть на брёвнышке, склонив голову. И смотрел ей вслед. Она чувствовала этот взгляд. Он прожигал её насквозь.

Она шла медленно. Всё ждала: вот сейчас окликнет, позо-

вёт. Она мучительно вслушивалась в шумное биение сердца, которое стучало почему-то в голове. И из-за этого не было слышно никаких других звуков.

Юлия дошла до дороги. Ей казалось, что Олег идёт следом за ней. И сейчас, вот сейчас окликнет её. Догонит, обнимет за плечи и скажет: «Любимая, ну хватит дурить. Я погорячился. Прости меня!»

Не оглядываясь, она медленно шла вперёд: мимо дома све-крови, через дорогу. И скоро двигалась уже вдоль балков – временного жилья строителей – в сторону железнодорожного вокзала.

Олег всё не проявлял себя никак.

И тогда она развернулась всем корпусом.

Ни-ко-го!!!

Юлия испытала настоящий шок. Она была уверена, что он идёт позади неё. Как он мог!!! Отпустить её в такое время. Одну. Беременную. С огромным животом, в котором живёт их ребёнок, которого они успели полюбить!

Юлия вспомнила, как муж нежно прикладывал голову к животу и слушал, как малыш пинается... Они всё гадали, кто же там: мальчик или девочка. Конечно, Олег мечтал о сыне.

Надвигались сумерки. Юлия зябко поёживалась. Лёгкое шёлковое платьице не спасало от вечерней прохлады. Юлия обнимала живот и ласково шептала разбуянившемуся в животе человеку:

– Потерпи, малыш, всё будет хорошо. Всё у нас с тобой будет ха-ра-шо.

Что теперь делать?.. Куда идти?! Возвратиться она не могла. Раз он вот так отпустил её, значит, действительно не любит. Всё кончено.

Мимо балков, мимо рощицы она брела, как во сне. Когда пришла на вокзал, было уже темно. В плохоньком старом здании с трудом нашлось для неё место на лавочке. Было много народу. Духота давила.

Где-то на самом доньшке души ещё теплилась надежда: а вдруг Олег ищет её?! И вот сейчас в проёме обшарпанной вокзальной двери появится он: высокий, стройный, красивый, растерянный. Придёт и заберёт её с малышом отсюда, из этого кошмара...

Но скоро все надежды растаяли, как утренний туман. Никто их не искал. Никому они были не нужны.

Туалета в здании вокзала не оказалось. И она, ёжась от холода, сходила по нужде с какой-то сердобольной женщиной, согласившейся проводить её.

Юлия просидела всю ночь на вокзале, не сомкнув глаз и дрожа от холода в летнем шёлковом платье. С ней не было ни документов, ни сумочки – ничего.

И тут она поняла, что никогда не простит мужа. Не простит ему этого чудовищного предательства. Того, что он сделал с ней. Она твёрдо решила: жить с ним больше не будет! Заберёт необходимые вещи и уйдёт. Куда глаза глядят.

Едва забрезжил рассвет, Юлия побрела к вагончику – к их дому.

Нет, не было теперь их дома, был его дом, совершенно чужой. И Олег был теперь такой чужой и далёкий.

Юлия вошла тихо. И начала собирать сумку. Настроенная решительно, она была готова ответить на нападки мужа, который наверняка будет обвинять её и орать: где была?.. Почему ушла... шалава... и так далее. А она ему скажет, что отныне он не имеет на неё никаких прав.

Тарабанил во всю включённый телевизор. Олег мирно храпел на кровати. Она собирала вещи.

Вдруг он открыл глаза и увидел её.

«Сейчас я ему всё скажу!» – холодно подумала Юлия.

Он молча встал, подошёл и... заключил её в тёплые объятия. Стоял так и молчал.

– Отпусти, – сказала она ледяным голосом.

– Ук-ку, – промычал он, не расцепляя рук. – Я соскучился!

И стал целовать её горячо и нежно. Юлия отталкивала его, говорила, что всё кончено, что она уходит от него. Он не слушал, а вырваться из его огромных, сильных, как у медведя, рук она не могла.

– Никуда никогда я тебя не отпущу, слышишь, – сказал он, целуя всё горячее и нежнее.

Она равнодушно поддалась его ласкам, а сердце оставалось каменным.

– Не могу я без вас, – шептал Олег.

– Тогда почему же ты не искал меня... нас? – спросила она страдальческим голосом.

– В смысле?! – не понял он.

Отстранившись, он посмотрел ей прямо в лицо, словно впервые увидел.

– В прямом! Почему ты нас не догнал, не искал?.. Мы с малышом целую ночь провели на вокзале...

– Как на вокзале?! Не может этого быть!!! Я думал, ты пошла к моим родителям. Ты же туда направлялась?..

– Нет, мы были на вокзале... всю ночь...

Глаза Юлии, блестящие, словно агаты, до краёв наполнились слезами. И вот они покатались по её лицу. А он стал целовать эти мокрые полоски.

– Прости меня, девочка моя. Я просто осёл... какой же я осёл... Я люблю тебя, – шептал он ей в самое ушко.

И в этот момент, как будто нарочно, телевизор голосом Юрия Антонова запел любимую их с мужем песню.

Я прошу тебя, сумей забыть

Все тревоги дня.

Пусть они уйдут, и, может быть,

Ты поймёшь меня...

«И зачем всё это было? – запоздало думала она, лёжа в объятиях мужа. – Все эти страдания... Было... Было и прошло,

оставив зарубку на сердце. Скандалы, конечно, случались и раньше. Но никогда они ситуацию не доводили до полного абсурда, как на этот раз... И винить некого, кроме самой себя...»

И тут она заметила бабочку с той стороны окна. Бабочка часто-часто махала крылышками, словно хотела прорваться через стекло к ним в комнату. Но потом, видно, передумала. И упорхнула по своим важным делам.

Бабочка была очень красивая. И Юлию вдруг охватило такое ощущение, будто у неё в душе порхают бабочки.

– Прости меня, – сказал Олег, заглядывая в тёмно-синие, как омуты, глаза жены. – Я был не прав.

– Нет, это ты прости меня, – ответила Юлия тихо. – Это я была не права. Я могла бы потихоньку приготовить тебе что-нибудь на ужин...

– Нет, я виноват. Я набросился на тебя, как... ненормальный. Ну я же не зверь какой, я же понимаю, что тебе тяжело...

– Нет-нет, совсем не тяжело... ну, иногда бывает так, что... но всё равно... Я постараюсь быть хорошей женой.

– Это я постараюсь быть тебе хорошим мужем. Чтобы ты была всегда счастливой и никогда не плакала. Он провёл тыльной стороной руки по лицу жены и поцеловал её.

– Я люблю тебя.

– И я. Люблю. Давай никогда не будем ссориться.

– Не будем переходить Рубикон и сжигать мосты?! Согласен.

А голос, волшебный, мягкий, обволакивающий, всё лился с телеэкрана:

Гляжусь в тебя, как в зеркало, до головокружения.

И вижу в нём любовь мою, и думаю о ней.

Давай не видеть мелкого в зеркальном отражении,

Любовь бывает долгою, а жизнь ещё длинней...

8 августа 2016 года.

А жизнь прекрасна

Он – Квазимодо. У него асимметричные черты прыщеватого худого лица. Неровная улыбка прямых полноватых губ, массивный нос слегка набок. И даже глаза цвета простокваши, казалось, существовали отдельно друг от друга из-за всегда вздёрнутой левой брови. Росточка невысокого, щупленький и весь, словно на шарнирах, одни мослы.

Она – красавица. Правильные черты лица. Тонкий прямой нос идеальной длины, тонкие властные губы, тёмно-синие глаза с очень длинными, прямыми, как стрелы, ресницами. И короткие гладкие волосы, зачёсанные на косой пробор. И вся она такая ладненькая, словно фарфоровая кукла.

Такими они стали к своим 15 годам. Впрочем, такими они были всегда. Время никак не отразилось на их внешности, казалось, оно просто увеличило их в размерах, всё остальное оставив без изменений.

Они дружили с детства. Потому что жили на одной улице, учились в одном классе. Потому что у Витьки Васина, в противовес его жёсткой внешности, был потрясающе мягкий характер. И дружить с ним было одно удовольствие. Покладистый, уступчивый, надёжный. Чего не скажешь о его подружке. Елена, именно так она именовала себя всегда, Трубецкая характером вполне соответствовала своей фамилии. Княжеские замашки появились у неё, можно сказать, с пелёнок. Требовательная и настырная. Даже мать, воспитатель детского сада, удивлялась: откуда что взялось?! Отец, местный участковый, умилялся: моя дочка.

Витька носил её портфель, всюду следовал за ней, выполнял все приказы и распоряжения. Она установила такие правила с первых дней знакомства. Он принял условия безоговорочно.

Они вместе делали уроки. Она помогала ему разбираться

с русским языком и литературой – предметы, в которых он не то чтобы ничего не смыслил, а просто у него был очень плохой почерк. «Как курица лапой пишешь!» – говорила ему мать, полная миловидная женщина, одна воспитывающая сына. В посёлке про неё говорили: нагуляла.

А ещё Витька не любил учить правила по русскому и книжки читал не по программе, а интересные для него. Например, «Трёх мушкетёров» прочитал ещё в 3-м классе. А вообще-то он больше читал специализированные книги по физике, в которой был гением, как любил повторять их физик.

Жители небольшого посёлка рабочего типа друг друга хорошо знали. И, конечно, все привыкли видеть неразлучную парочку вместе и относились к этому, как к должному. Вот как речка, разделяющая посёлок пополам, не могла быть в их сознании без моста, так и Елена не могла быть без Витьки. И если её видели одну, то, по-доброму улыбаясь, интересовались:

– А где ты рыцаря-то своего потеряла?

Елена хмурилась и отвечала:

– Не ваше дело!

А всякие попытки насмешек со стороны сверстников она прекращала совсем не по-княжески:

– Закрой варежку!

И присовокушляла...

Впрочем, одноклассники, как и все учащиеся средней школы, знали, что шутить с Еленой Прекрасной (такое вот погоняло было у неё) себе дороже. Да никто и не видел ничего странного в этой дружбе. Тем более что нрава Витя Васин был кроткого, никого не обижал, поступал по справедливости, никогда ни с кем не конфликтовал. А то, что Елена Прекрасная командовала им, так это его личное дело. И только Маша Путилова, полная девочка с веснушками, спросила как-то:

«Витя, почему ты позволяешь так с собой обращаться?..»

Он ничего не ответил, криво улыбнулся и отошёл.

А Елена Прекрасная называла его только по фамилии.

«Васин, – говорила она, – принеси водички».

И Витька мчался со всех ног и приносил «княжне» воду в прозрачном стакане.

Он был для неё не только верным рыцарем и оруженосцем, как Санчо Панса для Дон Кихота, он был для неё и «подружкой», ему она доверяла все свои девичьи секреты. Она знала: Васин никогда никому не расскажет, в отличие от девчонок, он умел хранить чужие тайны.

Первый раз Елена Прекрасная влюбилась в 15 лет. В мальчика из параллельного класса – Митьку Скворцова, высокого накачанного спортивного паренька с чёлкой набекрень и насмешливой улыбкой на холёном лице. На уроках она всё шепталась с Витькой, на переменках прогуливалась перед Митькиным классом, а после уроков рассказывала Витьке, как Митька на неё посмотрел, что сказал. А потом она стала с Митькой встречаться. Но скоро он ей надоел. И уже Митька бегал вокруг да около, только Елена Прекрасная больше не обращала на него внимания.

«Да ну его на фиг!» – сказала она Витьке, и они опять стали ходить после школы вместе.

Но сердце Елены Прекрасной недолго пустовало, она снова влюбилась. И предметом её тайных, а потом и явных воздыханий стал снова юноша атлетического телосложения, спортсмен-перворазрядник, футболист. И ещё один, и следующий...

А когда появился Вовка Михеев, который учился на класс старше, она присмирела. Вовка был вполне себе во вкусе Елены. Длинноногий, узкий в бёдрах и косая сажень в плечах. Тёмно-русая густая шевелюра и тёмно-зелёные, как омуты, глаза.

Сначала они возвращались домой после школы втроём. Михеев с Еленой Прекрасной шли впереди, увлечённо о чём-нибудь беседуя, а Витька плёлся позади, таща на себе два – свой и Елены – портфеля.

Дорога шла мимо жилых домов, огороженных деревянными

ми заборами палисадников, с зелёными насаждениями, цветами, черёмухой, потом перепрыгивала через мост. А дальше троица сворачивала на тропинку, петлявшую по берёзовой роще, и тут нужно было идти почти что гуськом, и Витька совсем отставал.

И как-то незаметно влюблённая парочка начала обходиться без него. У Витьки появилось столько свободного времени, что он не знал, куда его девать. И он пошёл в спортзал. Записался во все секции сразу. Начал играть в волейбол, футбол, увлёкся бегом и прыжками в высоту, да так ловко это у него получалось, что скоро он стал завоёвывать призовые места, и не только на поселковых, но и на районных соревнованиях. Он накачивал себе мышцы штангой. Но самых больших успехов достиг в боксе, со временем почти всех своих противников он стал отправлять в нокаут.

Тело его вытянулось в длину и налилось мышцами, словно спелое яблоко. Витька стал замечать на себе восхищённые взгляды девушек, они даже пытались заигрывать с ним. И только Маша Путилова относилась к переменам, происшедшим с ним, как-то безразлично. Она смотрела, как и раньше, немножко мимо него. А Елена Прекрасная и вовсе, казалось, не замечала этих перемен. И никак не относилась к ним. А вернее, относилась так, как будто это само собой разумеется. Для неё он оставался тем же, кем и был. Васиным. «Васин!» – по-прежнему то и дело помыкала она им. Хотя дружба с Вовкой Михеевым на редкость получилась затяжной.

Пришла последняя в их школьной жизни весна. С журчанием ручейков, со звонкой птичьей трелью, с обалденным цветением черёмухи, с дурманящим запахом!.. Весна совсем вскружила голову Елене Прекрасной, которая стала ещё прекрасней. Её глаза светились, словно подсвеченные яркими вспышками солнца. Этот свет обжигал Витьку, порой он чувствовал себя пожухлой травой в её огненном свете, но и оторваться не мог. А вернее, Елена не отпускала его от себя, даже, может, сама

того не желая. Это была мучительная и восхитительная для него весна.

Но вот всё позади. И весна, и экзамены. Паспорт в кармане. Аттестат зрелости получен. Прощай, родная деревенька! Нет, посёлок. Да какая разница! В город, в город! В Барнаул! Да здравствует новая, полная приключений жизнь!

Витька хотел поступать на физмат, но Елена Прекрасная не на шутку разнылась:

«Васин!.. Куда я без тебя?! Я ж ни одного экзамена не сдам... Ты – мой счастливый талисман!»

И он вслед за ней подал документы в медицинский институт, хотя первоначально Елена Прекрасная хотела поступать на филфак в пединститут, но взяла и резко поменяла «мечту». Разгадка проста: в мед она пошла следом за Михеевым.

Учились. Витька по-прежнему занимался спортом. Елена Прекрасная была неразлучна с Михеевым. Первый курс дался нелегко всем троим.

Летом студенты разъехались. Елена Прекрасная, а вернее, Трубецкая с Михеевым – в одну сторону, Витька – в другую – на краевые соревнования по боксу.

Он выиграл два боя. Оставался финальный поединок, когда его пригласили к телефону.

«Васин, – простонал слабый голос. – Он бросил меня... я умираю».

Витька сорвался с места. И даже не подумал о том, что подводит тренера, команду, вуз, за который выступал. Он не думал, да и не мог думать о последствиях в эту минуту. Он думал о ней. О Елене Прекрасной. Он сходил с ума от одной лишь мысли, что она действительно может умереть. Что её не станет. Тогда умрёт и он.

Это был не единственный случай, когда он нёсся её спасать по первому зову. По одному взмаху прямых ресниц он оказывался возле неё, словно добрый волшебник. Когда Елена ссорилась с Михеевым и начинала хандрить, она вызывала к себе

своего верного рыцаря. И он был рядом до тех пор, пока у неё всё не налаживалось.

На этот раз в тоне Елены послышалось такое отчаяние, которое не оставляет никаких иллюзий... И он помчался к ней на всех парах.

Елена жила на Черёмушках, в квартире своей родственницы, которая уехала в длительную командировку на Север. Витька на правах друга и вечной няньки имел свои ключи. Он тихонько открыл дверь и прямо в обуви быстро прошёл в зал.

Елена лежала на диване, тупо уставившись в потолок. В руке у неё была почти пустая бутылка вина.

– А, Васин. Привет, – сказала она тусклым голосом, как будто не ожидала увидеть его здесь, как будто и не позвала сама.

Она отхлебнула из бутылки и посмотрела не на Витьку, а как бы сквозь него. Глаза её лихорадочно блестели, волосы были всклокочены, губы перекосились в пьяной усмешке... Но даже в этом состоянии она была прекрасна.

– Васин! Он меня бросил!..

– Вы не в первый раз уже ссоритесь, помиритесь, – сказал он мягко и забрал у неё бутылку.

– Ты не понимаешь!.. Это навсегда! Он гуляет с этой лахундой Нинкой с фармфака!.. Я не хочу больше жить.

Увидев лезвие на столе, он понял, что она собиралась вскрыть себе вены.

– Я не смогла... – прошептала Елена горько и завывала в голос.

Волна жалости захлестнула его, он обнял её, осторожно прижал к себе. Она плакала, уткнувшись ему в плечо.

Неделю он ходил за ней, словно за ребёнком, вытаскивая из пропасти, пока наконец не почувствовал, что опасность миновала. Елена Прекрасная вернулась в нормальное состояние. Вот только глаза блестели такой страдальческой синью, что Витьке было больно смотреть.

«Ва-си-ин! Как жить?..» – повторяла она каждый раз при встрече с ним.

И он решился.

Это был необычный день – день рождения Елены. Витька купил огромный букет её любимых чайных роз и отправился к ней.

На пороге застыл от неожиданности. У Елены были гости: человек десять однокурсников.

– А, Васин. Проходи, – сказала Елена Прекрасная и улыбнулась своей печальной улыбкой.

Все гости воззрились на него. Он несколько секунд молча стоял на одном месте, словно пригвождённый.

«Ну и пусть!» – сказал он себе и решительно шагнул к Елене.

Отдал ей букет, поцеловал в щёку и, картинно встав на колени, протянул ей коробочку.

Все замерли.

– Что это? – спросила с улыбкой ошеломлённая Елена.

– Выходи за меня! – сказал Витька.

– О-о-о-о! – пронеслось восхищённое по комнате.

– Неслабо, – сказал худой и длинный, как фитиль, Олег Сизов.

Елена Прекрасная сдвинула бровки домиком в недоумении, до неё, кажется, не доходил смысл происходящего.

– Ты с ума, что ли, спятил, Васин?

Он встал с колен и, глядя ей в глаза, признался:

– Лена, я люблю тебя. Я любил тебя всегда, с самого детства. Разве ты не видела?.. Для тебя я пошёл в спортзал. Ради тебя поступил в институт. Всё, что я делаю в своей жизни, всё это для тебя и ради тебя!..

По мере того как он произносил свою речь, недоумение на лице Елены Прекрасной усиливалось. Брови уползли наверх, а глаза стали круглыми.

– Выходи за меня замуж. Я сделаю тебя самой счастливой женщиной на свете!.. – закончил Витька.

– Ты?! Ой, Васин, не смеди мои подковы!.. – И она засмеялась так заливисто и счастливо, словно бы прорвало плотину её печали.

Печальная песнь песчаной эфы

Олег замер на месте. В трёх метрах от него находилась... змея! Он заметил её не сразу, она почти сливалась с песком. Приподняв голову, гадюка настороженно наблюдала за ним. Он не сводил с неё глаз.

За эти мгновения, показавшиеся ему вечностью, он успел рассмотреть рептилию. И узнал её. Это была красивая, песчаная эфа. Её туловище светло-жёлтого цвета с золотистым оттенком украшали светлые пятнышки и бурые точки, сливающиеся в полосы. От хвоста до головы тянулся тёмный зигзагообразный узор, на боку – светлая ломаная линия, на голове – рисунок в виде крестика.

– Привет, – промолвил наконец еле слышно Олег.

– Привет... – будто что-то пронурнало, может, ветер?..

Подивился Олег и, помолчав немного, обратился к эфе мягко:

– Не бойся! Я не сделаю тебе ничего плохого. Не обижу! Давай расстанемся мирно, по-хорошему, и каждый пойдёт своей дорогой. Хорошо?

– Хорошо... – прошелестело в ответ.

В следующую секунду эфа двинулась бочком, смешно выбрасывая сначала голову, а следом – туловище.

Занурнало, зашелестело...

«Послышалось», – подумал Олег, облегчённо вздыхая и вытирая пот со лба.

Он знал, какой опасной была встреча. При всей своей внешней привлекательности и неординарности эфа, представитель семейства гадюк, считается одной из самых ядовитых змей в мире. Её укусы смертельны.

– Ты что стоишь как истукан?

Громкий голос товарища по экспедиции заставил Олега вздрогнуть.

– Погоди, не шуми, Артём, – сказал он миролюбиво, – тут такое дело...

– Что? Ну что опять?.. Да говори уже, не томи! – затараторил приятель.

– Да я вот тут пообщался кое с кем, – ответил Олег, задумчиво глядя на убегающую вдаль песчаную насыпь.

– Ну и с кем же? – насмешливо спросил Артём.

Проследив за взглядом Олега, он ничего не заметил. И с раздражением усмехнулся: мол, что за фантазии? Что опять придумал? Разыгрывает, наверное.

Внешне они сильно отличались друг от друга. Артём, коренастый, с глазами-пуговками, с ёжиком на голове, Олег – худой и длинный как фитиль, с пронзительными синими глазами. А вот в остальном они были, что близнецы-братья. Их связывала обычная студенческая дружба. Энергия была из них ключом, заводилы на курсе, они постоянно соревновались в остроумии, хохмили, разыгрывали однокурсников, порой жестоко. Знакомились с девушками. Были в меру циничны и к жизни относились беззаботно.

Взглянув ещё раз в том направлении, куда устремил свой взор Олег, Артём рассмотрел на сыпучей песчаной поверхности косые полосы.

– След эфы! – присвистнул он.

Перед тем как отправится в летнюю экспедицию в Среднюю Азию, студенты исторического факультета Московского университета прошли специальный курс подготовки, на котором рассказывали в том числе и о подстерегающих на просторах Ферганской долины, где им предстояло вести раскопки, опасностях. И песчаная эфа была одной из главных среди прочих.

– Что ж ты её упустил! – в сердцах воскликнул Артём.

– О чём ты? – не понял Олег.

– Всё о том же!

Артём пошёл по следам эфы, внимательно вглядываясь далеко впереди себя.

– Стой! – окликнул его Олег. – Остановись, говорю тебе!

Он догнал товарища.

– Ну чего тебе? – рассеянно спросил Артём, не оборачиваясь.

– Зачем преследуешь эфу?

– Её надо выследить и уничтожить.

– Как ты это сделаешь? Голыми руками? – иронично сказал Олег.

– И верно, – согласился Артём.

Они повернули в обратную сторону.

– Ты знаешь, что эфа сама на людей не кидается, – напомнил Олег приятелю. – Нападает она только в том случае, когда человек спровоцирует её.

– Вот-вот!.. А если кто-то из нас нечаянно на неё наступит? Или просто в двух шагах пройдёт мимо, а ей покажется, что на неё покушаются... И тогда всё! Заказывайте музыку. Почти мгновенная смерть!

– Ну не такая уж и мгновенная, – возразил Олег. – Только через несколько часов. А тебя вообще никакой яд не возьмёт! А если серьёзно, не надо рот разевать, просто смотреть под ноги внимательно, и всё.

– Нет, ну ты понимаешь, какой это риск?..

– Но искать её специально, чтобы убить... По-моему, это уж слишком. Не гуманно как-то, – усмехнулся Олег.

– Гуманист нашёлся, – сплюнул Артём косо.

С тех пор как в долине появились люди, песчаная эфа находилась в постоянном напряжении. Жила она себе и жила в этой долине спокойно и размеренно много лет. И её родители, и прародители жили здесь. А вот прапрабабушка... Её, когда та была маленькой, привёз сюда из Северной Африки змеелов. Этим фактом весь их род гордился.

В отличие от большинства других змей, эфа много двигалась, всю долину исползала вдоль и поперёк. И не только днём, иногда и ночью – когда её собратья предпочитали спать, она охотилась за насекомыми – любимое лакомство. Мелких грызунов эфа не любила. И не любила общения. Была гордая, независимая и предпочитала одиночество, которое её нисколько не тяготило, скорее, наоборот. Свобода была ей дороже всего.

А вот к ней за советом обращались. Несмотря на её молодость, обитатели животного мира в долине относились к эфе с почтением. Уважали за мудрость, храбрость и справедливость. Хотя, по правде сказать, ничего особенного она ещё не совершила, так, по мелочам: пару раз приструнила гюрзу да помогла выбраться из лап лисы зайцу...

Почтительное отношение передалось песчаной эфе по наследству. Ещё прапрабабушка, прибывшая сюда из Африки, установила здесь свои порядки. И эта пальмовая ветвь переходила из поколения в поколение. Эфу побаивались. Знали её крутой нрав. Если что не по ней, может расправиться с обидчиком запросто и яд в ход пустить... Но до такого пока не доходило, зарвавшиеся животные вовремя останавливались.

Ходили слухи, что однажды эфа укусила человека. Об этом тихо шепталось зверье. Случаев таких здесь было немного, змеи избегали двуногих. И эфа в глазах собратьев поднялась ещё выше.

Теперь, когда в долине появились люди, натянули брезентовые мешки, куда прятались на ночь, и стали перекапывать долину лопатами, эфа не находила себе места. Во-первых, боялась за своё будущее потомство, о котором пока лишь мечталось. Во-вторых, люди ограничивали её свободу. Эта долина принадлежала ей.

Как поведут себя люди?.. Приходилось всё время быть на чеку. Сегодня произошла первая встреча с человеком. Он не сделал ей ничего плохого. И она отпустила его с миром. Более того, эфа поймала себя на мысли, что парень с такими удивительными глазами, похожими на небо, ей симпатичен.

Заступив на пост рано утром, с рассвета зарывшись в песок между двух зелёных ветвистых кустов, эфа вела наблюдение за десятком людей, копошившихся в земле. «И чего они там ищут?» – думала она, глядя на мелькавшие лопаты.

Эфа заметила, что все люди были молодые и весёлые. Утром они разделлись по пояс, а к обеду накинули на себя рубашки с рукавами, защищаясь от нещадно палящего солнца. На головах у многих были пилотки из газет, а некоторые обматывали голову полотенцами.

Эфа обратила внимание, что среди студентов-археологов (она много чего поняла из их разговоров, и такое понятие, как «археология», впервые услышанное ею, усвоила) было две девушки: маленькая темноволосая пышная хохотушка, которую называли Лолой, и высокая стройная блондинка по имени Вероника. Парни галантно ухаживали за ними, старались друг перед другом завоевать их расположение.

Молодые люди смеялись непонятым эфе шуткам и казались совсем не опасными. Иногда они выкапывали странные предметы и осторожно укладывали их в специальный ящик. И выглядели при этом очень довольными.

Эфа недоумевала: зачем они собирают всякую ерунду?

За то время, что наблюдала за людьми, эфа привыкла к ним, и они даже понравились ей. Особенно тот паренёк, с которым повстречались в долине. Эфа слышала, как его называли приятели, и повторяла теперь это имя: Олег.

Она с удовольствием смотрела на происходящее в нескольких метрах. Её внимание больше всего привлекал Олег. Чаще всего её взгляд был прикован именно к нему. Он очень красивый! И добрый.

Эфа ужасно злилась, когда Олег оказывал знаки внимания Веронике. Даже зашипела от ярости. И выдала себя!

Артём схватил лопату и с криком:

– Змея! Бей её! – бросился к эфе.

Олег моментально подскочил и преградил ему дорогу. И не дал обойти себя, схватив за руку, в которой была лопата.

– Не делай этого, Артём, – сказал тихо Олег, глядя в налившися от злости кровью глаза за приятеля.

Подскочили другие ребята, пока разобрались, в чём дело, эфа уже была далеко.

– Ты опять всё испортил, – процедил сквозь зубы Артём. – Да что с тобой вообще происходит-то? Что на тебя опять нашло?!

Он не узнавал сокурсника, да Олег и сам не узнавал себя. Если бы ещё месяц назад кто-нибудь сказал ему, что он с лопатой в руках будет защищать змею, он плюнул бы ему в лицо.

Вероника поддержала Олега.

– Эфа ничего плохого нам не сделала, – сказала она тихо и посмотрела на Артёма сквозь пушистые ресницы.

Эфа не приближалась к лагерю несколько дней. Наблюдала за раскопками издали. Потом подползла поближе. И очень обеспокоилась, когда не обнаружила в яме Олега.

Свой пост она не покинула до самого глубокого вечера. Вот уже и студенты скрылись в палатках, она всё лежала не шевелясь.

И только когда на небе высыпали звёзды, она сдвинулась с места.

Олег проснулся от непонятного шума. Прислушался.

В углу палатки шуршало.

Он открыл глаза. И прямо напротив себя увидел... песчаную эфу.

Она, не мигая, смотрела ему в глаза завораживающим взглядом.

Страх не было. Олег подумал, что это галлюцинация

из-за температуры. Ну не заползла же эфа в его палатку, в самом деле?!

Накануне Олег почувствовал себя плохо, у него поднялась высокая температура. Он весь день отлёживался. Спасибо Веронике – вечером она дала ему таблетку аспирина и напоила чаем с малиной. Он думал, что дело идёт на поправку, а тут галлюцинации – эфа!

Олег дёрнул рукой, отмахиваясь от непрошеной гостьи, как от наваждения.

От неожиданного взмаха эфа вскинулась, издав угрожающее короткое шипение.

Олег тоже подскочил, стряхнув остатки сна.

Так, замерев, они напряжённо вглядывались друг в друга. Наконец эфа, почувяв, что ей ничто не угрожает, расслабилась. Отлегло от сердца и у Олега. Он понял, что змея его не тронет.

– Привет, – сказал он и услышал ответное приветствие.

И подумал, не сходит ли с ума. Разговаривает со змеей...

Эфа уложила голову на хвост и грустно посмотрела на Олега.

– Не переживай, – обратился Олег к эфе, – всё хорошо. Сегодня встану на ноги. А ты иди! Иди домой! Нельзя, чтобы тебя здесь увидели. Испугаются. Ещё обидеть могут.

Эфа послушно бочком двинулась к выходу. Оглянулась. И нырнула под полог.

На следующий день Олег уже был на месте и участвовал в раскопках, чем порадовал затаившуюся эфу.

И тут до неё долетели обрывки фраз: «совсем немного осталось... надо поспешить... должны всё закончить... обязаны... послезавтра придёт машина...»

«Уезжают!» – поняла эфа и очень расстроилась.

Казалось бы, она должна радоваться тому, что люди уходят из её долины, но... Разволновалась, вскинула голову, заелозила в кустах, да так, что чуть было снова не выдала себя. Печально ползала она вблизи раскученной земли, когда студенты отправились на ночлег.

Олег проснулся среди ночи, почувствовав присутствие эфы. Он пробежался взглядом по всей палатке, но не сразу увидел её. Он обнаружил змею... у себя в ногах. Вздрогнул, но быстро справился с собой.

Эфа печально смотрела на него немигающим взглядом.

– Привет, – поздоровался Олег, глядя на неё с нежностью, как на старую добрую знакомую. – Ты опять пришла ко мне в гости. Я рад. Ты хорошая, – сказал он, подтягивая колени к подбородку.

Эфа встрепенулась и радостно зашуршала.

«Прямо как кошечка», – подумал Олег, а вслух сказал:

– Мы завтра уедем. Живи спокойно.

Эфа вновь встрепенулась, зашуршала, зашипела.

И шуршание это вместе с шипением было похоже на пение, в котором слышалась печаль.

– Не грусти, – обратился он снова к эфе. – Всё будет хорошо. Через год мы снова приедем сюда на раскопки. Тогда и увидимся. Но ты лучше не попадайся людям на глаза, хорошо? Они ведь не знают, какая ты... Не знают, что умная. Что не можешь обидеть человека просто так...

Снаружи послышались голоса, кто-то подходил к палатке.

– Прячься, – сказал Олег эфе.

Эфа скользнула за рюкзак. Человек и змея замерли, прислушиваясь. Вот голоса приблизились. И... стали отдаляться. Олег с облегчением выдохнул.

– Иди к себе, – ласково сказал он змее.

Эфа двинулась к выходу. Перед тем как выскользнуть наружу, она обернулась.

– Прощай, эфа, – сказал тихо Олег.

– Прощай, – шипящим эхом откликнулась змея.

– Может, свидимся когда, – добавил он.

Эфа кивнула и покинула палатку.

Студенты отметили окончание раскопок весело. Немного

выпили, разожгли костёр неподалёку от лагеря и до утра пели песни под гитару.

С рассветом прибыл автофургон. Свернув пожитки, они быстро погрузили всё. Затем с шутками-прибауткам расселись в машине сами.

Олег тоже подхватил рюкзак, собранный накануне, но немного замешкался. Он пристально вглядывался вдаль, осматривая песчаное пространство кустик за кустиком. Но эфы нигде не было.

– Прощай, песчаная эфа, – сказал он и улыбнулся светлой грустной улыбкой.

– Не по своей ли змеюке грустишь? – с иронией спросил Артём.

Все весело засмеялись. Начали беззлобно подшучивать. Что, мол, вот потеряли друга, нашёл себе невесту-змеицу в долине... и всё в таком же духе.

– Да ну вас, – отмахнулся Олег. – Мели, Емеля, твоя неделя...

Поскольку Олег не обращал никакого внимания на подколки товарищей, вскоре они притихли. Ухабистая дорога, заунывная песнь мотора плюс ночь без сна сделали своё дело, многих сморило. И только Олег заснуть не мог. Он смотрел на проплывающий мимо пейзаж Ферганской долины. И думал о том, что там, в этих кустах, за этими холмами, в расщелинах гор, дымившихся вдалеке, обитают представители животного мира. У них течёт бурная жизнь, со своими законами, радостями и горестями. Черепахи, суслики, ежи... и песчаная эфа. Они, как и люди, умеют радоваться и печалиться. И он впервые за двадцать с лишком лет ясно представил себе этот мир. Мир, в котором обитают с нами по соседству братья наши меньшие. И эта расхожая фраза вдруг стала понятна Олегу.

Вероника тоже смотрела вдаль, думая о чём-то своём. Во время экспедиции она, кажется, по-настоящему влюбилась. В Олега. Он сидел сейчас рядом с ней и в то же время был очень далеко от неё. Несмотря на это, она знала, чувствовала,

что нравится Олегу. Он ухаживал за ней наряду со всеми парнями, но именно между ней и Олегом пробежала искра. Они не афишировали своей взаимной симпатии, особые друг к другу отношения. Это была их тайна.

Зоя Александровна к возвращению сына из экспедиции испекла пирог с сёмгой, который он очень любил. Вообще она не часто баловала домочадцев пирогами. Учитель истории, общественный деятель, она редко бывала дома, как и её супруг, хирург от Бога, Иван Ефремович Курилов, пропадавший в своей больнице днём и ночью. Так что Олег рос парнем самостоятельным и независимым.

– Олежек! – Зоя Александровна обняла сына, затем отодвинулась, оглядывая его со всех сторон. – Загорел, возмужал! Похудел... Ну как там в долине?.. Пойдём, я пирог твой любимый испекла. – Всё это она говорила без пауз, не дожидаясь ответа на свои вопросы.

Усадила сына за стол. Прилетел попугай, единственный представитель фауны, которого родители разрешили сыну держать в доме. Попугай сел Олегу на плечо и сказал:

– Урра! Олег приехал!.. – и добавил: – Кеша хорроший! Кеша хорроший!

– Хороший, хороший! – Олег погладил Кешу по яркому оперению.

Зоя Александровна налила чаю, поставила пирог.

– Ты ешь, сынок, – сказала она. – А мне на собрание надо бежать. Встретимся вечером, тогда и поговорим.

Она убежала. Олег с удовольствием умял пирог, запивая горячим цейлонским чаем. Пообщался со своим питомцем. И пошёл к себе в комнату, прихватив тяжёлый рюкзак, который решил разобрать сразу, не откладывая в долгий ящик. Но тут перед его мысленным взором встали прекрасные зелёные глаза Вероники, и он решил сначала позвонить ей.

– Привет, – сказал он в трубку.

– Привет! – услышал в ответ Вероникин голос, который не спутал бы ни с каким другим на свете.

– Как ты? – задал риторический вопрос, ведь они расстались всего какой-то час назад.

– Нормально. А ты... как?

– Всё хорошо. Я соскучился, – признался он.

– Мы ведь только что были рядом, – рассмеялась она счастливым смехом.

– Всё равно. Я теперь буду скучать по тебе каждую минуту, – признался он.

На том конце провода помолчали. Потом с очень серьёзной интонацией прозвучало:

– Я тоже, – и Вероника повесила трубку.

Олег с мечтательной улыбкой прилёг на запровленную кровать. И только через несколько минут вспомнил, что надо разобрать вещи.

Он раскрыл рюкзак и остолбенел. Из брезентового нутра робко выглядывала голова песчаной эфы.

У Олега подкосились ноги, он буквально сел там, где стоял, хорошо, что рядом оказалось кресло.

Несколько минут Олег и эфа настороженно смотрели друг на друга. Первым опомнился Олег.

– Что же мы теперь будем делать, эфа? – прошептал, думая при этом: «Что же ты наделала, глупенькая змейка?!»

Он чувствовал, как эфа напряжена, и это не могло его не пугать.

Эфа немного расслабилась, виновато опустила голову.

– Ладно-ладно, – примиряюще сказал он, – что-нибудь придумаем. Вылезай.

Эфа с опаской выползла из рюкзака, огляделась и юркнула под кровать.

«Чем же я буду тебя кормить?» – подумал Олег.

И отправился в зоологический магазин. Купил змейке всё, что там ему предложили.

Эфа съела, он налил ей воды и молока – не отказалась.

Так они и зажили. Олег ходил на занятия, а Эфа ждала его дома. Кешу он в свою комнату не запускаял, тот находился в клетке в зале, вылетал оттуда только по вечерам, когда все собирались дома. А родители давно уже привыкли не заходить в комнату сына без него.

Олег возвращался из института, кормил эфу, которая поразительно быстро освоилась в новых условиях обитания, рассказывал ей все свои студенческие новости. Она внимательно слушала, свернувшись в кресле клубком. Поведал он и о своих чувствах к Веронике, но эфа проявила беспокойство, и он не стал больше посвящать ядовитую подругу в свои любовные дела.

Спала эфа под кроватью, но иногда забиралась в постель к Олегу, любила засыпать у него в ногах.

Зоя Александровна обнаружила эфу через несколько дней. Как-то вечером она вошла в комнату сына и от неожиданности завизжала что было мочи:

– Змея-аа?!.. Змеяя-а-а-змеяя-а!!! – пронзительно кричала она срывающимся голосом, прижавшись к стене, не в силах сдвинуться с места.

– Всё в порядке, мама, успокойся, – уговаривал её Олег. – Это песчаная эфа, она не причинит тебе зла. Ты только веди себя спокойно.

Прошло некоторое время, пока мать смогла рассуждать более-менее разумно.

– Откуда она здесь, – потребовала она объяснений. – Может, ты объяснишь, в чём дело?!

– Я привёз её из Ферганской долины...

– Ужас какой! – воскликнула Зоя Александровна тихо. – Просто невероятно! Зачем?! Она ведь очень ядовитая, её укус смертельный...

– Мама, она ничего плохого не сделает. Эфа очень умная. Ты, главное, не обижай её, не делай лишних движений, чтобы она не подумала, что ты собираешься на неё напасть.

Мама внимательно рассматривала змею из-за плеча сына.

– А она красивая, – сказала наконец и через силу улыбнулась. Олег увидел, как спало напряжение с эфы. – Пойдём сынок, – позвала мать, – поговорим на кухне, – и выскользнула в дверь. Олег последовал за ней.

– Олег, нам надо что-то с этим делать. Хотя ты и говоришь, что она не может причинить никому вреда, но ты должен понимать, поведение животных непредсказуемо. Откуда ты знаешь, ведь может случиться так, что в один прекрасный день что-нибудь выведет её из себя... И тогда произойдёт непоправимое. Потом будешь локти кусать всю жизнь.

Мать предложила купить специальную клетку и держать змею там. Олегу ничего не оставалось, как согласиться.

Эфа не стала противиться новшеству, постепенно она обжила свой новый домик. Ведь по вечерам и ночью она могла свободно передвигаться по комнате и общаться с Олегом.

Эфа с обожанием, подолгу, не отрываясь смотрела, как Олег сидит за книжками. И очень скучала, когда его не было дома.

Олег продолжал встречаться с Вероникой, он много и часто рассказывал ей о своей питомице.

– Ты можешь смеяться, но я понимаю её, мы с ней разговариваем, – признался он как-то, заглядывая в глаза девушке.

Вероника и не думала смеяться. Она любила его и верила ему. Но постоянные разговоры об эфе вызвали у девушки неожиданную ревность к змее. Однажды она в шутку сказала, что он эфу любит больше, чем её.

– Не выдумывай, – не согласился Олег и обнял Веронику. – Если бы я был змеем, то да, тогда, конечно, – весело добавил он и рассмеялся.

Родители Олега подружились с эфой, правда, общались с ней, только когда она была в клетке. Эфа тоже привыкла к ним и вела себя совершенно спокойно, когда они входили в комнату. Родители даже разговаривали с ней миролюбиво, змея отвечала. Но они не понимали её, слышали лишь шипение, вполне миролюбивое.

Забавные отношения сложились у эфы с Кешей. Он, конеч-

но же, однажды проник в комнату к Олегу. Очень удивился присутствию змеи. Сначала возмутился. А потом они подружились, хотя и часто спорили. Ссоры исходили от Кешы, который очень любил себя, а эфа над ним подтрунивала.

Как-то вечером Олег пригласил Веронику к себе. Родителей не было дома, и влюблённые хотели провести этот вечер наедине.

И вдруг раздался звонок. Вероника от неожиданности вздрогнула. Олег открыл дверь. На пороге стоял Артём и ещё два приятеля-однокурсника, с которыми они вчетвером частенько прогуливали лекции, находя себе более интересные занятия. И девчонки – Лола и Маша.

– Ага! – заорал Артём. – Прячетесь! От всех! – и, оттеснив Олега, бесцеремонно прошёл в прихожую. Приятели последовали за ним.

– Слушайте, ну вы тихушники! – Лола обняла Веронику.

– Да ещё какие! – подхватила Маша.

– Да уж! – встрял Артём. – Мы вообще друга потеряли.

Честная компания по привычке ввалилась к Олегу в комнату. Олег был бледен как полотно. Но не препятствовал вторжению. Не останавливать же силой.

Гости увидели эфу почти сразу. Девчонки взвизгнули и слегка попятились, спрятавшись за спины парней. Повисла пауза.

– Это эфа, – постарался как можно спокойнее сказать Олег. – Не бойтесь, она в клетке. И не сможет причинить вам вреда.

– Та самая? – хмыкнул Артём.

– Она, – подтвердил Олег.

– А как она сюда попала? – удивлённо вскинула бровки Лола.

– Обыкновенно. Забралась в рюкзак и вот так вот оказалась здесь.

– А ты не боишься, что она кого-нибудь тыпнет? – зловеще произнёс Артём.

– Да ладно, – осмелели парни, – смотри, какая она смирененькая.

– А мы к вам не с пустыми руками, – сказал низкорослый Федя и достал из внутреннего кармана куртки бутылку красного вина.

И ещё откуда-то, словно фокусник наколдовал, появилась пара бутылок.

– За тобой, Олежа, закусон.

– Сейчас что-нибудь найдём, – смутился Олег и позвал Веронику на кухню.

Оттуда притащили бутерброды с колбасой и сыром, огурчики маринованные и свежие, помидоры, порезанные на кружки.

Выпивали, смеялись. Артём приблизился к клетке и стал поддразнивать эфу.

Эфа начала волноваться.

– Не дразни, – строго сказал Олег.

– Да ладно, подумаешь... Опять змеюку защищаешь! А ты изменился, дружок, с тех пор как её повстречал. Тусовок избегаешь...

– Да просто некогда тусить, за учёбу вон взялся, хвосты исправил, – смутился Олег. – Кстати, и тебе не мешало бы их подтянуть.

– Обойдусь как-нибудь без твоих советов! А ты друзей на змею променял! – зло прокричал Артём прямо в глаза другу. Все замерли, словно перед грозой, поняв, что шутки кончились. Девчонки с испугом смотрели на Артёма и Олега, которые стояли друг против друга на взводе. Ещё секунда, и начнут махать кулаками.

– Нет, ну правда, из-за какой-то змеюки друзей забросить, – ухмыльнулся Артём, переходя на шутливый тон. Он повернулся к змее и обозвал её непристойно. Эфа зашипела и приподнялась.

– Отойди, – сказал Олег тихо, но весомо.

– Да ладно. Я что? Я ничего. Смотри только ты не пожалей.

Обстановка немного разрядилась. Молодёжь расслабилась.

Весело защебетали подвыпившие девчонки. Включили музыку. Стали танцевать. И никто не заметил, как Артём вновь оказался возле взволнованной от музыки змеи и стал дразнить её.

Эфа в ярости заметалась по небольшому пространству, сковывающему её движения. Она готова была разнести клетку.

Олег и Вероника танцевали в дальнем углу. Заметив неладное, они, не сговариваясь, бросились к клетке. В то же мгновение эфа ударила хвостом с такой силой, что дверца распахнулась...

Змея кинулась на обидчика. Время словно бы замедлилось... Артём, не раздумывая, спрятался за Олега. Эфа уже летела и ничего поделать не могла. И тут в последний момент Олега закрыла собой Вероника, и весь яд, предназначавшийся Артёму, достался ей.

Молодёжь с визгом бросилась из комнаты вон.

Олег подхватил Веронику, потерявшую от боли сознание, и на руках вынес её в зал, следом за ребятами. Девчонки стали звонить в скорую помощь. Олег припал к плечу Вероники – к месту укуса и стал высасывать из ранки яд, сплёвывая его прямо на пол.

– А я говори-ил!!! Предупрежда-ал!! – орал Артём, оправившись от шока. – Убить гадюку! И дело с концом.

На него зашикали.

– Да ну вас! – махнул он рукой и ушёл.

На удивление скорая прибыла очень быстро. Санитары положили Веронику на носилки. Она открыла глаза и, обведя вокруг мутным взором, снова впала в небытие.

Олег поехал с Вероникой. Он ни на минуту не отходил от неё, держа её за руку.

Они прибыли в больницу. Олег направился за носилками, но врач не пустил его в смотровую комнату. Олег остался дожидаться результатов в коридоре.

Через несколько минут дежурные сестрички на каталке повезли Веронику в реанимацию. Врач следовал за ними, от пар-

ня он отмахнулся, как от назойливой мухи, – не до тебя, друг.

Всю ночь Олег провёл в больнице. И только под утро к нему вышел врач.

– Кто она вам? – обратился он к Олегу.

– Невеста, – слегка замаявшись, ответил он. – Доктор, как она? – спросил в нетерпении.

– Жить будет, – устало сказал врач. Олег с облегчением вздохнул.

– Скажи лучше, как тебя угораздило змею домой приволочь?! – панибратски продолжил врач. – Это хорошо, вовремя всё сделали. И вы, там, на месте, и скорая... А то не видать бы невесте жениха...

Ещё в приёмном покое Олег в общих чертах, сбиваясь и путаясь, рассказал о происшествии, так что доктор был в курсе.

– А мне можно к Веронике? – попросил он.

– Только когда в палату переведём. Пока она в реанимации, за ней медсестра присматривать будет. Ты иди лучше, поспи. Да и с гадюкой своей разберись.

Олег не знал, как вести себя с эфой. Получается, подтвердились слова матери о том, что животным, особенно змеям, доверять нельзя. Они, как незаряженное ружьё: когда-нибудь да выстрелят. С ними надо быть осторожными. И, наверное, это плохая затея: приютить у себя гадюку. С этим надо что-то делать. Ситуацию надо как-то исправлять.

Хотя Олег и понимал, что агрессивное поведение эфы спровоцировал Артём, но не мог оставить её без внимания, не имел права пускать всё на самотёк. Он решительно, хотя и с опаской открыл дверь в свою комнату. Но картина, которую он увидел, сразила его наповал и перепутала весь логический ход его размышлений.

Эфа находилась в своём домике. Положив печальную голову себе на хвост, она безжизненно смотрела в одну точку.

При его появлении эфа оживилась, вскинулась, но тут же виновато опустила голову.

– Что же ты наделала, глупенькая? – грустно сказал Олег, подходя к эфе.

– Я не хотела, – сказала эфа, – так получилось.

Олег уже не удивлялся тому, что понимал язык змеи. Ведь он разговаривал с ней постоянно.

– Прости, – попросила эфа.

Олег был растерян. Он не знал: что ему дальше делать.

– Попроси у Вероники прощение за меня, – сказала эфа, глядя в сторону. – Она хорошая.

Вероника пришла в себя. Она лежала в отдельной палате.

Когда вошёл Олег, она слабо улыбнулась уголками губ, глаза её потеплели.

– Прости, любимая, – сказал Олег.

– За что? – слабым голосом спросила она.

– За всё. За эфу...

– Не вини её, – мягко прервала Вероника, положив на его руку слабенькую ладонь. – Она всего лишь животное, доведённое до отчаяния.

Олег был благодарен Веронике за понимание и доброту. Он впервые посмотрел на неё другими глазами. Он просидел возле постели девушки почти весь день, пока доктор не прогнал его. Пришёл и на второй день, и на третий...

Вероника оживала, с каждым днём ей становилось лучше. Чувства их крепили день ото дня.

Олег много думал об эфе и о том, что произошло. И понял, что ему надо пойти учиться в медицинский институт на ветеринарный факультет. Ему хотелось помогать животным, стать им другом. Между тем он продолжал ходить на занятия – просто решил окончить этот вуз, осталось-то совсем немного. А потом уже поступить туда, куда задумал. И в этом его никто не смог бы переубедить.

Но сначала Олег хотел сделать ещё один очень важный шаг в своей жизни, который хорошенько обдумал. Он понял, что любит Веронику. И что это глубокое, непреходящее чувство. На всю жизнь.

Он пришёл к ней в палату с огромным букетом чайных роз. Она удивлённо вскинула брови.

– Вероника, – начал Олег, ненадолго замолчал, глядя в её огромные на похудевшем лице глаза, перебрал в уме фразы, означавшие одно и то же предложение, наконец выпалил: – Я люблю тебя, выходи за меня замуж.

И посмотрел на неё растерянно.

Её глаза светились ответным теплом.

– Ты согласна? – обрадовался он.

От счастья не в силах сказать ни слова, она кивнула и обняла его. Они слились в нежном поцелуе.

– Да, совсем забыл, это тебе! – Олег протянул Веронике коробочку.

Она открыла. Там лежало золотое колечко. Он сам надел ей его на палец.

– Всё, – сказал Олег, – теперь ты моя невеста, мы с тобой обручены... обречены на вечную совместную жизнь.

Когда Вероника вышла из больницы, Олег официально попросил её руки у её родителей. И началась подготовка к свадьбе.

И всё было бы прекрасно, но тут затосковала эфа. Она знала о том, что Олег женится. Казалось даже, что относится к этому с пониманием. Хотя Олег не выставлял своих чувств напоказ перед эфой, она видела, что он счастлив. Но этого счастья разделить вместе с ним не могла.

Незадолго до дня бракосочетания эфа начала волноваться. Просто места себе не находила.

Олег был не на шутку встревожен.

Озарение пришло как-то вдруг.

– Я понял, – сказал он, глядя в её грустные жёлтые глаза. – Ты не можешь жить в неволе. У нас с тобой нет будущего.

После этих слов эфа успокоилась, но грусть не покидала её, наоборот, становилась всё гуще и насыщенней, пока обоим не накрыла с головой. Они понимали, что больше так продолжаться не может. Надо что-то предпринять.

– Может, нам лучше с тобой расстаться, – после долгих раздумий предложил Олег.

Эфа качнулась, зашуршала, будто запела. И песнь её была печальной.

Олег отпросился в деканате на несколько дней. Купил билет на самолёт до Ферганы.

Вероника пришла попрощаться с эфой. Эфа вела себя дружелюбно.

– Береги его, – сказала эфа на прощание, – он тебя любит! И прости меня. Я не хотела тебя кусать. Это получилось случайно, – добавила она и посмотрела на девушку пронзительным виноватым взглядом.

Вероника не понимала, что говорила эфа, но чувствовала её расположение к себе.

– Она просит у тебя прощения, – перевёл Олег.

– Всё хорошо, – обратилась Вероника к эфе. – Я не держу на тебя зла.

– Ты добрая, – произнесла эфа. – Я буду помнить это всегда. Прощай.

Эфа стала спокойной, в ней вновь появилось достоинство. Змея и девушка расстались почти подругами.

Олег повёз песчаную эфу в Ферганскую долину. На том месте, где студенты вели раскопки несколько месяцев назад, он выпустил гадюку из клетки. Она бочком отпрыгнула в сторону и оттуда посмотрела прощально на Олега. И хотя в глазах её застыла печаль, чувствовалась в ней и радость освобождения.

Олег улыбнулся и кивнул эфе ободряюще. Он подумал о том, что эфа изменила его жизнь. Никогда раньше он не задумывался обо всём многообразии живых существ, населяющих землю. Он не был жестоким, но и милосердным не мог себя назвать. Теперь он точно знал, что просто так даже жука не раздавит и не будет охотиться, не станет убивать братьев наших меньших, ибо и они умеют чувствовать, переживать, и у каждого из них есть право на жизнь.

– Спасибо тебе, – сказал Олег. – Ты меня научила милосердию. Я никогда не забуду тебя. Прощай, эфа!

– Прощай, – ответила эфа.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Эфа думала о том, что и её, змею, жизнь среди людей многому научила, помогла постичь простые истины. Например, что и у них есть дружба и любовь, любовь, ради которой они могут жертвовать собой. Оказалось, что человек не такое страшное существо, что с ним можно дружить. Она теперь точно знает, что ни при каких обстоятельствах не обидит человека. И не позволит сделать это своим собратьям.

Произошло главное: змея и человек научились слышать и понимать друг друга.

Не сговариваясь, Олег и эфа развернулись и отправились в разные стороны, каждый в свой мир.

7 августа 2017 года.

1.

На дворе конец ноября, а снега всё нет. Это катастрофа для нашего тренера Ивана Михайловича. Переживает, что не успеет подготовиться к зимней спартакиаде. Сегодня он пришёл на тренировку радостный и, потирая руки, сказал:

– В воскресенье я был на охоте и нашёл снег. Тренировка будет там. Даю полтора часа на сборы. И без опозданий.

Снег – это прекрасно, просто предел мечтаний! Но после обеда у меня – репетиции. Я учусь на театральном отделении культурпросветучилища. И сейчас мы готовим к семестровому показу за второй курс отрывки из пьес, во многих я занята. И если раньше тренировки проходили рядом – на территории соседнего парка и всё как раз хорошо укладывалось, то теперь надо было ехать за тридевять земель.

Судьба поставила меня перед неразрешимой дилеммой. Если еду вместе со всеми за снегом, как минимум две из репетиций пропускаю, а значит, подвожу сокурсников, но не поесть на тренировку я тоже не могу. Тренировка для меня – всё! Это моя отдушина.

Я иду договариваться с режиссёрами отрывков.

У Люды Минаевой я играю племянника в «Добром человеке из Сычуани» Бертольта Брехта, выполняю разные трюки, которые отработываем на сцендвижении, например, падение со стула... персонаж отрицательный. В отрывке у Хынкиной мы заняты вдвоём с Минаевой, я играю мальчика, она – девочку в «Варшавском набате» по пьесе Коростылёва. Это трагедия о судьбе польского педагога Яноша Корчака и его воспитанников из сиротского приюта, о детях, убитых в фашистских лагерях. Пьеса требует от нас полной актёрской отдачи, большого психологического напряжения.

Дальше по расписанию идёт мой отрывок, с собой-то я, конечно, договорюсь, но надо предупредить актёров, ту же Минаеву, занятую у меня.

Репетиции ещё пары отрывков, в одном из них я играю бабушку, в другом – молодую влюблённую женщину, назначены на поздний вечер, на них должна успеть.

Подхожу к однокурсницам поочерёдно, объясняю ситуацию, прошу отпустить. Обе категорически против моего послеобеденного исчезновения, особенно, раздувая ноздри прямо-го тонкого носа, как самовар, пускает пар Хынкина.

Но пропуск тренировки для меня смерти подобно. Я договариваюсь с ребятами, у которых не занята, о перестановке очередности репетиций, с боем выбиваю эту уступку для себя со стороны «моих режиссёров» и бегу на склад за лыжами со слегка подпорченным этой перепалкой настроением.

Ровно в 14.00, сразу после обеда, мы, четыре спортсменки с разных факультетов, в полной экипировке стоим возле входа в массивное приземистое здание нашего родного кулька, расположенного недалеко от центра Барнаула.

Подъезжает Михалыч, и мы, кое-как разместив лыжи в багажнике и салоне его старенького автомобиля «Жигули» и едва втиснувшись втроём на заднее сиденье, отправляемся за город. Впереди сидит Любаня Миляева, маленькая, шустренькая и, как говорят, с характером, несмотря на внешнюю милоту. Она весело щебечет с тренером, выпытывая у него, долго ли ехать, много ли снега, не растаял ли он, а потом и вовсе переключается на посторонние темы.

Михалыч любит поговорить, он не просто тренер, но ещё и наставник, и учитель по жизни. Он мудрый и строгий, как отец.

– Иван Михалыч, – обращается к нему Любаня и, слегка обернувшись назад, хитро подмигивает нам, – говорят, у нас в команде новый мальчик появился?..

– Это ты про кого, про Саню, что ли?.. Так у него ещё моло-

ко на губах не обсохло. Он вас года на два моложе, – отвечает Михалыч, глянув на нас карими насмешливыми глазами.

– Это ничего, – звонко смеётся Любаня. – Мой-то Пашка тоже ещё молодой...

– Ну-ну, – неопределённо говорит Михалыч, непонятно, одобряет он или порицает такое положение вещей. Хотя, конечно, уже давно знает обо всех наших симпатиях и антипатиях, за которыми наблюдает по-отцовски мудро.

Вот мы уже за городом, проезжаем Алтайку и мчимся дальше по шоссе в сторону Бийска. Но нигде даже намёка на снег. Всюду – раздетая озябшая земля, чуть тронутая морозцем. Так и хочется накинуть на неё белоснежную шубку.

Едем долго, наконец сворачиваем на просёлочную неасфальтированную дорогу. Скорость немного замедляется, и мы уже петляем между высоких деревьев по холмистой местности.

Всё так же сиротливо вокруг.

Но вот выскакиваем на пригорок. И взору открывается чудесная картина: впереди, слева от дороги, весь косогор покрыт белым покрывалом.

Снег!!! Мы бурно радуемся! Прыгаем, кидаемся снежками. Наконец под строгим взглядом больших глаз Михалыча перестаём дурачиться, становимся на лыжи.

– И-и-э-эххх! – громко выдыхаю я, срываюсь с места и мчусь вниз по склону. Дух захватывает, да нет, меня просто распирает от радости. Кажется, вот сейчас, как воздушный шарик, не выдержишь и... лопнешь... или умчишься далеко ввысь.

Мы, словно застоявшиеся в загоне телята, вырвались наконец на свободу, в луга. Как же соскучилась я по снегу! Сколько энергии и нерастраченных сил чувствую в себе. И мчусь, и мчусь... и нет усталости ни грамма. И скорость, кажется, полётная.

Те же чувства испытывают мои подруги. Вот подъехала со счастливым лицом Нина Дмитриева, спокойная, выдержанная,

с длинными тяжёлыми косами и глубокими выразительными задумчивыми глазами. Она учится на библиотечном отделении, как и Вера Серова. Она не очень эмоциональная и симпатичная девушка, среднего роста, ладно скроенная, и в лице её всего в меру: и глаза, и нос, и губы – в полной гармонии друг с другом.

– Светлова! – кричит мне Михалыч. – Выталкивай ногу вперёд, что ты её загребаешь... И рука пошла, рука!.. Вот так, так... сильнее толчок!

Михалыч стоит сбоку лыжни, опершись массивным телом на лыжные палки, и внимательно наблюдает из-под лохматых бровей за техникой бега, подсказывает, подправляет, если считает нужным.

– Да что ты совсем палками-то не работаешь, Серова! – сердито кричит он, и ноздри его массивного носа раздуваются.

– Девчонки-и-и! Привет! – издали машет мне Витя Васин, когда я в очередной раз возвращаюсь на исходную точку.

Рядом с Витей – незнакомый паренёк в зелёном свитере и в шапочке с бубончиком. Смешной такой.

«Откуда они здесь?» – с удивлением думаю я.

Потом вижу Гошу – так мы между собой называем второго тренера – Георгия Григорьевича, очень высокого и худого как жердь, относительно молодого ещё мужчину. Я понимаю, что мальчишек привёз он.

Витя – невысокий, крепко сбитый и очень общительный парень, с вечно улыбающимся, изъеденным оспой лицом, с пронзительно синими глазами.

– Знакомьтесь, – говорит Витя, – это Саня, он тоже с инструментального отделения, мы с ним за одной партой сидим. Теперь он в нашей команде, так что, прошу любить и жаловать.

Саня смущённо протягивает руку всем поочерёдно. Последняя в этой очереди я. Саня смотрит на меня большими светло-голубыми глазами, будто в лёгких облаках небо, и почему-то краснеет. Алая краска заливает его курносый вес-

нушчатый нос, постепенно перемещаясь на всё скуластое лицо.

Я снимаю перчатку и протягиваю ему руку, он несильно пожимает. «Какая у него мягкая ладонь!» – с удивлением замечаю я.

И в это время сквозь сумрачную небесную пелену пробивается лучик солнца, потом другой, третий... Они создают светотень. И лица преображаются, хорошеют. И лес оживает. Сосны, а кое-где берёзы, уже скинувшие почти все свои нарядные одежды, словно радуются дарованному свету. Снег переливается оттенками цветов от тёмно-синего до серо-голубого. Я замороженно смотрю вокруг.

– Какая же ты красивая, Светка, – тихо говорит Витя. – Прямо Снегурка в этой пушистой шапочке...

Я смущённо отворачиваюсь.

– Точно, точно! – поддакивает Нина Дмитриева. – Ей бы ещё шубку...

Все смотрят на меня. От неловкости я срываюсь с места и несусь вниз. Лицо моё полыхает, но я-то знаю, что оно всё равно не красное, а бледное. Нет у меня такой способности, как у Сани, краснеть.

...Мы благодарим Михалыча за это чудо: снег! Любаня от избытка чувств тихо напевает что-то по дороге обратно, голосок у неё звонкий, и поёт она хорошо, не зря ведь учится на хоровом отделении.

2.

Спартакиада выпала на зимние каникулы. А проходит она в Горно-Алтайске, это город, в котором я мечтала побывать. Мы едем сначала поездом до Бийска, а оттуда на рейсовом автобусе. Нас – шесть девчонок и чуть больше мальчиков.

Длинный и какой-то неуклюжий, немного похожий на Кузнечика из фильма «В бой идут одни “старики”», Пашка ухаживает за Любой Миляевой. Они дружат. И, конечно, они всегда

вместе, вот и сейчас с заднего сиденья, где Любаня примости-лась на Пашкиных коленях, то и дело доносится хохот.

Пашка мне не нравится. У него грубые, пошловатые, какие-то подростковые шутки. Там же сидят Витя Васин и его закадычный друг – гуттаперчевый мальчик Саня Чижов, который влился в команду осенью, но уже вполне освоился.

Пашка с Витей, как всегда, пикируются, шутят и гомериче-ски хохочут. Любаня заливается колокольчиком на весь салон.

Наконец и они успокаиваются, и их укачал, убаюкал Чуй-ский тракт.

За окном темно, не видно ни зги. Я тоже подрёмываю на переднем сиденье, изредка вздрагивая и встряхивая головой.

Приезжаем в Горно-Алтайск поздно. Селимся в двухмест-ных номерах гостиницы, мне выпало жить с Верой Серовой. Михалыч и Гоша раздают всем сухие пайки, мы с Верой пере-кусываем и сразу ложимся спать.

Утром сытно завтракаем, берём лыжи и идём на трассу в горы.

Мама моя! Вот это лыжня! Тут такие горы, вам и не сни-лось! У меня загораются глаза. Я ничего не боюсь. Несусь сразу за мальчишками, за мной – все девчонки. Я легко преодолеваю подъёмы и крутые или затяжные спуски, кидаюсь на них, как на амбразуру, и ничего мне не страшно в эти минуты. Я ничего не боюсь! И только ветер в ушах свистит. Девчонки сзади виз-жат и падают. Я уверенно держусь на лыжах.

Возвращаемся на базу. Снимаем лыжи, накидываем на себя пальтишки и идём в гостиницу. Погода хорошая: 12 градусов со знаком минус и совершенно безветренно. Обедаем. Отдыха-ем. Ужинаем. Идём в кино, в местный кинотеатр.

– О! Девчонки! – наступает нам на пятки Витя Васин. – Да-вайте знакомиться! – дурачится он. – Меня зовут... Дон Кихот Ламанчский, а это, – показывает на Саню Чижова, – мой вер-ный оруженосец Санчо Панса.

Даже в бледных сумерках видно, как лицо Сани начина-

ет полыхать огнём. Мягкой и тёплой ладонью Витя пожимает наши руки. Санино лёгкое прикосновение обжигает, будто весь он охвачен огнём.

– Я доверяю его вам. И чтоб не обижали! – говорит он и куда-то исчезает.

Саня остаётся с нами. Он покупает три билета на свои деньги, мы возмущаемся, хотим сами за себя заплатить. Но Саня сильно обижается, и мы сдаёмся. После киносеанса он от нас не отстаёт. Зовёт гулять по городу. Мы идём по заснеженным улочкам, Саня всё время разговаривает с Верой.

Я молчу, не мешаю им общаться, лишь изредка вставляю словечко, когда Саня спрашивает меня о чём-нибудь. Я люблюсь горным этим местечком, уютным, с невысокими домами, светящимися сейчас на склоне разноцветными огнями. На ясном вечернем небе давно зажглись и горят звёзды, которые сейчас с любопытством поглядывают на нас.

Становится холодно. Мы возвращаемся в гостиницу, Саня напрашивается к нам в гости. Я понимаю, что ему нравится Вера, что из-за неё он стремится к нам. Она интересная девушка, её лицо – образец правильных черт, правда, почему-то долго смотреть на неё не хочется, скучно становится.

Мы втроём играем в какую-то дурацкую игру, предложенную Саней. Что-то чертим, говорим какие-то нелепые слова... Хохо-чем. Саня часто краснеет. Уже поздно. Ужасно хочется спать. И надо бы выспаться, завтра – первый день соревнований.

Намекаем Сане, что пора уже расходиться. Он почему-то именно меня просит проводить его до двери. Мы выходим в коридорчик. Стоим друг против друга и молчим.

– Света, – произносит он и опять покрывается весь краской, даже уши у него становятся пунцовыми.

Мне неловко, но я чувствую, что ему ещё больше неловко. Я ему не помогаю. Просто стою и молчу. Я не знаю, что нужно говорить в таких случаях. Моя интуиция ничего мне не подсказывает.

Он вздыхает. Молчит. Наконец решается. Берёт мои руки, приближает к себе. Хочет что-то сказать. Я смотрю на его веснушчатый нос, на пламенеющие щеки... Я будто увидела его впервые. В его серых больших глазах в пушистых рыжих ресницах плещется что-то тёплое. У него застенчивая улыбка. И весь он такой смешной и очень милый, совсем ещё мальчишка.

Всё это свалилось на меня так неожиданно. Я растеряна.

Мы долго стоим и молчим. Наконец я мягко отнимаю свои руки и говорю:

– Саша, пора уже отдыхать. Завтра соревнование. До завтра, – прощаюсь я.

– Давай ещё немного постоим, – просит он и говорит: – Света, я... Ты... мне давно нравишься... (надо же! не замечала!) Я...

– Потом-потом, позже... – Я так ошарашена, что не знаю, как себя вести и что делать, поэтому не даю досказать ему главное. Выпроваживаю. Но, видимо, мягкость моего поведения и ласковость интонации дают ему право надеяться на что-то. Он вылетает от меня окрылённый.

3.

Утром встречаемся внизу. От Сани исходит какое-то свечение. Он берёт свои и мои лыжи, и мы идём с ним рядом в кругу сотоварищей, которые, как всегда, беспечно болтают, подкалывают друг друга, шутят.

Я немного растеряна. Хотя мне нравится та атмосфера любви, которая образовалась вокруг меня. Мне нравится быть Саниной невестой – мой новый статус озвучивает неделикатный Пашка, за что тут же получает шуточный вроде бы пинок от Вити, между ними начинается потасовка, которую прекращает Михалыч.

На лыжной базе мы получаем и надеваем поверх свитеров свои номера. Выходим на построение. Как много спортсменов,

представляющих средние специальные учебные заведения Алтайского края, участвует в зимней спартакиаде!

И вот торжественная часть начинается. Выступление организаторов, руководителей, поднятие флага. И – старт, согласно номерам.

Я бежала где-то в середине. Саня натёр мне лыжи специальной мазью по сезону, которую выдал тренер, и они вместе проводили меня на старт. Бессолнечное спокойное небо роняло вниз редкие снежинки, смешно таявшие на крупном носу Михалыча. Он давал мне последние наставления перед стартом.

Я волнуюсь очень, сердце стучит так громко, кажется, сейчас выпрыгнет из груди.

Но вот дана команда: марш! И я срываюсь с места. И все мои волнения остаются позади. Трасса – моя стихия! Я бегу и не даю себе ни секунды передышки. Вдох-выдох, вдох-выдох... Бегу свободно, легко, размашисто! Но вот крутой подъём забирает, кажется, последние силы. Ещё немного, уговариваю себя. Терпи! Вперёд и только вперёд!

Вот я уже на вершине! И тут открывается второе дыхание. И вновь становится легко. И я буквально лечу вниз, по склону.

Саня встречает меня на финише, набрасывает на плечи куртку.

– Молодец, хорошо прошла, – говорит на ходу Михалыч и провожает к старту Веру Серову, которая бежит последней из нашей женской команды.

Парни стартуют после нас. Мы с девочками и тренером провожаем наших мальчиков на дистанцию и встречаем на финише.

Когда прибегает последний лыжник, судьи удаляются подсчитывать очки.

С совещания Михалыч возвращается довольный. Наша команда в целом выступила неплохо. У меня лучший резуль-

тат среди наших девчат, но всего лишь третий в общем зачёте. Хотя для меня и это хорошо, потому что на спартакиаде выступают очень серьёзные соперницы. С третьим местом меня поздравляют все наши.

На второй день бежим 5 км, на третий – 8 км. Я опять пробегаю лучше своих, но лыжницы из других команд сильнее.

Все эти дни Саня не отходит от меня ни на шаг. Он по-прежнему носит мои лыжи и готовит их к пробегу, провожает меня и встречает. Витя Васин, вот уж настоящий друг, окружает нас с Саней заботой и вниманием. После очередного, последнего забега Витя несёт свои и Санины лыжи, а Саня – мои. Мы говорим о трассе, о соревнованиях, о городе – обо всём. Лишь только признания с его стороны я не допускаю, увожу разговор от опасной темы в сторону. Михалыч поглядывает на нас внимательно, но ничего не говорит.

Все привыкают видеть нас вместе. И уже каким-то образом связывают воедино. Непостижимо, но и мне кажется, что я знаю Саню тысячу лет. И не могу обходиться без него, как без зубной щётки, например. Он согревает меня своим обожанием, обволакивает заботой. Здесь, в горах, его отношение ко мне кажется таким романтичным. И моё сердце готово открыться навстречу его чувствам.

Настаёт день отъезда. Возвращаемся тем же маршрутом: до Бийска на автобусе, только я уже сижу возле Сани. А там – на поезд Бийск – Барнаул. И вот покачиваются вагоны, нам весело ехать всем вместе, мы, что ни говори, команда. И уже шутки не такие колкие, а более добрые. Пашка с Любаней обнимаются на верхней полке. Саня ходит за мной, словно хвостик, ни на секунду не отпускает из поля своего зрения. Я выхожу в тамбур.

– А где Саня? – беспокоится за друга Витя.

– Да вот же он, – говорит Нина Дмитриева, указывая на возникшего за моей спиной Саню. – Где Света, там и Саня. Понятно же.

– Смотри, Светлова, не обижай нашего Санька, – грозит пальчиком смешная Плотникова.

Саня краснеет, но видно, ему приятно.

4.

Вот и каникулы проходят. Начинаются занятия. У нас, на театральном отделении, идут репетиции, подготовка к весеннему семестровому показу отрывков из пьес. И снова я занята почти во всех. Свободного времени просто нет.

Саня зовёт меня в кино, на вечерний сеанс. Отказываю. Невсегда.

Несколько дней я не вижу его, но меня это не беспокоит. Романтическая нотка, витающая над нами там, в горах, здесь, внизу, исчезает.

Однажды меня назначают дежурить в том коридоре, где занимаются оркестранты. А это где-то сбоку и в подвале, там за плотными дверями студенты терзают свои инструменты, но их не слышно. Очень плотные, в несколько слоёв кирпичные стены не дают проникать звукам вовне. Это здание – бывшая тюрьма, раньше не только звуки, но и заключённые не могли выбраться наружу из своих камер, где сейчас располагаются инструментальные классы.

Саня крутится возле меня на каждой перемене. Я смотрю на него строго, как старшая сестра смотрит на шкodu брата, и не допускаю никаких нежностей с его стороны. Саня теряется, говорит междометиями, обрывает себя на полуслове, молчит и, как всегда, при этом краснеет.

На одной из перемен Витя Васин шепчет мне на ухо: «Да будь ты с ним помягче, Свет. Что ты, как училка строгая... Разве не видишь, он совсем потерянный...»

Саня опять приглашает в кино. Но у меня сегодня дежурство в детском саду, где я подрабатываю. Он вызывается проводить. Я объясняю, что это далеко, на Потоке. Он настаивает на своём.

Часов в восемь вечера выбираемся из училища, доходим до остановки «Кинотеатр “Родина”», доезжаем до Крытого рынка на троллейбусе. И идём до детсада пешком, мимо рынка, который уже закрыт. На площади перед Домом культуры сворачиваем направо в тихую улочку. Притаившийся на обочинах посеревший снег передаёт нам свой последний привет. Тихо, безветренно, свежо. А под ногами слякотно.

Разгорячённый быстрым шагом Саня расстёгивает коричневую болоньевую куртку. А мне комфортно в белом, в мелкую серую клетку приталенном пальто, оно как раз по сезону. Саня держит меня за руку, заглядывает в лицо. Мы что-то говорим, чему-то смеёмся.

Мы останавливаемся возле решётчатых ворот детсада, Саня приближается ко мне очень близко, я интуитивно чувствую, что он хочет поцеловать меня, и отстраняюсь.

Он спрашивает:

– А можно с тобой?.. На дежурство.

Я отрицательно качаю головой. Он замыкается, отодвигается. Смотрит на меня как-то сбоку.

– Я тебе совсем не нравлюсь, – тяжело вздыхает он и смотрит на меня вопросительно.

– Ну почему... – отвечаю я в глубокой задумчивости.

– Я даже поцеловать тебя боюсь, – роняет он и надолго замолкает.

Я не знаю, что сказать. Я думаю о том, что же на самом деле испытываю к этому мальчику. Мне нравится его внимание, забота, обожание. Мне нравится быть любимой. Это свет.

И в ту же минуту в памяти возникает фраза из «Маленького принца»: «Вы в ответе за тех, кого приручили». Я не хочу приручать Саню. Я НЕ ЛЮБЛЮ его. Это тень.

Такая вот СВЕТОТЕНЬ. Я отношусь к нему тепло, как к родному человеку, как к брату. Но сказать ему об этом я не могу. Не хочу делать ему больно. И мне очень нравится, когда он рядом. Мне бы отпустить его, а я, как собака на сене...

Всю жизнь я жду своего Единственного, своего Принца. А Принца всё нет. А мне уже почти двадцать!..

– Может, тебя смущает, что я младше тебя?.. Но ведь ненамного...

Я не отвечаю.

Я открываю калитку, и оставшийся путь – до запасного входа детсада – идём молча. Возле двери долго стоим. С хмурого неба, как мухи, медленно летят запоздалые редкие снежинки. И опять он держит мои руки в своих.

– Света, – говорит он, – я знаю, мы не пара... Ты такая!.. Ты необыкновенная... и очень красивая... А я... Знаешь, у меня песня любимая есть: «Некрасивый я, конечно...». Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой...

– Саша, – говорю ласково, – ты очень красивый! И веснушки тебе очень идут!

Смотрит с недоверием и надеждой.

– Ты правда так считаешь?..

– Конечно! – говорю как можно убедительней, потому что он очень симпатичный и обаятельный. Он, наверное, и не догадывается, что любую девушку может этим подкупить.

В благодарном порыве он качнулся ко мне, но обжёгся о мой взгляд. Он смотрит на меня и не может понять, как себя вести. В его глазах – смятение. Он не решается обнять меня. Разворачивается и идёт в ночь. В моей душе скребут кошки.

После этого вечера я долго его не вижу. Он не приходит больше ко мне на этаж. И я уже скучаю без него. А тут ещё ежедневные репетиции после занятий, подготовка к экзаменационному показу. И ночные репетиции. И усталость какая-то копится и наваливается всё больше. И что-то с кем-то на повышенных тонах выясняем... А тут ещё весна!.. И таяние снегов бесконечное. И яркое солнечное сияние, перемежающееся с хмарью небесной.

В один из серых вечеров в училище приезжает гипнотизёр. И я иду, хотя вся на нервах, с заплаканными глазами. В акто-

вом зале полно студентов и педагогов, яблоку негде упасть. Я протискиваюсь сквозь плотные ряды к своей однокурснице Галке Плотниковой.

Представление вот-вот начнётся, в зале, словно в улье, лёгкое гудение. Занавес медленно открывается...

И тут я вижу Саню. Он стоит в проёме широко распахнутой входной двери и держит за руку девушку с коровьими, голубыми глазами и кротким выражением лица.

Моё сердце обрывается и падает вниз.

Саня натывается на мой взгляд, вспыхивает кумачом и тут же уводит в сторону глаза. Держась за руки, они пробираются на свободные места где-то на галёрке.

Начинается представление. Гипнотизёр приглашает на сцену всех желающих испробовать чары гипноза на себе. Находятся смельчаки. Но их немного.

И тогда помощник гипнотизёра, мужчина в тёмных очках, идёт по залу и цепляет ещё несколько студентов. Потом останавливается возле меня, бесцеремонно берёт за руку и ведёт на сцену. Я не могу сопротивляться, словно безвольное существо на поводке.

Мы стоим полукругом. Гипнотизёр просит закрыть глаза, я закрываю. И слышу:

– Перед вами стол, полный самых вкусных блюд, шоколадных конфет, берите, не стесняйтесь.

«Ничего подобного», – мысленно говорю себе. Я слышу его голос и контролирую свои действия. Тоже мне, гипнотизёр!.. Но рука моя помимо воли тянется за конфеткой. И как бы стесняясь, я тащу несколько конфет к себе.

Гипнотизёр говорит мне: воц твоя подруга, вы не виделись с ней давно, вы так рады друг другу!

Напротив меня – детдомовская девочка-хулиганка Юлька, которую я недолюбиваю, хотя и не ссорюсь с ней. Юлька начинает истошно рыдать, потом кидается меня обнимать. Что за балаган, думаю я, и очень стыжусь того, что происходит. Я ведь в здравом уме и при памяти.

И вдруг – полная отключка. Я ничего не помню. Больше ничего не происходит. Мне кажется, пролетает мгновение, и я хватаюсь за занавес, потому что меня качает.

Скоро я прихожу в норму, и меня провожают в зал. Теперь я уже как зритель смотрю на то, что вытворяют гипнотизёры со студентами. Но вот всё заканчивается. Ко мне подходит педагог по сценречи, подбегают однокурсницы и начинают поздравлять с премьерой.

– Света, ты так выплясывала на сцене! – говорит Татьяна Васильевна. – Ты случайно танцами не занималась?..

– Талантливо! Превосходно!.. – подхватывают девчонки.

Может, в прошлой жизни ты была танцовщицей?! – предполагает Люда Минаева.

– Мы и не замечали в тебе больших способностей к танцам, – едко замечает Хынкина. – Теперь будем использовать их в игре...

– Ой, Светка, ты и вправду молодец, – налетает на меня с разбегу Галка Плотникова и обнимает за шею так крепко, что я начинаю кашлять.

И всё в таком духе. Продолжается это долго. За всей этой кутерьмой я боковым зрением вижу, как проходит мимо Саня за руку со своей девочкой, будто они и не разнимали всё это время рук, будто каким-то волшебным образом руки их склеились на веки вечные.

Саня неотрывно смотрит на меня. Я делаю вид, будто вообще его не вижу. Потом действительно теряю его из виду. Я оглядываюсь, но Сани нигде нет. Я чувствую лёгкую досаду, разочарование. Будто меня предали.

Мы с девчонками прощаемся с педагогом. На сегодня, слава богу, всё закончено. Никаких репетиций.

Я спускаюсь вниз вместе с Галкой Плотниковой и другими однокурсницами, встаю в очередь в раздевалку за своим пальто. И вдруг вверху, на лестнице, вижу Саню. Он смотрит во

все глаза, будто кого-то ищет. Наши взгляды встречаются. Он быстро сбегает по лестнице ко мне, говорит:

– Держи! – и высыпает мне в ладони горсть шоколадных конфет. Нежно сжимает мои руки, секунд пять стоит, не двигаясь, а потом убегает наверх. К своей девчонке.

Я смотрю ему вслед, прислушиваясь к себе. И ничего: ни боли, ни сожаления в своей душе не нахожу. Лишь тепло. И благодарность за те приятные моменты, которые подарил мне этот милый мальчик, за его любовь. И лёгкость. Будто с моей души свалился наконец тяжёлый груз. И я могу идти дальше. К своей мечте, к своему Принцу, к большой взаимной любви, к любви, которая непременно придёт.

25 апреля 2016 года.

Розыгрыш

Стоял морозный денёк конца декабря. Нарядный предновогодний город улыбался и сквозь снежинки, наклеенные на окна жилицами, подмигивал Альке разноцветными огнями гирлянд. Нарядная ёлка зазывала на центральную, людную в этот предвечерний час площадь, но не могла задержать внимания Альки надолго – Алька торопилась в клуб на бал-маскарад.

Она плыла мимо площади, мимо чужой оконной радости, мимо всего – на остановку.

Вскоре подошёл троллейбус, на его окнах тоже красовались причудливой формы снежинки, вырезанные из бумаги и наклеенные заботливой рукой кондуктора.

В переполненном салоне теплели хмурые лица пассажиров, все приветливо смотрели на кондуктора в берете, шутили, протягивали пятаки на билеты.

Минут через тридцать на конечной остановке троллейбус вытряхнул из салона последних пассажиров.

Алька выскочила на морозный воздух и поспешила дальше по знакомым улицам, успевая любоваться причудливыми узорами берёзовых ветвей. По лицу её блуждала улыбка. Под каблучками поскрипывал снег. И этот скрип ложился радостной мелодией на сердце Альки – двадцатилетней девушки, студентки 3-го курса педагогического училища. Она находилась в предчувствии чего-то необыкновенного, что обязательно должно произойти в этот волшебный предновогодний вечер. Романтическая натура, она верила в чудеса.

Она была прекрасна своей молодостью, нежностью и воздушным состоянием души. Черты тонкие, наивный взгляд тёмно-зелёных глаз с длинными прямыми ресницами, курносый нос, небольшой, аккуратный рот и нежная кожа с лёгким румянцем дополняли её образ. Тёмно-синее пальто с песцовым

воротником не скрывало хрупкость фигуры и необычайно шло ей, а связанная бабушкой мохеровая шапка с помпоном придавала всему её облику некоторую детскость.

Алька спешила. Нужно было успеть нарядиться к новогоднему балу-маскараду. Её парень, Паша, с которым встречались уже несколько месяцев, пригласил отпраздновать приближение Нового года в Доме культуры котельщиков, вместе с коллегами с завода, где он работал после окончания ПТУ.

Он встретил её у входа, помог снять пальто и залюбовался: какая же она у него красивая! Как идёт ей это бардовое, приталенное платье чуть ниже колен, подчёркивающее стройность и хрупкость фигуры.

Паша познакомил Альку со своими друзьями, Тимуром и Шуриком. Тимур, мускулистый смуглый брюнет с большими карими глазами вприщур и со взглядом Казановы, от которого Альке стало неловко, смотрел так, будто приглашал в отдельные номера. Алька нахмурила бровки и отвела взгляд.

Тщедушный, худой и длинный как фитиль, рыжий Шурик, нервно подёргивающий длинным носом, усеянным веснушками, был со своей невестой – миловидной, слегка полноватой девушкой Таней. У неё была длинная плетёная коса. Двигалась она медленно и рядом с Шуриком казалась воплощением спокойствия и достоинства. И... полнота ей шла.

Они танцевали медляки, энергично двигались под быстрые ритмы в общем кругу, смеялись шуткам ведущего, участвовали в конкурсах и хором звали Дед Мороза. Паша ни на секунду не выпускал Альку из своих рук. Он был взволнован и немного напряжён. Эта взволнованность передалась и Альке. Она то веселилась от души, то вдруг затихала, прислушиваясь к себе.

Вечер был в самом разгаре, молодёжь разошлась не на шутку, даже самые застенчивые, подпиравшие стены спинами, хлебнув в закутке шампанского, пустились в пляс.

Вот и Алькина компания не отставала от других. Под Boney M. плясали в своём кругу до изнеможения. Быстрые

ритмы сменялись медленными мелодиями – ни одного танца не пропустили.

Пару раз подкатывал к Альке Тимур, приглашал на танго.

Дала от ворот поворот. Хотя с кем-нибудь другим могла бы и потанцевать, ничего плохого в этом она не видела. А этот Тимур отталкивал её своим назойливым и липким, как ей казалось, взглядом.

Паша отлучился на минутку, оставив её одну. И тут же Тимур возник рядом.

– Нехорошо красивой девушке скучать в одиночестве, ещё привяжется кто. Пойдём потанцуем, пока Пашки нет? – обратился он к Альке, щупая взглядом танцующих.

– Нет, – уже в который раз отрезала Алька.

– Почему?

«Не нравишься ты мне», – хотела сказать Алька, но сказала просто:

– Не хочу. Я с Пашей!

– Ты из какого века, девочка? – усмехнулся Тимур.

Алька промолчала – не в её правилах обижать людей. Даже и таких, назойливых.

– Ну ты, ловелас, – шутливо сказал появившийся Паша, слегка толкнув Тимура в грудь. – Не смей уводить мою девушку!

И тут же увлёк Альку на середину танцпола под песню ансамбля «Лейся песня».

Лишь позавчера нас судьба свела,

А до этих пор где же ты была?

Разве ты прийти раньше не могла?

Где же ты была, где же ты была...

– Ты чего такая? – спросил Паша, наклоняясь к Але.

– Какая?!

– Хмурая.

– Паша, скажи, у тебя все друзья такие?..

– А, вот в чём дело! Он тебя обидел?

– Нет. Просто...

– Не обращай внимания, он на самом деле не такой, как кажется на первый взгляд. И, в общем-то, неплохой парень.

А мелодия всё лилась.

... Сколько дней потеряно,

Их вернуть нельзя, их вернуть нельзя.

Падала листва, и метель мела,

Где же ты была?

– Да это и неважно сейчас.

– А что важно?

– Важно, что есть ты и я, – сказал Паша, отстранился и посмотрел на неё. – Что я тебя встретил!

Алька забыла обо всём на свете, она не могла оторвать взгляд от по-мужски красивого лица своего возлюбленного. Он был высокий и широкоплечий. Ей всегда тепло и спокойно рядом с ним.

– Я люблю тебя, – сказал он и притянул девушку к себе.

Они тонули в нежности друг к другу, никого вокруг не замечая.

И вдруг Алька увидела: рядом с ними танцует Татьяна, но не с Сашей, а с Тимуром. Наверное, в этом не было бы ничего предосудительного, если бы не слишком тесные и нежные объятия. Алька заметила, как Тимур целовал девушку. Альке показалось это верхом неприличия. Она отвернулась. Но тут же шум вновь привлёк её внимание к этой паре.

Шурик размахивал руками, хватал девушку за плечи, кричал, заикаясь:

– А в-вы сыграть м-могли бы на ф-флейте в-воддсточных т-труб...

В этой нелепой в такой ситуации строчке Алька услышала такую пронзительную боль обманутого человека, что ей стало безумно жаль его.

– Т-ты мне не-ее друг! В-вертихвосстка! П-прощай нав-веки!.. – обхватив руками голову, словно её разламывало от боли, Шурик отбежал в сторону, но вернулся. И снова убежал, заломив руки. И потерялся, просто растворился в толпе.

Алька стояла потрясённая, не в силах вымолвить ни слова. Она воспитывалась в семье потомственных педагогов, где были свои ценности, где слова «честь» и «совесть» были не простым звуком. Девочка впитала их с детских лет и придерживалась по жизни, получая иногда «тумаки» от сверстников, которые называли её белой вороной и считали не от мира сего. А то и говорили, что она опоздала родиться лет на двадцать.

– Как тебе не стыдно! – бросила она Тимуру в лицо. – Ведь вы же друзья!

Тимур стоял, криво усмехаясь. Татьяна казалась спокойной. Просто грустно смотрела перед собой.

Паша приобнял Альку и отвёл в сторонку. Ему почему-то было неловко перед друзьями именно за неё.

– Успокойся, – попросил мягко.

– Как ты можешь смотреть на всё это?! И ничего не принимать!!! – накинулась она на него. – Разве так можно поступать с друзьями?! Это подло!

– Ты не так всё поняла, – попытался он остановить возмущённую девушку.

– Как это не так. Я, что же, такая, по-твоему, бестолковая. Зачем они так с ним?..

– Понимаешь, Аля, Шурик сам попросил Тимура приухлестнуть за его девушкой...

– Как это?! – не поняла Алька.

– Он сказал, что она ему надоела, толстушка эта. Что не знает, как избавиться от неё на сегодняшний вечер. Ему понравилась там одна девушка... Он сейчас к ней клинья подбивает.

Алька была совершенно обескуражена.

– Так он, что, разыграл, что ли, сцену ревности?!

– Ну да, комедию ломал. Артист, – усмехнулся Паша. – Ну

их всех, Алька. Самое главное, у нас есть мы с тобой. Ты есть у меня, я – у тебя.

Весь оставшийся вечер они танцевали, не обращая внимания ни на кого. Что там происходило за пределами их маленького мира нежности, им до этого не было дела. Они как будто очутились вдвоём на необитаемом острове.

Но вот закончился бал-маскарад, все потянулись к раздевалке. И тут Алька снова увидела Тимура и Татьяну. Он накинул на девушку пальто и обнял её. И в этот момент к ним подскочил непонятно откуда взявшийся Шурик. Он схватил за руку Тимура и развернул к себе.

– Т-ты з-зачем так?.. С м-моей д-девушкой?! А?! Т-тёма?!

– Ну, ты же сам попросил приударить.

Тимур стоял и нагло улыбался прямо в лицо сопернику.

– П-приударить, но не у-уводить...

Тимур улыбался.

– Ну а т-ты?! – обратился Шурик к Татьяне. – К-как ты могла?..

– Прости, Саша, – сказала Татьяна устало.

– П-прости-иии! – взвился Шурик. – И это всё!

– Не истери, пожалуйста. Я как раз сегодня хотела тебе всё рассказать. Раньше не могла, прости, боялась причинить тебе боль.

– В с-смысле?..

– Мы с Тимуром вчера расписались.

– Ч-что-о?! – не понял Шурик.

И, обратившись к Паше, воскликнул:

– Нет, ты видел?!

Паша пожал плечами и сказал:

– Да, я был свидетелем...

Все друзья находились в полном ступоре. Алька в недоумении переводила взгляд с одного персонажа на другой и постепенно приходила в себя.

С высоты теперешнего понимания ситуации Тимур уже не казался ей ни негодяем, ни Казановой, вполне себе нормаль-

ный человек. И взгляд его масляных глаз, и приглашение на танец – всё это не выглядело теперь в её глазах чем-то неприличным, пошлым. Обычные знаки внимания невесте друга.

Альке стало стыдно за категоричность своих суждений о нём. «Иногда мы бываем слишком заносчивы и горделивы, – подумала она. – Нет, я бываю...»

– К-как же т-так? – растерянно пробормотал Шурик.

– Прости. Я не хотела тебя обидеть. Просто я люблю Тимура. Да и устала я от твоих номеров.

30 января 2017 года.

Бабочка на окне

Ссора возникла на пустом месте. Из ничего. Из одной фразы, брошенной в досаде мужем.

– Тебе, что, трудно приготовить ужин?..

– Трудно, – призналась Юлия. – Я плохо себя чувствовала. И день провела в обнимку с унитазом.

Юлия находилась на пятом месяце беременности. И до сей поры её мучил токсикоз. Она не выносила резких запахов, ела мало, да и то, что съедала, выходило наружу незамедлительно. Такова была биологическая особенность её организма.

На учёт по беременности она ещё не успела встать, так как приехала вместе с мужем из деревни от мамы недели две назад, а до этого сдавала госы в другом городе, где она с мужем жила до переезда на Север. Она доучивалась на очном отделении педагогического института, и прописка у неё была ещё старая. Оттуда выписалась, а здесь ещё не прописалась, вот и затянула с посещением гинеколога.

Она много потеряла в весе, оказалось, видимо, и сессионное напряжение, была бледной и худящей, от былой пышности остался не по сроку огромный живот, да на опавшем лице горели глазищи редкого тёмно-синего цвета.

– Ты всегда плохо себя чувствуешь! – в сердцах воскликнул Олег.

Он, начиная с того момента, как узнал о беременности, выполнял все капризы жены, старался как мог – не обижать, понимать, помогать. А его-то кто-нибудь когда-нибудь поймёт?! У него сегодня был очень тяжёлый день. Они чинили высоковольтную линию электропередачи, да ещё главный энергетик, который ничего не понимает в этом деле, наорал. С работы Олег пришёл на взводе – уставший, голодный. А тут, как всегда... Не прибрано (да это уж бог бы с ним) и – ничегошеньки пожрать! А жёнушка лежит на диване с книгой в руках. И даже не поднялась навстречу.

Ещё недавно, во время её преддипломной практики, они жили вместе с её родителями, она тогда была намного ласковее и внимательнее. Теперь же, когда переселились в отдельный вагончик, куда что делось?

Недовольство женой по капле копилось в его подсознании, но он старался подавить раздражение. И вот сегодня не сдержался... Он тоже не железный!

Таким Юлька мужа ещё не видела. Он никогда не повышал на неё голоса.

– Не ори на меня! – в тон мужу сказала она.

Но он уже не мог остановиться. Его занесло, как на повороте.

– Могла бы э-ле-мен-тар-но макароны отварить?! – навис над Юлией накачанный высокий муженёк, бурывая её карими глазами.

Юлия отпрянула, испугавшись злой гримасы, искажившей до неузнаваемости, прямо обезобразившей красивое лицо мужа. Её опять начало тошнить.

– Нельзя было, – ответила Юлия, обиженно поджав по-детски припухлые губки.

– Да что ты, как попка, повторяешь за мной?! – зарычал вконец взбесившийся муж. – Разговаривай нормально, по-человечески, – посоветовал он жене.

– Я пытаюсь. Ты не слышишь меня, – парировала Юлия.

– Ты вообще перестала готовить, стирать, убирать... в доме полный бардак! – сыпал обвинения Олег.

– Ты же знаешь, как мне плохо! Меня замучили тошнотики, постоянно рвёт, я не могу ничего есть... У меня всё время кружится голова... я только встану с кровати, как тут же опять падаю без сил...

Жена говорила спокойным менторским тоном, словно училка заученный текст. И это взбесило его ещё больше. Уж лучше бы она на него наорала, что ли!..

– Я уже это слышал! Всё это отговорки! – зло сказал он,

скидывая рабочую одежду и надевая домашнюю футболку и трико.

– Ты не понимаешь, что ли, плохо мне было сегодня? – опять попыталась пробиться к сознанию мужа Юлия. – Я вообще не могу в таком состоянии ничего делать.

– Я пришёл с работы! Голодный! А у тебя тут конь не валялся! Ты целый день на кровати... и палец о палец не стучишь... Зачем, ну, скажи, зачем мне такая жена?! Которая ничего не делает! – заорал Олег, не выбирая выражений.

– А ты сам-то?.. Зачем ты мне нужен?! – обиделась Юлия. – Ты совершенно не помогаешь мне! Всё готов свалить на меня!.. Даже мусор не можешь самостоятельно вынести!.. Ну, не смогла я приготовить ужин!.. И что теперь?! – сорвалась на крик и Юлия, потому что муж, игнорируя её слова, ушёл на кухню.

Взаимные упреки и оскорбления, обрастающие новыми обидными подробностями, становились всё тяжелее, снежным комом надвигаясь на супружескую пару, они грозились разрушить их союз, скреплённый узами Гименея всего лишь год назад. Кризисная, говорят психологи, дата, между прочим. Период узнавания друг друга и привыкания. К новому образу жизни, к тому, что надо считаться с мнением другого человека. Притирка друг к дружке. В этот период супруги ещё готовы раздуть из мухи слона.

– Да у тебя всегда было так!!! Ты просто никчёмная баба. Неумёха и лентяйка! – вопил из кухни совсем потерявший над собой контроль Олег.

Через минуту он уже стоял на пороге, глотая, не прожёванная, бутерброд с колбасой.

– А ты... ты... ты... – задышалась Юлия от обиды и возмущения и подыскивала слово пообиднее. – Ты просто не мужик!..

– Что-о-о-о?! – взревел Олег, надвигаясь на Юлию...

И тут у Юлии случился страшный позыв на рвоту. Она быстро, насколько позволяло её положение, соскочила с дивана и,

зажав рот рукой, побежала вперевалочку к унитазу, опершись по дороге о живот посторонившегося мужа. Успела. И там шумно изрыгнула остатки немногочисленной пищи. В желудке ничего уже не было, кроме горькой слюны, а она всё ещё корчилась и рычала над унитазом.

Потом открыла кран, набрала в рот холодной воды, подержала, согревая, и, побулькав немного, выплюнула.

Олег молча наблюдал за женой.

Юлия вышла из вагончика, в котором они жили, на улицу, опустилась на большое круглое ошкуренное бревно, служившее им вместо лавочки.

Олег, следовавший за ней, присел рядышком.

– Это неправда, – тихо возразила Юлия.

Сердце её будто окаменело от обиды и жалости к себе.

– Что неправда? – не понял муж.

– То, что ты говорил про меня...

– Правда, чистая правда, – сказал он нормальным голосом, в котором пробивались тёплые нотки.

– Обвинения напрасные, совершенно необоснованные, – чуть не плача пробормотала Юлия. – Просто ты меня не любишь, – добавила она полувопросительно.

Муж молчал.

– Тогда нам незачем быть вместе, – обронила фразу и сама испугалась.

Муж молчал.

– Рубикон перейдён, мосты сожжены. Я ухожу от тебя, – произнесла она мёртвыми губами почти шёпотом.

Он с любопытством посмотрел на неё. И с деланным равнодушием насмешливо сказал:

– Иди.

И она пошла. А он продолжал сидеть на брёвнышке, склонив голову. И смотрел ей вслед. Она чувствовала этот взгляд. Он прожигал её насквозь.

Она шла медленно. Всё ждала: вот сейчас окликнет, позо-

вёт. Она мучительно вслушивалась в шумное биение сердца, которое стучало почему-то в голове. И из-за этого не было слышно никаких других звуков.

Юлия дошла до дороги. Ей казалось, что Олег идёт следом за ней. И сейчас, вот сейчас окликнет её. Догонит, обнимет за плечи и скажет: «Любимая, ну хватит дурить. Я погорячился. Прости меня!»

Не оглядываясь, она медленно шла вперёд: мимо дома све-крови, через дорогу. И скоро двигалась уже вдоль балков – временного жилья строителей – в сторону железнодорожного вокзала.

Олег всё не проявлял себя никак.

И тогда она развернулась всем корпусом.

Ни-ко-го!!!

Юлия испытала настоящий шок. Она была уверена, что он идёт позади неё. Как он мог!!! Отпустить её в такое время. Одну. Беременную. С огромным животом, в котором живёт их ребёнок, которого они успели полюбить!

Юлия вспомнила, как муж нежно прикладывал голову к животу и слушал, как малыш пинается... Они всё гадали, кто же там: мальчик или девочка. Конечно, Олег мечтал о сыне.

Надвигались сумерки. Юлия зябко поёживалась. Лёгкое шёлковое платье не спасало от вечерней прохлады. Юлия обнимала живот и ласково шептала разбуянившемуся в животе человеку:

– Потерпи, малыш, всё будет хорошо. Всё у нас с тобой будет ха-ра-шо.

Что теперь делать?.. Куда идти?! Возвратиться она не могла. Раз он вот так отпустил её, значит, действительно не любит. Всё кончено.

Мимо балков, мимо рожицы она брела, как во сне. Когда пришла на вокзал, было уже темно. В плохоньком старом здании с трудом нашлось для неё место на лавочке. Было много народу. Духота давила.

Где-то на самом доньшке души ещё теплилась надежда: а вдруг Олег ищет её?! И вот сейчас в проёме обшарпанной вокзальной двери появится он: высокий, стройный, красивый, растерянный. Придёт и заберёт её с малышом отсюда, из этого кошмара...

Но скоро все надежды растаяли, как утренний туман. Никто их не искал. Никому они были не нужны.

Туалета в здании вокзала не оказалось. И она, ёжась от холода, сходила по нужде с какой-то сердобольной женщиной, согласившейся проводить её.

Юлия просидела всю ночь на вокзале, не сомкнув глаз и дрожа от холода в летнем шёлковом платье. С ней не было ни документов, ни сумочки – ничего.

И тут она поняла, что никогда не простит мужа. Не простит ему этого чудовищного предательства. Того, что он сделал с ней. Она твёрдо решила: жить с ним больше не будет! Заберёт необходимые вещи и уйдёт. Куда глаза глядят.

Едва забрезжил рассвет, Юлия побрела к вагончику – к их дому.

Нет, не было теперь их дома, был его дом, совершенно чужой. И Олег был теперь такой чужой и далёкий.

Юлия вошла тихо. И начала собирать сумку. Настроенная решительно, она была готова ответить на нападки мужа, который наверняка будет обвинять её и орать: где была?... Почему ушла... шалава... и так далее. А она ему скажет, что отныне он не имеет на неё никаких прав.

Тарабанил во всю включённый телевизор. Олег мирно храпел на кровати. Она собирала вещи.

Вдруг он открыл глаза и увидел её.

«Сейчас я ему всё скажу!» – холодно подумала Юлия.

Он молча встал, подошёл и... заключил её в тёплые объятия.

Стоял так и молчал.

– Отпусти, – сказала она ледяным голосом.

– Ук-ку, – промычал он, не расцепляя рук. – Я соскучился!

И стал целовать её горячо и нежно. Юлия отталкивала его, говорила, что всё кончено, что она уходит от него. Он не слушал, а вырваться из его огромных, сильных, как у медведя, рук она не могла.

– Никуда никогда я тебя не отпущу, слышишь, – сказал он, целуя всё горячее и нежнее.

Она равнодушно поддалась его ласкам, а сердце оставалось каменным.

– Не могу я без вас, – шептал Олег.

– Тогда почему же ты не искал меня... нас? – спросила она страдальческим голосом.

– В смысле?! – не понял он.

Отстранившись, он посмотрел ей прямо в лицо, словно впервые увидел.

– В прямом! Почему ты нас не догнал, не искал?.. Мы с малышом целую ночь провели на вокзале...

– Как на вокзале?! Не может этого быть!!! Я думал, ты пошла к моим родителям. Ты же туда направлялась?..

– Нет, мы были на вокзале... всю ночь...

Глаза Юлии, блестящие, словно агаты, до краёв наполнились слезами. И вот они покатались по её лицу. А он стал целовать эти мокрые полоски.

– Прости меня, девочка моя. Я просто осёл... какой же я осёл... Я люблю тебя, – шептал он ей в самое ушко.

И в этот момент, как будто нарочно, телевизор голосом Юрия Антонова запел любимую их с мужем песню.

Я прошу тебя, сумей забыть

Все тревоги дня.

Пусть они уйдут, и, может быть,

Ты поймёшь меня...

«И зачем всё это было? – запоздало думала она, лёжа в объятиях мужа. – Все эти страдания... Было... Было и прошло,

оставив зарубку на сердце. Скандалы, конечно, случались и раньше. Но никогда они ситуацию не доводили до полного абсурда, как на этот раз... И винить некого, кроме самой себя...»

И тут она заметила бабочку с той стороны окна. Бабочка часто-часто махала крылышками, словно хотела прорваться через стекло к ним в комнату. Но потом, видно, передумала. И упорхнула по своим важным делам.

Бабочка была очень красивая. И Юлию вдруг охватило такое ощущение, будто у неё в душе порхают бабочки.

– Прости меня, – сказал Олег, заглядывая в тёмно-синие, как омуты, глаза жены. – Я был не прав.

– Нет, это ты прости меня, – ответила Юлия тихо. – Это я была не права. Я могла бы потихоньку приготовить тебе что-нибудь на ужин...

– Нет, я виноват. Я набросился на тебя, как... ненормальный. Ну я же не зверь какой, я же понимаю, что тебе тяжело...

– Нет-нет, совсем не тяжело... ну, иногда бывает так, что... но всё равно... Я постараюсь быть хорошей женой.

– Это я постараюсь быть тебе хорошим мужем. Чтобы ты была всегда счастливой и никогда не плакала. Он провёл тыльной стороной руки по лицу жены и поцеловал её.

– Я люблю тебя.

– И я. Люблю. Давай никогда не будем ссориться.

– Не будем переходить Рубикон и сжигать мосты?! Согласен.

А голос, волшебный, мягкий, обволакивающий, всё лился с телеэкрана:

Гляжусь в тебя, как в зеркало, до головокружения.

И вижу в нём любовь мою, и думаю о ней.

Давай не видеть мелкого в зеркальном отражении,

Любовь бывает долгою, а жизнь ещё длинней...

8 августа 2016 года.

А жизнь прекрасна

Он – Квазимодо. У него асимметричные черты прыщева-того худого лица. Неровная улыбка прямых полноватых губ, массивный нос слегка набок. И даже глаза цвета простокваши, казалось, существовали отдельно друг от друга из-за всегда вздёрнутой левой брови. Росточка невысокого, щупленький и весь, словно на шарнирах, одни мослы.

Она – красавица. Правильные черты лица. Тонкий прямой нос идеальной длины, тонкие властные губы, тёмно-синие глаза с очень длинными, прямыми, как стрелы, ресницами. И короткие гладкие волосы, зачёсанные на косою пробор. И вся она такая ладненькая, словно фарфоровая кукла.

Такими они стали к своим 15 годам. Впрочем, такими они были всегда. Время никак не отразилось на их внешности, казалось, оно просто увеличило их в размерах, всё остальное оставив без изменений.

Они дружили с детства. Потому что жили на одной улице, учились в одном классе. Потому что у Витьки Васина, в противовес его жёсткой внешности, был потрясающе мягкий характер. И дружить с ним было одно удовольствие. Покладистый, уступчивый, надёжный. Чего не скажешь о его подружке. Елена, именно так она именovala себя всегда, Трубецкая характером вполне соответствовала своей фамилии. Княжеские замашки появились у неё, можно сказать, с пелёнок. Требовательная и настырная. Даже мать, воспитатель детского сада, удивлялась: откуда что взялось?! Отец, местный участковый, умилялся: моя дочка.

Витька носил её портфель, всюду следовал за ней, выполнял все приказы и распоряжения. Она установила такие правила с первых дней знакомства. Он принял условия безоговорочно.

Они вместе делали уроки. Она помогала ему разбираться

с русским языком и литературой – предметы, в которых он не то чтобы ничего не смыслил, а просто у него был очень плохой почерк. «Как курица лапой пишешь!» – говорила ему мать, полная миловидная женщина, одна воспитывающая сына. В посёлке про неё говорили: нагуляла.

А ещё Витька не любил учить правила по русскому и книжки читал не по программе, а интересные для него. Например, «Трёх мушкетёров» прочитал ещё в 3-м классе. А вообще-то он больше читал специализированные книги по физике, в которой был гением, как любил повторять их физик.

Жители небольшого посёлка рабочего типа друг друга хорошо знали. И, конечно, все привыкли видеть неразлучную парочку вместе и относились к этому, как к должному. Вот как речка, разделяющая посёлок пополам, не могла быть в их сознании без моста, так и Елена не могла быть без Витьки. И если её видели одну, то, по-доброму улыбаясь, интересовались:

– А где ты рыцаря-то своего потеряла?

Елена хмурилась и отвечала:

– Не ваше дело!

А всякие попытки насмешек со стороны сверстников она прекращала совсем не по-княжески:

– Закрой варежку!

И присовокупляла...

Впрочем, одноклассники, как и все учащиеся средней школы, знали, что шутить с Еленой Прекрасной (такое вот погоняло было у неё) себе дороже. Да никто и не видел ничего странного в этой дружбе. Тем более что нрава Витя Васин был кроткого, никого не обижал, поступал по справедливости, никогда ни с кем не конфликтовал. А то, что Елена Прекрасная командовала им, так это его личное дело. И только Маша Путилова, полная девочка с веснушками, спросила как-то:

«Витя, почему ты позволяешь так с собой обращаться?..»

Он ничего не ответил, криво улыбнулся и отошёл.

А Елена Прекрасная называла его только по фамилии.

«Васин, – говорила она, – принеси водички».

И Витька мчался со всех ног и приносил «княжне» воду в прозрачном стакане.

Он был для неё не только верным рыцарем и оруженосцем, как Санчо Панса для Дон Кихота, он был для неё и «подружкой», ему она доверяла все свои девичьи секреты. Она знала: Васин никогда никому не расскажет, в отличие от девчонок, он умел хранить чужие тайны.

Первый раз Елена Прекрасная влюбилась в 15 лет. В мальчика из параллельного класса – Митьку Скворцова, высокого накачанного спортивного паренька с чёлкой набекрень и насмешливой улыбкой на холёном лице. На уроках она всё шепталась с Витькой, на переменках прогуливалась перед Митькиным классом, а после уроков рассказывала Витьке, как Митька на неё посмотрел, что сказал. А потом она стала с Митькой встречаться. Но скоро он ей надоел. И уже Митька бегал вокруг да около, только Елена Прекрасная больше не обращала на него внимания.

«Да ну его на фиг!» – сказала она Витьке, и они опять стали ходить после школы вместе.

Но сердце Елены Прекрасной недолго пустовало, она снова влюбилась. И предметом её тайных, а потом и явных воздыханий стал снова юноша атлетического телосложения, спортсмен-перворазрядник, футболист. И ещё один, и следующий...

А когда появился Вовка Михеев, который учился на класс старше, она присмирела. Вовка был вполне себе во вкусе Елены. Длинноногий, узкий в бёдрах и косая сажень в плечах. Тёмно-русая густая шевелюра и тёмно-зелёные, как омуты, глаза.

Сначала они возвращались домой после школы втроём. Михеев с Еленой Прекрасной шли впереди, увлечённо о чём-нибудь беседуя, а Витька плёлся позади, таща на себе два – свой и Елены – портфеля.

Дорога шла мимо жилых домов, огороженных деревянными

ми заборами палисадников, с зелёными насаждениями, цветами, черёмухой, потом перепрыгивала через мост. А дальше троица сворачивала на тропинку, петлявшую по берёзовой роще, и тут нужно было идти почти что гуськом, и Витька совсем отставал.

И как-то незаметно влюблённая парочка начала обходиться без него. У Витьки появилось столько свободного времени, что он не знал, куда его девать. И он пошёл в спортзал. Записался во все секции сразу. Начал играть в волейбол, футбол, увлёкся бегом и прыжками в высоту, да так ловко это у него получалось, что скоро он стал завоёвывать призовые места, и не только на поселковых, но и на районных соревнованиях. Он накачивал себе мышцы штангой. Но самых больших успехов достиг в боксе, со временем почти всех своих противников он стал отправлять в нокаут.

Тело его вытянулось в длину и налилось мышцами, словно спелое яблоко. Витька стал замечать на себе восхищённые взгляды девушек, они даже пытались заигрывать с ним. И только Маша Путилова относилась к переменам, происшедшим с ним, как-то безразлично. Она смотрела, как и раньше, немножко мимо него. А Елена Прекрасная и вовсе, казалось, не замечала этих перемен. И никак не относилась к ним. А вернее, относилась так, как будто это само собой разумеется. Для неё он оставался тем же, кем и был. Васиным. «Васин!» – по-прежнему то и дело помыкала она им. Хотя дружба с Вовкой Михеевым на редкость получилась затяжной.

Пришла последняя в их школьной жизни весна. С журчанием ручейков, со звонкой птичьей трелью, с обалденным цветением черёмухи, с дурманящим запахом!.. Весна совсем вскружила голову Елене Прекрасной, которая стала ещё прекрасней. Её глаза светились, словно подсвеченные яркими вспышками солнца. Этот свет обжигал Витьку, порой он чувствовал себя пожухлой травой в её огненном свете, но и оторваться не мог. А вернее, Елена не отпускала его от себя, даже, может, сама

того не желая. Это была мучительная и восхитительная для него весна.

Но вот всё позади. И весна, и экзамены. Паспорт в кармане. Аттестат зрелости получен. Прощай, родная деревенька! Нет, посёлок. Да какая разница! В город, в город! В Барнаул! Да здравствует новая, полная приключений жизнь!

Витька хотел поступать на физмат, но Елена Прекрасная не на шутку разнылась:

«Васин!.. Куда я без тебя?! Я ж ни одного экзамена не сдам... Ты – мой счастливый талисман!»

И он вслед за ней подал документы в медицинский институт, хотя первоначально Елена Прекрасная хотела поступать на филфак в пединститут, но взяла и резко поменяла «мечту». Разгадка проста: в мед она пошла следом за Михеевым.

Учились. Витька по-прежнему занимался спортом. Елена Прекрасная была неразлучна с Михеевым. Первый курс дался нелегко всем троим.

Летом студенты разъехались. Елена Прекрасная, а вернее, Трубецкая с Михеевым – в одну сторону, Витька – в другую – на краевые соревнования по боксу.

Он выиграл два боя. Оставался финальный поединок, когда его пригласили к телефону.

«Васин, – простонал слабый голос. – Он бросил меня... я умираю».

Витька сорвался с места. И даже не подумал о том, что подводит тренера, команду, вуз, за который выступал. Он не думал, да и не мог думать о последствиях в эту минуту. Он думал о ней. О Елене Прекрасной. Он сходил с ума от одной лишь мысли, что она действительно может умереть. Что её не станет. Тогда умрёт и он.

Это был не единственный случай, когда он нёсся её спасать по первому зову. По одному взмаху прямых ресниц он оказывался возле неё, словно добрый волшебник. Когда Елена ссорилась с Михеевым и начинала хандрить, она вызывала к себе

своего верного рыцаря. И он был рядом до тех пор, пока у неё всё не налаживалось.

На этот раз в тоне Елены послышалось такое отчаяние, которое не оставляет никаких иллюзий... И он помчался к ней на всех парах.

Елена жила на Черёмушках, в квартире своей родственницы, которая уехала в длительную командировку на Север. Витька на правах друга и вечной няньки имел свои ключи. Он тихонько открыл дверь и прямо в обуви быстро прошёл в зал.

Елена лежала на диване, тупо уставившись в потолок. В руке у неё была почти пустая бутылка вина.

– А, Васин. Привет, – сказала она тусклым голосом, как будто не ожидала увидеть его здесь, как будто и не позвала сама.

Она отхлебнула из бутылки и посмотрела не на Витьку, а как бы сквозь него. Глаза её лихорадочно блестели, волосы были всклокочены, губы перекосились в пьяной усмешке... Но даже в этом состоянии она была прекрасна.

– Васин! Он меня бросил!..

– Вы не в первый раз уже ссоритесь, помиритесь, – сказал он мягко и забрал у неё бутылку.

– Ты не понимаешь!.. Это навсегда! Он гуляет с этой лахундой Нинкой с фармфака!.. Я не хочу больше жить.

Увидев лезвие на столе, он понял, что она собиралась вскрыть себе вены.

– Я не смогла... – прошептала Елена горько и завывала в голос.

Волна жалости захлестнула его, он обнял её, осторожно прижал к себе. Она плакала, уткнувшись ему в плечо.

Неделю он ходил за ней, словно за ребёнком, вытаскивая из пропасти, пока наконец не почувствовал, что опасность миновала. Елена Прекрасная вернулась в нормальное состояние. Вот только глаза блестели такой страдальческой синью, что Витьке было больно смотреть.

«Ва-си-ин! Как жить?..» – повторяла она каждый раз при встрече с ним.

И он решился.

Это был необычный день – день рождения Елены. Витька купил огромный букет её любимых чайных роз и отправился к ней.

На пороге застыл от неожиданности. У Елены были гости: человек десять однокурсников.

– А, Васин. Проходи, – сказала Елена Прекрасная и улыбнулась своей печальной улыбкой.

Все гости воззрились на него. Он несколько секунд молча стоял на одном месте, словно пригвождённый.

«Ну и пусть!» – сказал он себе и решительно шагнул к Елене.

Отдал ей букет, поцеловал в щёку и, картинно встав на колени, протянул ей коробочку.

Все замерли.

– Что это? – спросила с улыбкой ошеломлённая Елена.

– Выходи за меня! – сказал Витька.

– О-о-о-о! – пронеслось восхищённое по комнате.

– Неслабо, – сказал худой и длинный, как фитиль, Олег Сизов.

Елена Прекрасная сдвинула бровки домиком в недоумении, до неё, кажется, не доходил смысл происходящего.

– Ты с ума, что ли, спятил, Васин?

Он встал с колен и, глядя ей в глаза, признался:

– Лена, я люблю тебя. Я любил тебя всегда, с самого детства. Разве ты не видела?.. Для тебя я пошёл в спортзал. Ради тебя поступил в институт. Всё, что я делаю в своей жизни, всё это для тебя и ради тебя!..

По мере того как он произносил свою речь, недоумение на лице Елены Прекрасной усиливалось. Брови уползли наверх, а глаза стали круглыми.

– Выходи за меня замуж. Я сделаю тебя самой счастливой женщиной на свете!.. – закончил Витька.

– Ты?! Ой, Васин, не смеди мои подковы!.. – И она засмеялась так заливисто и счастливо, словно бы прорвало плотину её печали.

И все заржали.

Витька растерянно стоял, бессмысленно глядя на ликующих товарищей. В ушах у него звенело от неумного этого веселья.

Он резко повернулся и бросился прочь. Как сквозь туман услышал знакомый капризный голос:

– Васин! Ты куда?! Вернись! Немедленно!..

Но Витька даже не оглянулся. Он выскочил на улицу и побежал по тротуару. Изо всех сил. Будто за ним гнались.

В голове гудело, он ничего не соображал. И будто какая-то сила сама занесла его (как – непостижимо!) на крышу девятиэтажки.

Он подошёл к самому краю. Постоял. Поглядел вниз на сумеречный город, подсвеченный зажжёнными уже фонарями. Распластал руки, словно крылья. И... полетел...

...Он задумчиво смотрел в окно. Сколько жизни вокруг! Природа просыпалась от зимней спячки. На берёзах нежно зеленели недавно вылупившиеся из почек листочки. Птичий радостный гомон улаждал слух. Весна! Как он любил это время года! Начало новой жизни.

– Виктор Петрович! К вам пациентка... Трубецкая, – доложила худенькая медсестра в белоснежном приталенном халатике. – Пригласить?

– Пускай подождёт немного, – сказал он мягко и взял трубку телефона.

Набрал номер, послушал.

– Алло, Маняша! Как там Петька? Шалит? Хорошо. А как мои любимые пирожки с капустой? Готовы? Хорошо, хорошо. Скоро буду! Целую, родная! – Лицо его озарила счастливая улыбка.

Положив трубку, он нажал кнопку и сообщил медсестре, что готов принимать.

Елена Прекрасная вошла стремительной походкой, не-

брежно бросила кожаные красные перчатки на кресло, сняла шляпу с широкими полями. И стрельнула прямыми ресницами, удлинёнными тушью.

– Васин! Что за свинство?! Ты заставляешь даму сидеть возле двери?! – возмущённо сказала с порога.

Он помог снять ей кожаное стильное пальто. И пригласил присесть.

– Елена! Ты, как всегда, прекрасна! – сказал он, радушно улыбаясь.

– Васечкин, ты мне льстишь. Ты знаешь, зачем я пришла.

– Даже и не думай, и не проси. – Замахал он на неё руками. – Ты и так прекрасна. Исправлять твоё лицо – только портить.

Она посмотрела на него внимательно и отметила про себя, что Васин возмужал и стал даже хорош собой. И прежние его несовершенства каким-то непостижимым образом превратились в достоинства. Черты лица подчёркивали мужественность, и от всего его облика исходила невероятная мужская сила.

– А ты изменился, – задумчиво произнесла Елена Прекрасная.

– Ну, уж так и изменился?..

– Ой, Васин, не заставляй меня жалеть о том, что когда-то не разглядела тебя пристально, – не без кокетства произнесла она.

– Что было, то прошло, – сказал он просто. – Пластику я тебе всё равно делать не буду. И не уговаривай.

– Ну давай хотя бы губы подкачаем, а? – Елена попросила ласковым голосом, заглядывая ему в глаза. – Витя, ко мне Михеев вернулся, – добавила она, и глаза её до краёв наполнились светом.

– Хорошо, Леночка. Запишись на любое удобное для тебя время у медсестры.

– Спасибо, Витя. Ты настоящий друг.

Она поцеловала его в щёку и выпорхнула из кабинета. А он встал и опять подошёл к распахнутому настежь окну.

– Господи! Как жизнь всё-таки прекрасна! – воскликнул Виктор Петрович, вдыхая свежий воздух.

А ведь всего этого могло не быть. Всё могло оборваться двадцать лет назад, в тот день, когда он решил шагнуть в бездну с крыши девятиэтажного дома. Если бы не... Если бы не оказался в ту минуту в том месте обычный бомж по имени Славик.

В тот тёплый июльский вечер, на Витькино счастье, Славик вылез на крышу, днём какая-то сердобольная женщина положила ему в шляпу полбуханки хлеба, пачку печенья и пакет кефира, и Славик решил поужинать, любуясь закатом.

Он пировал в закутке, как вдруг увидел, что мимо него пронёсся парень с безумными глазами и замер возле самого краешка пропасти.

Сразу почуяв неладное, Славик последовал за ним, тихо ступая по крыше босыми ногами. Он подкрался к пареньку, когда тот, раскинув руки, собирался сигануть вниз. Славик подскочил и, ухватив за рубашку, сдёрнул его назад.

Виктор от неожиданности упал, сильно ударился затылком и потерял сознание.

Очнулся он в больнице на третьи сутки. Первой, кого увидел сквозь мутную пелену, была... Маша Путилова.

Как она оказалась здесь?.. Как узнала?! Для него это и по сей день остаётся загадкой.

Маша не отходила от него ни на шаг. Она говорила с ним, кормила его с ложечки, рассказывала новости, читала вслух... А потом он понял, что без этой девушки не может обходиться и дня, понял, что любит её. И сделал предложение.

Уже много лет они счастливы в браке, у них пятеро детей. Маша оказалась той единственной женщиной, которая смогла сделать его счастливым. И, как выяснилось, она полюбила его ещё в школе. А он не за-ме-чал!..

Славика сначала чуть не посадили за попытку убийства. Но теперь уже Витька его спас. В прямом, да и во всех остальных смыслах. Помог ему восстановить документы, поспособствовал в устройстве на работу. Потом, когда открыл своё дело, забрал

его к себе, в косметологическую клинику, водителем.

«И всего этого могло не быть!» – сказал Виктор Петрович сам себе уже в который раз за день.

Накатившая волна воспоминаний немножко растревожила душу.

Он посмотрел вниз. И увидел её, уходящую.

Развернулась, подняла голову вверх, придерживая шляпу рукой. Увидела его, улыбнулась, махнула перчаткой и продолжила свой путь.

Он задумчиво смотрел ей вслед.

Она была всё так же прекрасна, Елена Прекрасная. И годы ничуть не изменили и не испортили эту красоту. Они даже придали ей больше пикантности.

Он смотрел ей вслед спокойно и равнодушно. Её красота не волновала его больше, а была, словно картина в музее: любовался, да и только.

Душа его до краёв была наполнена другой женщиной – его Машей, Машенькой, Машуней. От её полноты на него веяло добротой и лаской, а от веснушек пахло солнышком. Она вся – от макушки до ногтей на пальчиках – была родная. Плоть от плоти.

Виктор восторженно, быстренько набросил на себя плащ и шляпу и поспешил домой, где его ждали дети, жена и пирожки с капустой.

11–12 апреля 2016 года.

Притяжение

В свой обеденный перерыв Лялька заскочила в торговый центр «Сити Молл» – муниципалитет, в котором она возглавляла отдел по связям с общественностью, располагался всего в пяти минутах езды. Забежала ненадолго, чтобы кое-чего из продуктов прикупить... Но разве можно было пройти мимо бутиков?!

В одном месте бросилось в глаза платьице красное, короткое, прямого силуэта, слегка расклешённое книзу, а самое главное, с длинным, а не четверть, рукавом – будто по ней шитое! Разве пропустишь! Потом розовато-серая блузка, просто загляденье, тоже напросилась в услужение... Ну и юбка-карандаш, как тут и была! И без туфель не обойтись – к платью!

Взглянула на часики золотые. Обед заканчивался. Начальство строгое. Она и сама начальство у себя в отделе, и тоже строгое – с подчинённых дисциплины требовала, но и себе лишнего не позволяла. А как иначе?! Иначе и не спросишь с них.

Ещё раз бросила беглый взгляд на циферблат, стрелки, предатели, скакали, как кони на параде. А без продуктов не хотелось уходить, хоть время и поджимало. Всё рассчитала посекундно. Решила: успеет. Быстренько. Кофе растворимый – баночка, палочка салями... хватать, хватать, хватать... Того, сего – по мелочам. Прямо на бегу. И – к кассе.

И вот она уже стремительно мчится, почти бежит по огромному холлу, огибая многочисленных посетителей, которые почему-то никуда не спешат, и это её ужасно злит. Полы растёгнутой длинной рыжей дублёнки развеваются по сторонам, белокурые волнистые волосы средней длины, словно грива на ветру, колышутся.

И тут прямо перед ней резко разворачивается мужик...

Она со всего хода врывается в него.

Коробки разлетаются во все стороны, пакет с продуктами разрывается, вываливая содержимое прямо под ноги. Весело разбегаются в разные стороны апельсины и яблоки наперегонки – тот ещё натюрморт.

– О! Не-е-т! – простонала остолбеневшая Лялька, с ужасом глядя себе под ноги. – Этого мне только не хватало!

– И-извините, – произнёс растерянно мужчина в мешковатом сером пальто. – Я не хотел.

– Смотреть надо! – зло отрезала Лялька.

– Я сейчас всё соберу, – подобострастно ответил мужчина.

– Ладно уж, – отмахнулась Лялька, достала из сумочки запасной пакет и стала брезгливо скидывать в него рассыпавшиеся продукты.

Мужчина подбирал раскатившиеся в разные стороны апельсины и яблоки, но они выскальзывали у него из рук.

Ему стоило большого труда собрать фрукты и вручить наконец хозяйке.

Но пара яблок всё же плюхнулась из его рук прямо под ноги Ляльке, вызвав в ней очередной всплеск раздражения.

Мужчина присел за яблоками, словно испугавшись чего-то, и оцумелыми глазами снизу вверх посмотрел на Ляльку, даже рот слегка приоткрыл, отчего полные его губы казались ещё толще.

Лялька взглянула на него пронзительно.

– Ну, что вы там копаетесь?

Раздражение на этого помятого нелепого мужика росло с каждой потерянной секундой. Не могла она позволить себе войти в кабинет позже своих подчинённых хотя бы на минуту. Она годами выстраивала авторитет непогрешимой леди! И вот он мог лопнуть в одно мгновение!

Лялька вырвала из рук остолбеневшего мужчины яблоко и энергично направилась к выходу. А он так и остался стоять, глядя ей вслед, будто совсем забыл, куда и зачем шёл.

Ну, конечно, она опоздала!..

На целых пять минут!

Влетела, словно фурия. Сотрудницы, в её отделе трудились только женщины, глаза опустили долу, пряча довольные улыбки за озабоченно сдвинутыми бровями.

«Ну вот! – подумала Лялька. – Стоило только чуть-чуть оступиться, как сразу же началось. Даже секретарша смотрит непозволительно ехидно! Улыбочка какая-то кривая! – накручивала себя Лялька. – Но надо держать лицо. Пусть только посмеет кто-нибудь. Хоть словом. Хотя бы намёком...»

Она готова была стереть в порошок всех и каждого.

Лялька внесла себя в свой отдельный кабинет, как вносят дорогую вещь, побросала покупки в шкафчик и вызвала к себе секретаршу Машу, застенчивую девушку с лицом, усыпанным угрями.

– Слушаю, Лилия Васильевна.

– Это я тебя слушаю! – заорала на неё Лялька.

И... оторвалась по полной. Припомнив Маше и не вовремя набранный на компьютере отчёт по обращениям граждан за неделю, и сорванную встречу, и ещё много чего по мелочам.

– ...И наведи порядок в бумагах! И чтобы завтра же у меня на столе лежала полная отчётность за прошлый месяц! – крикнула Лялька вслед удаляющейся секретарше.

Потом, сделав несколько звонков, начала готовиться к встрече главы с населением, назначенной на 16.00, на которой она должна была отчитаться по обращениям граждан. Хорошо, что встреча проходила вечером, а не днём. У Ляльки осталось немного времени на передышку.

Она откинулась в удобном кресле и прикрыла ненадолго глаза. И тут перед мысленным взором встали рассыпанные по «Сити Моллу» апельсины. И она вспомнила другой похожий эпизод из детства, когда отец высыпал перед нею целый пакет ярких оранжевых апельсиновых мячиков, и они так же разбежались в разные стороны. И она, тогда перестав плакать и капризничать, звонко и счастливо рассмеялась.

Лялька была единственным ребёнком в обеспеченной семье, и её баловали. Характер она начала проявлять уже с пелёнок. Капризничала, добиваясь своей цели, заливалась таким настойчивым плачем, что родители старались понять, чего малышка хочет, и выполняли все её требования. Как только она начала произносить членораздельно – «ма-ма», «па-па», «ня», «дяй», она категорически отказалась от того имени, которым её нарекли родители. Это маме Ларисе Георгиевне пришла мысль назвать дочку Лилией, цветком, значит. Но своевольная девочка, если и походила на цветок, то скорее уж какой-нибудь репейник с вечно всклооченной головой: как ни старалась мать нацепить дочке банты, та их срывала и выкидывала куда придётся.

– Лилия, – говорила мать, нежно склоняясь над малышкой.

– Ля-ля, – повторяла дочка, суча ножками.

– Ли-ли-я, – упорствовала мать.

– Ля-ля! – стояла на своём дочь.

– Ну что ты мучаешь её, Лара? – заступался отец, Василий Ильич.

Он подхватывал дочку на руки, высоко подкидывал, ловил и снова бросал вверх. Лялька оглашала просторную детскую звонким смехом и визгом.

Василий Ильич Сухонин, полковник милиции, был человеком суровым и спокойным. Конечно же, он мечтал о сыне. Наследнике, продолжателе ментовской династии. Но когда родилась Лялька, он понял, что дороже этого комочка у него нет никого.

– И пускай не мальчик. Зато характер какой! Вся в меня! – говорил он жене.

Лялька слушала и залиvisto смеялась.

– Ну что ты ей потакаешь, – укоряла Лариса Георгиевна мужа.

Педагог, директор школы в свои-то годы, а ей было тогда около тридцати лет, она и с домочадцами была строга. Старалась воспитывать дочку по всем правилам педагогики, ко-

торую изучала в институте. Муж ломал всю её стратегию. Но она не слишком настаивала именно на своей методе, поскольку любила мужа, он был для неё непререкаемым авторитетом. Предпочитала не ссориться по пустякам. Все споры заканчивались у них полюбовно. Муж тоже частенько уступал жене, в некоторых вопросах признавая большую её компетентность.

В борьбе за имя Лялька одержала победу. Она, ни за что не признавая имя Лилия, так и осталась Лялькой сначала в садике, потом в школе и теперь в близком кругу. Заводила, хулиганка, но при этом всеобщая любимица, она обожала командовать всеми, кто был в поле её зрения. А все желали подчиниться этому светлокудрому ангелу с жёсткой рукой.

Во дворе у Ляльки в подчинении была целая команда разновозрастных соседских ребятишек. Она фонтанировала идеями, и скучно с ней не было. Ребятишки включались в игры охотно, а она сочиняла правила, назначала роли, выбирая при этом себе – лучшую. А никто и не спорил, будто так и должно было быть. Иногда какой-нибудь ротозей, пропустивший, например, гол в футбольной схватке, получал от неё такую затрепщину, что после долгое время был начеку.

Учёба Ляльке давалась легко. Училась она как бы играючи. Память у неё была хорошая, на уроках схватывала всё на лету, так что дома уроки делать почти не приходилось, только письменные. Свободное время она посвящала чтению. Глотала книги, словно сладкий десерт. Своей начитанностью любила щегольнуть, вставляя в нужный момент подходящие цитаты. И, разумеется, школу окончила с золотой медалью.

В школе Лялька сразу записалась во все спортивные кружки. В младших классах она занималась волейболом, баскетболом, гимнастикой и очень любила ходить на лыжах. Мама водила её во Дворец культуры на спортивные танцы. Лялька была девочкой высокой и спортивной. Но к 15 годам она вдруг расцвела формами, стала женственной и мягкой, от её угловатости и резкости не осталось и следа. И танцами увлеклась

восточными, навсегда отделив себя от всего спортивного, кроме плавания.

Во дворе она по-прежнему оставалась лидером, но уже совершенно поменялась тактика её поведения. Теперь её окружали влюблённые по уши воздыхатели. А дворовые девчонки и не возражали – они пока не испытывали к ней зависти, смотрели на неё, как на богиню. Лялька была эталоном, и ей подражали. Во всём, вплоть до одежды и причёски. По её примеру почти все отрасли длинные волосы, надели рваные джинсы и высокие каблуки.

Одевалась Лялька, надо сказать, всегда идеально. Их семьи не коснулись те политические и экономические катаклизмы, что происходили в стране. Сухонины спокойно пережили перестройку, даже не ведая, что существуют километровые очереди буквально за всем на свете, офицеру милиции продукты питания привозили домой. И фирменную одежду приносили местные фарцовщики, впоследствии переименованные в бизнесменов. Лихие 90-е тоже не коснулись семьи чёрным крылом. Василий Ильич крепко стоял на ногах, умело вёл своё дело, заслужив уважение вышестоящего начальства и снискав авторитет у теневого мира, с которыми был строг, но справедлив.

В университете на юридическом факультете, куда шутя поступила, Лялька продолжала лидерствовать, но здесь, помимо обожающих подруг, появились у неё соперницы и завистницы. Однокурсники вились вокруг Ляльки табуном. А она всем предпочла Макса Скоблева.

Это была любовь с первого взгляда. С первого занятия. Лялька зашла в аудиторию, цокая высокими каблуками, в юбке-карандаше, слегка открывающей её мягкие колени, в крепдешиновой блузке цвета спелого арбуза, с распущенными шикарными волосами, с маленькой модной сумочкой в руках. Парни тут же повскакали с мест, не скрывая приятного удивления, принялись отпускать неприкрыто восхищённые реплики.

– Ни себе чего!

– Короле-е-ва!

– Колдунья.

И только один человек сидел к ней затылком. Увлечённый разговором с девушкой, он повернулся позже других и глянул на Ляльку исподлобья синими насмешливыми глазами, точно рентгеном просветил.

Взгляды их встретились.

И тут Ляльку словно током пронзило. Но выдержала, не отвела глаза.

Он медленно поменялся в лице. Его горячий взгляд взволновал Ляльку.

Подожёл, протянул руку и сказал просто:

– Макс.

Ляльку обожгло.

С самой первой секунды страсть накрыла обоих с головой. Это было невысказанное притяжение одинаково заряженных частиц! Невысказанное, поскольку по законам физики они должны были отталкиваться друг от друга.

После занятий они вышли из универа вместе. И больше уже не разлучались. А через три месяца сыграли свадьбу, на которой гулял весь курс.

Родители подарили им двухкомнатную квартиру в престижном районе неподалёку от института. Там они и «грызли гранит науки» все пять лет, мало заботясь о быте.

Нет, конечно, убирались, причём вместе, жилище своё сохранили в чистоте, но готовке уделяли минимум времени, питались по-студенчески. В основном пробавлялись перекусами. Частенько у них собирались однокурсники, пили вино, читали стихи, пели под гитару популярные песни, в том числе и ретро.

Лялька по-прежнему волновала всех мужчин. Её смех, звонкий, напористый, как брызги шампанского, никого не оставлял равнодушным, мужчины тут же подхватывали его, доводя до крещендо. Её формы, несмотря на стройность фигуры, возбуждали их необычайно. Макс ревновал, но никогда не показывал

своих чувств на людях, да и Лялька могла лишь догадываться об этом по ходящим желвакам или хмуromу взгляду.

Совершенно нельзя сказать, что жизнь их была полной гармонией. Скорее, наоборот, полной дисгармонией отличались их отношения. Дело было в похожести. Нет, их влечение друг к другу, пылающее, страстное, со временем не затухало, а ещё больше разгоралось, но оба были лидерами, и потому быт превращался порой в ад. Никто и ни в чём не хотел уступать. Лялька любила подчинять, командовать. Макс сам был готов командовать полками. И со всеми у него это получалось. Ну или почти со всеми – кроме Ляльки.

Несмотря на это, притяжение было настолько сильным, что всё остальное казалось мелочью. Они не могли друг без друга жить. Не могли находиться порознь.

Единственное, о чём серьёзно размышляла в последнее время Лялька, что у них с Максом нет детей. Не сказать, чтобы её это сильно беспокоило, но нет-нет да и занует нечаянно где-то под самым сердцем.

Что это? Тоска по материнству на генетическом уровне?

Лялька вполне отдавала себе отчёт в том, почему этого до сих пор не случилось.

В самом начале их семейной истории была учёба, весёлая студенческая жизнь бурлила вовсю, не давая даже задуматься над тем, чтобы завести ребёнка. Оба слишком амбициозны и любили себя и друг друга так, что им просто не приходило в голову тратить свою жизнь... на пелёнки, распашонки, бессонные ночи...

Впрочем, последнее тревожило больше Ляльку. Макс... он и тогда готов был принять малыша в их с Лялькой жизнь. И позже сам не раз заводил об этом разговор. А почему бы нам не... Лялька обрывала его на полуслове. Она постоянно отнекивалась и откладывала на потом. Со временем и он махнул рукой, смирившись с таким положением вещей. Таким, какой навязывала ему Лялька.

А теперь она боялась отважиться на такой шаг. Всё оттягивала и оттягивала решение вопроса. И понимала, что давно бы уже пора родить. И не могла решиться.

На следующей неделе Лялька опять вырвалась в «Сити Молл». На этот раз её совершенно не интересовали бутики, одежду она всё же предпочитала покупать в дорогих отделах известных торговых центров. Просто сегодня они договорились о встрече со школьной подругой Надей, решили попить вместе кофе, поболтать. Давно не виделись. Всего три года назад подруга вышла замуж и пропала для общения, застряла в семейном быту.

Надя выглядела неважно, казалась замотанной и уставшей. Волосы прилизаны, взгляд потухший. Год назад она родила второго сына, и так-то не была худенькой, а тут располнела до безобразия.

– Ой, Лялочка! – после коротких объятий воскликнула Надя. – Какая ты красавица! Ну, прямо нисколечко не меняешься. Какая была в школе, такая и осталась. Скажи, как тебе это удаётся? Гены? – догадалась она. – Твои родители до сих пор как огурчики.

– Да, Гены, Васи, Коли, Пети, – засмеялась Лялька, запрокидывая голову.

– Ты молодчина, – продолжила подруга, посмеявшись вместе с Лялькой. – Всё у тебя хорошо, вот и после универа попала на такую хорошую должность...

Вспомнили одноклассников. Кто, где, как устроился. Над кем-то посмеялись незлобно, кого-то пожалели. Дали слово друг дружке обязательно в этом году прийти на встречу выпускников. Всё-таки 15 лет прошло! Юбилейная как-никак дата.

У Нади зазвонил сотовый. Она ответила.

– Ну всё, пора! Мои охламоны меня уже заждались. Побегу. Ой, Лялочка, я так рада была повидать тебя. Забегай в гости.

– Ладно, забегу.

– Ой, ты только обещаешь, уже который год...

– Да как-то некогда. Приду-приду, обещаю.

Обнялись, попрощались. Надя убежала. А Лялька несколько минут ещё сидела на стульчике, глядя прямо перед собой. Почти все знакомые её возраста уже давно обзавелись детьми, а она откладывала это дело на потом. Уже и Макс всё чаще сердился по этому поводу и доставал её, изрекая, что без детей семья неполноценная.

Справедливое, надо сказать, замечание. Ей было уже 32 года, и умом Лялька понимала: ещё немного – и она не сможет пойти на этот ответственный шаг.

А если поразмыслить глубоко: кто в их семье двух эгоистов будет ухаживать за ребёнком? Тратить время и силы? Каждый очень много уделял внимание себе – любимому и любимой.

Лялька очнулась, встрепенулась, испугалась, что опять опоздает на работу, вскочила со стула, резко развернулась и со всего маху врезалась в мужика, стукнувшись с ним лбом так, что искры полетели вместе с обрывками мыслей о том, что место это какое-то заколдованное. Прямо перед собой она увидела лицо, которое никогда бы не запомнила, настолько стёртым оно казалось ей, если бы ни это, очень знакомое выражение: слегка отвисшая челюсть, пухлые губы, чайного цвета глаза, как будто вылезшие из орбит.

– Вы?! Опять!!! – воскликнула Лялька. – Вы, что, преследуете меня?!

– Н-нет, – ошалело произнёс мужчина. – Это простая случайность.

– Ничего себе, случайность!

Вадим не верил глазам. Это действительно была случайная встреча, но сейчас он поймал себя на мысли, что всё время думал о ней. Её образ стоял перед его внутренним взором с той самой минуты, когда он впервые увидел её. Это было наваждение, от которого он не мог, да и не пытался избавиться. Он помнил каждое мгновение, связанное с ней. И все свои ощущения. И то, как он, совершенно потерянный взрослый мужик,

словно ребёнок от яркой игрушки, никак не мог оторвать от неё взгляд. Эти какие-то нереальные, бутылочного цвета глаза, капризно очерченный пухлый рот, необыкновенно правильной формы нос сводили его с ума. От всего её пронзительного облика небожительницы веяло колдовством. В представлении Вадима такими бывают только актрисы.

Он не помнил, как долго стоял и, словно зачарованный, смотрел ей вслед. И только когда фигура небожительницы совсем растаяла в пространстве, он очнулся. И поспешил по своим делам.

С той самой минуты он её не забывал.

Удивился и обрадовался новой нечаянной встрече.

А она была недовольна, рассержена и, бросив резкое:

– И не смейте ходить за мной! Слышите?! – опять ушла, оставив его наедине со своими мыслями.

В третий раз они встретились в парке. Уже снег сошёл. Солнце пригревало с особой яростью. Почки на берёзках набухли, готовые вот-вот проклюнуться, – ещё немного, ещё денёк-другой!.. И самая настоящая весна наступит. Зелёная и яркая. Птицы уже радостно заливались на все голоса.

Лялька забрела сюда подышать свежим весенним воздухом и насладиться тишиной. Отдохнуть после напряжённого трудового дня, когда начальство сначала выразило своё недовольство по поводу приготовления к мероприятию, а потом поблагодарило Ляльку за чёткую его организацию.

Лялька достала из сумочки пакетик, высыпала из него на дорожку семечки – припасённое угощение птицам. Присела на лавочку и, понаблюдав за тем, как проворные воробьи мелькали меж огромных на их фоне голубей, утаскивая из-под носа то одной, то другой зазевавшейся птицы семечко, стала смотреть на сосны, всегда притягивавшие её взор своей величием и опрятностью. Глаз на зелени отдыхал.

– Можно? – спросил разрешения мужской голос. И кто-то опустил на лавку рядом с ней, не дожидаясь ответа.

– Да, пожалуйста, – запоздало произнесла Лялька и обернулась посмотреть на того, кто нарушил её спокойное созерцательное одиночество.

– Это опять вы, – произнесла Лялька утвердительно, несколько не удивившись этому факту, словно никого другого она и не ожидала увидеть.

– Ой, здравствуйте, – радостно сказал мужчина и улыбнулся.

– Скажите, зачем вы меня преследуете? – спокойно спросила Лялька и строго посмотрела на него.

– Я не преследую, – торопливо ответил он, улыбка всё ещё не сошла с его лица.

– Нет, преследуете! Зачем тогда вы всё время попадаетесь мне на глаза?

– Это случайное. Совпадение. Просто я тут неподалёку работаю, – оправдывался он. – Офис наш рядом с этим парком. А что встречаемся, неудивительно, в таком маленьком городе можно увидеть одно и то же лицо по несколько раз на дню. Просто удивительно, что мы с вами раньше нигде не пересеклись. Правда, удивительно. Ну раз уж так получилось, давайте познакомимся, – осмелел он вдруг. – Меня зовут Вадим. Я компьютерщик.

Он протянул руку. Неожиданно для самой себя Лялька сделала ответный жест.

– Лилия... нет, зовите меня просто Ляля.

Рука у Вадима была тёплая и мягкая, как подушка, вернее, подушечка, в отличие от рук и всего тела её накачанного спортивного мужа.

В свою очередь Лялька почувствовала некую растерянность. Пожалуй, впервые за всю свою тридцатидвухлетнюю жизнь она не знала, что сказать.

Она молчала.

И, как ни странно, этот в общем-то ничем не примечательный человек, которого она видела в своей жизни в третий раз, её сейчас не раздражал. И это взаимное молчание тоже не казалось ей нудным.

«Кто-то из великих сказал, что счастье – это когда с человеком хорошо молчать. – Мысли Ляльки были ленивые, они путались. – Или это о любви, что ли, кто-то так сказал? – думала она. – А, да всё равно!»

Воодушевлённый молчанием Ляльки, Вадим вдруг начал говорить о том, что на самом деле всё это время он не переставал думать о ней. Что она такая яркая, как игрушка в магазине, от которой невозможно оторвать взгляд.

Лялька с удивлением смотрела на знакомого незнакомца. И лицо, отталкивающее недавно, теперь казалось ей необыкновенно привлекательным. Притягательным. Одухотворённым необыкновенным чувством. Чувством симпатии, направленным на неё.

Ну, к этому-то ей было не привыкать!

Но она вдруг увидела некое свечение, исходящее из Вадима и направленное на неё, Ляльку. И в лучах этого света ей было спокойно и тепло.

Она посмотрела на него уже совсем другими глазами, с материнской теплотой, неизвестно откуда взявшейся, и сказала, что ей пора уходить. Встала и, попрощавшись, пошла.

– Ляля! – торопливо окликнул он. – Мы с вами ещё увидимся?

– А зачем? – с улыбкой спросила она.

– Можно я просто буду приходить сюда, чтобы хотя бы издали полюбоваться на вас?! – с мольбой произнёс он. – Я... мне это очень важно. Я... без этого уже не смогу жить.

– Не знаю, – тепло усмехнулась она ему, словно ребёнку, и пошла прочь.

Он опять до последнего провожал взглядом её ладную фигуру, мелькавшую меж стройных сосновых стволов и пушистых иголок молодняка. А потом пошёл на автобусную остановку.

– Что с тобой? – встретила его на пороге жена Наташа, глядя на улыбку всё ещё бродившую по его лицу. – Милый, да у

тебя жар! Нет, весенняя какая-то лихорадка, – шутливо сказала она, стягивая с мужа тёмно-серый пуловер. – Нет, ну правда, Вадик, что случилось?

– Ничего.

– Ты такой весь загадочный... Поделись радостью, дружок.

– Просто весна, – отмахнулся он. – И, пожалуйста, Наташа, не называй меня дружком, я же не собака, – нахмурился он.

– Ну ладно, не буду, – ответила Наташа, надув губы. – Только раньше тебе это нравилось.

– Нет, не нравилось, – с раздражением признался он.

– А что же ты столько лет молчал?! – не поняла Наташа.

Вадим внимательно посмотрел на жену. Она стояла перед ним вся такая... жалкая, прилизанная, худая, серенькая, словно складская мышь.

Сравнение это ему так понравилось. Оно пришло как озарение.

Почему же раньше-то он этого не замечал?!

И в имени её было что-то такое... шуршащее – На-та-шшшша...

«Мышшшш...» – брезгливо подумал он.

Наташа уловила выражение брезгливости на его лице, а он заметил, что она заметила. И устыдился.

«Что же это такое со мной происходит? – спросил он себя. – Ведь раньше именно за эти качества – тихость, спокойствие, тёплый мягкий юмор, незатейливый ум, а ещё и за то, что хозюшка хорошая, домовитая, я и полюбил её».

– Наташа, пойдём поужинаем, – мягко произнёс он. – Я что-то сегодня устал.

Городской полноватый мальчик Вадим рос без отца. Воспитывали его мама и в большей степени бабушка, которая закармливала малоподвижного внука пирожками. Обе библиотекарши.

Бабушка уже тогда была на пенсии, мама много работала,

чтобы прокормить сына, она ещё брала подработку, какая подвернётся под руку. Например, написать кому-то реферат по библиотечному делу или по русским и зарубежным поэтам и прозаикам – она хорошо разбиралась в литературе, была грамотной и начитанной. А по вечерам Софья Петровна бегала в соседний дом мыть подъезды. Надо было как-то выживать – и в перестроечные годы, и в 90-е...

Мать делала всё, чтобы только её сыночек ни в чём не нуждался и не чувствовал себя в школе изгоем. Они с бабушкой следили за тем, чтобы он вовремя делал уроки, много читал, даже на скрипке учился играть!..

Но, как видно, женщины перестарались, Вадик рос мамсином. Спортом не занимался, в отличие от своих сверстников, с компаниями не водился, рос замкнутым и неконфликтным. В его воспитании явно не хватало мужской руки – мама и особенно бабушка постоянно пытались соломки подстелить. И такое качество, как самостоятельность, напрочь отсутствовало у мальчика. На компьютерщика он поступил и выучился по настоянию мамы, хотя и не жалел о том, профессия ему нравилась.

Один-единственный раз он проявил самостоятельность. Это когда женился на Наташе, медработнике в детском саду, с которой там, в садике, и познакомился, когда пришёл устанавливать компьютер директору.

Между ними как-то сразу возникла симпатия. Ему очень понравилась скромная, тихая, милая большеглазая девушка. И он ей приглянулся. Он завоевал её сердце своим обаянием, умением ухаживать, мягкостью и теплотой.

Когда он привёл Наташу в дом и объявил маме и бабушке, что любит её и они решили пожениться, женщины взбунтовались, даже ещё совсем не зная девушку. С такой же яростью и таким единомыслием они протестовали бы против любой, которая посягнула бы захомутать их любимчика. Они изошли бы ревностью. Дамы предпочитали сами выбрать Вадика невесту. Подходящую ему, умницу и красавицу. И при этом не брали во внимание, что Вадим обычный парень, а не супергерой-красавец.

Наташу эти две женщины априори считали аферисткой, деревенщиной, решившей захватить их и Вадикову жилплощадь. И строго-настрого запретили встречаться с ней.

Тогда Вадим ушёл к Наташе в общежитие.

Они стали жить вместе. Потом снимали жильё. А после Наташе выделили от работы двухкомнатную квартиру.

Счастливица, она оказалась последней, кто получил жильё от государства бесплатно. Вскоре она его приватизировала.

Наташа с Вадиком жили свободно, размеренно и спокойно. Мать и бабушка смирились с потерей любимого Вадички и частенько навещали супругов. Хаживали и те к родным ответно. Всё было мирно, лишь иногда из уст бабушки проскальзывало сожаление по поводу того, что у Вадика могла быть лучшая участь.

Вадим стал поздно возвращаться домой. Он зачастил в парк. Выглядывал там Ляльку. Подходил к ней, здоровался. А потом они вдвоём бродили по одним и тем же тропинкам, присаживались на скамью. У них было что обсудить.

Сначала они разговаривали о книгах, оба были начитаны сверх всяких возможностей. Потом Лялька рассказывала о себе. Вадим слушал.

О! Как он умел слушать! Он впитывал всю информацию о Ляльке, словно губка. Иногда задавал уточняющие вопросы. Ему всё, до мелких подробностей, было интересно знать о ней.

Ляльке это льстило. И она привыкла к этим встречам и разговорам, как привыкают дети пить целебное молоко, от которого раньше брезгливо отказывались. И она уже не могла обходиться без Вадима, как без собственной сумочки, без которой испытывала дискомфорт, или без шляпы осенью, без пальто зимой.

Словом, без него она тоже начинала чувствовать дискомфорт, и даже раздражение.

И чем дальше развивались их с Вадиком дружеские, как думала она, отношения, тем больше с Максом они отдалялись друг от друга.

Всё чаще стали возникать конфликты, казалось бы, на пустом месте, буквально из ничего, перераставшие в такую огромную лавину, которая всякий раз грозила раздавить их в лепёшки.

Вот и в этот вечер ссора случилась из-за пустяка.

– Где ты шляешься? – грубо сказал Макс, когда Лялька вернулась домой после встречи с Вадимом. – Я тебя заждался совсем.

– На работе, – устало ответила Лялька.

– Что это за работа такая, аж до девяти вечера?! – возмутился он.

– Ну, бывает, ты же знаешь, – миролюбиво сказала она.

– Я знаю! Да, я знаю! Знаю, что пришёл с работы, а жрать нечего! А жёнушка где-то шлёндрает!

– Не заводись, Макс, – предупредила Лялька. – Ты бы мог и сам чего-нибудь придумать и поесть, яйца хотя бы пожарить...

– Сам-сам-сам... Опять сам! А жена мне на что! – заорал он так, что у Ляльки в ушах зазвенело.

И тут уж сорвалась она. Они наорали друг другу много всякой гадости. А потом, в постели, состоялось бурное примирение. Обычное дело.

Ещё эпизод.

– Макс, помой посуду, – просит Лялька.

– Не мужское это дело, – парирует муж.

– А где мужское?

– Деньги домой приносить.

– Но я тоже работаю, Ма-акс! – восклицает Лялька.

Спор продолжается недолго, буквально после нескольких фраз на пол летят тарелки. Потом всё затихает. Макс так и не притрагивается к посуде. Принципиально.

Эти весенние события развивались стремительно, подобно тому, как быстро сходит на солнцепёке снег, стекая бурными ручьями. В конце мая Вадим, при шляпе и при галстукке, появился в дом Ляльки с огромным букетом роз. Он несмело нажал на звонок, потом ещё и ещё раз.

Дверь открыл Макс. Немой вопрос застыл в его склонённой набок голове.

– Вы Макс? – спросил Вадим и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я люблю вашу жену и хочу, чтобы она ушла от вас. Ко мне.

Недоумение, возрастающее на лице Макса с каждой секундой, наконец достигло своего апогея и взорвалось бешенством. Макс стремительно вытолкнул Вадима к лестничному пролёту и спустил с лестницы. Со страшным грохотом тот кубарем скатился вниз.

– Что там? – спросила Лялька, выглядывая из ванной. Она мыла волосы и теперь вышла с закутанной полотенцем головой, похожая на падишаха.

Макс молчал.

Тревога пробежала по лицу Ляльки.

– Что случилось? – переспросила она.

– Я же сказал: ничего особенного... твой милёнок решил посчитать ступеньки.

Ничего не понимающая Лялька стала тормозить Макса.

– Что ещё ты удумал, Макс?..

В дверь позвонили. Макс быстро открыл дверь. На пороге стоял Вадим, бровь его была рассечена, из неё струилась кровь.

– Ах, тебе мало?! – взвился Макс. – Ещё хочешь?!

Схватил соперника за грудки, и они повалились на пол.

Макс наносил удары беспорядочно: куда придётся.

Остолбеневшая было Лялька начала оттаскивать мужа, крича на весь подъезд:

– Макс! Прекрати! Прекрати уже! Я тебе говорю!

Из своих квартир стали несмело выглядывать соседи.

Лялька, крепко ухватив за футболку, тащила мужа, он тянул за пиджак Вадима.

Порвался карман, и из него вывалился паспорт.

Лялька что есть мочи молотила кулаками мужа по спине, он изворачивался, не поддаваясь.

– Прекрати сейчас же! – заорала вдруг Лялька мужу командным звонким голосом. – Вон из дома!

Макс оторопел.

Оторвался от Вадима и налитыми кровью глазами несколько секунд непонимающе смотрел на Ляльку.

– А-а-а! Значит, спелась уже?! – сказал он наконец. – Значит, так вот, жёнушка?!.. Ну и ладно! Совет вам да любовь, как говорится.

Он взял чужой паспорт, полистал.

– Ну что, герой-любовник, махнём не глядя.

Накинул на плечи ветровку и вышел из дома, насвистывая.

Было уже десять часов вечера. Наташа не ложилась спать, ожидая своего мужа. Вадим всё не шёл. Она уже стала переживать. А не случилось ли чего?.. Как неприкаянная, слонялась из угла в угол, не находя себе места.

На столе стояла ваза с пирожками с картошкой и курицей – Вадим очень любил кулебяки, да и всю её стряпню. Наташа умела и любила вкусно готовить. Со временем это превратилось у неё в своеобразное хобби. Она доставала рецепты и старалась изо всех сил чем-нибудь удивить мужа.

Вадим относился к этому, как к само собой разумеющемуся. Не ценил. Да Наташе не так и важна была его похвала, главное, чтобы он был сыт и доволен. Она любила, подперев щёку ладошкой, смотреть на мужа, наблюдать, как он поглощает пищу, приготовленную её руками.

Ещё она любила заниматься рукоделием. Этому её научила матушка, деревенская рукодельница и большая труженица, выросшая в многодетной семье. Мама Вера многому её научила в жизни. И сама, родив троих, воспитала их трудолюбивыми и добропорядочными людьми.

Наташина мама работала в детском саду няней. Эта добрая, ласковая женщина любила детей и умела с ними ладить.

И малыши тянулись к ней, называли её не иначе как мама Вера. Наташа была точной копией своей мамы как по душевным качествам, так и внешне: такая же добрая, приветливая и большеглазая.

Отец Наташи, Виктор Николаевич, тихий, нескандальный трудяга, никогда ни на кого голоса не повышал, всю жизнь проработал водителем, сначала на грузовой машине доставлял разные грузы по месту назначения, развозил работяг по полям. Когда началась перестройка, пересел на легковой автомобиль, стал возить начальство. Николаич, так называли его все деревенские, безотказно во всём помогал соседям, да и дома ни минуты без дела не сидел: то мотоцикл свой старенький чинил, то из дерева чего-то мастерил. Ну и по хозяйству, по огороду – вместе с матерью управлялись. И дети возле них кружились, с малых лет к труду приучались. Никто их особо не заставлял, они сами, глядя на родителей, брались за дело. Интересно же!

И в школе у Наташи всё шло тихо и гладко. Она была прилежной, старательной ученицей. Училась хорошо. Не любила лишь один предмет – физкультуру.

Среди сверстников Наташа ничем особенным не выделялась, разве что рисовала хорошо, а потому была в составе редколлегии стенной газеты. На поведение девочки учителя никогда не жаловались. Но как-то её и не замечали: ни учителя, ни сверстники. Пришла – хорошо. Не пришла – никто и не расстроится. Просто жила такая тихая, скромная, хорошая девочка, сама по себе.

Но её это совсем не удручало. Ей не было скучно самой с собой. У неё был богатый внутренний мир. И пускай читала она не так много. Зато глубоко.

И всё у Наташи шло по плану, как по маслу. После окончания средней школы поехала в город, поступила в медицинское училище, окончила с хорошими отметками. И устроилась в детский сад медработником. Именно в детсаде она и хотела работать по примеру мамы, с детьми, которых тоже любила и

умела находить путь к детскому сердечку. Малыши отвечали ей взаимностью, они ведь чувствуют: где искренность, а где притворство.

Здесь, в садике, она встретила и свою, как считала, судьбу. И всё было замечательно, жили спокойно, размеренно, понятно...

А в последнее время что-то сломалось в этой отлаженной системе, что-то пошло не так во Вселенной под именем «Наташа плюс Вадим». Она никак не могла постичь: что именно? И это тревожило её всё больше и больше. И она над этим постоянно размышляла, особенно вечерами. Когда ожидала Вадима.

Может, это оттого, что не родила ему ребёнка?.. Да он и не просил. Но не был и против! Когда она однажды завела об этом речь, он согласился, что да, конечно, в семье должны быть дети. Но как-то так он говорил об этом... равнодушно, что ли. Или просто ей показалось. Но она больше эту тему не поднимала. Он тоже молчал. И она всё не решалась.

А зачем?.. Он ведь и сам как ребёнок, размышляла Наташа. Несамостоятельный. Неумеха, по большому счёту. Гвоздь, как говорится, не может забить. И все вопросы, чего бы это ни касалось, Наташе приходилось решать самой.

А ей хотелось рядом сильное мужское плечо, чтобы за неё вопросы решали. А она просто хранила бы семейный очаг. В глубине души, где-то на самом доньшке, пряталось понимание того, что ей больше нравится быть введомой, а не вести за собой.

Эти мысли, обрывочные, корявые, выплывали из подсознания лишь на мгновение, тут же вспыхивали, как огонёк, и исчезали безвозвратно. Она фанатично верила в то, что Вадим предназначен ей судьбой, что он любит её и что любовь взаимна. И это навечно. Навсегда.

Длинный, беспрерывно и требовательно свистящий звонок в дверь оторвал её от грустных мыслей, заставив подскочить со стула.

Наташа испугалась. Вадим так не звонил.

Она почти бегом помчалась к входу, моментально распахнула дверь. И... одеревенела, испытав настоящий шок.

Перед ней стоял незнакомец: высокий синеглазый красавец! Настоящий Аполлон. Роскошный и холодный. На Наташу прямо повеяло холодом от него.

Она растерянно стояла и какую-то долю секунды молча взирала на незнакомца, пытаясь понять, что ему тут нужно, и ожидая объяснений.

Мужчина, не дав хозяйке опомниться, грубовато отстранил её и проник внутрь. Сбросил туфли, кинул на вешалку куртку, которая на самом деле была совершенно непохожа на мужнину (как она могла так жестоко ошибиться?)

Незнакомец меж тем бесцеремонно, по-хозяйски, зашёл в кухню, сел за стол, взял пирог и начал есть, проурчав себе что-то под нос. И ещё раз громче:

– У-у! Вкусно!

Наташа, словно сомнамбула, проследовала за ним. Она никак не могла выйти из ступора.

– Кто вы?.. Что происходит? – спросила она, немного придя в себя.

– Я – Макс. И я буду жить здесь, – лаконично ответил он, продолжая аппетитно уплетать пирожок.

– Не понимаю... Почему вы так себя ведёте?.. Что вам вообще здесь нужно?

– Чего непонятного-то? Я же, кажется, ясно выражаюсь.

– Как вы вообще смеете врыватья в чужой дом?.. Я сейчас в милицию позвоню.

– В полицию, – уточнил он.

– Да куда угодно. И муж скоро придёт...

– Муж?! Му-у-уж!!! – зло закричал Макс, он сейчас ненавидел эту серую мышь так же сильно, как ненавидел Вадима и свою жену Ляльку. И ему хотелось как можно больнее ударить. – Какое заблуждение! Вот тут-то вы, милочка, глубоко-о-о ошибаетесь! Ваш муж объелся груш!

– Что вы себе позволяете!

– Твой муженёк переехал к моей жене. – Макс неожиданно перешёл на «ты». – А я переезжаю к тебе. Логично?.. По-моему, очень даже... А где же ещё прикажете мне жить?..

– Ничего не понимаю, – пробормотала Наташа, опустившись на стул. У неё буквально подкосились ноги. Если бы не стоял рядом стул, она села бы прямо на пол.

– Ну какая же непонятливая, – досадливо сказал Макс. – Объясняю ещё раз, последний, специально для непонятливых. Твой муж... Вадим, кажется? – Наташа непроизвольно мотнула головой. – Так вот, твой муж Вадим спит сейчас с моей женой. В моей квартире. В моей постели. А я буду жить у тебя. Спать в его постели. По-моему, всё более чем логично.

Наташа застыла, словно изваяние, с каменным лицом.

Макс больше не обращал на неё никакого внимания. Он ел так, будто вообще никогда в жизни ничего не ел. Зло, остервенело. Будто хотел едой заглушить Змея Горыныча внутри себя, который жёг его ярим пламенем.

Наконец, насытившись, он промокнул полотенцем рот, вытер руки и медленной развязной походкой подошёл к Наташе. Склонился над ней, обхватив её голову руками, посмотрел в упор.

– Ну что, Мышка, пойдём спать! Где наше брачное ложе?..

Наташа потеряла сознание. Её тело мягко сползло на пол.

Потрясённый Макс побелел. Казалось, вся кровь отхлынула от лица. Он наклонился над женщиной, пощупал пульс, пульса не нашёл, послушал сердце, приложив ухо к груди. Сердце билось медленно и глухо.

Макс ещё больше перепугался, метнулся к телефону, вызвал скорую. Вернулся к распластанной женщине и попытался привести её в чувство. Нашёл на полке нашатырный спирт, намочил клочок ваты, которую нашёл тут же, в шкафчике, и поднёс к носу Наташи.

От резкого запаха она очнулась. Открыв глаза, увидела сквозь дымку тумана руку, машущую перед носом ваткой.

Нашатырь, догадалась она. И снова отключилась.

Макс налил воду в стакан, набрав в рот, брызнул Наташе в лицо.

Не среагировала.

Потряс за плечи, несильно.

Ноль эмоций.

Он подхватил обмякшее, но не очень тяжёлое тело, перенёс в спальню и положил на кровать.

Бригада скорой помощи на счастье приехала быстро. Доктор, пожилой дородный мужик, осмотрел Наташу. Медсестра поставила укол. У доктора оказались нужные лекарства, он дал несколько таблеток Максусу, выписал рецепт и наказал, чтобы он сбегал в аптеку, когда больная придёт в себя.

Очнувшись в постели, Наташа не могла понять, как очутилась здесь.

– Вот, попоите её этим лекарством дней семь. – Услышав незнакомый хриловатый мужской голос, Наташа с трудом повернула голову в ту сторону, откуда исходил звук, и увидела, словно в тумане, очертания ангела, даже крылышки белые показались ей.

Она крепко зажмурила глаза и вновь открыла их.

Очертания предметов приобрели свой истинный облик. Зрение сфокусировалось на... оказалось, это доктор в белом халате и накрахмаленном колпаке.

– И больше гуляйте, – продолжал доктор. – Вашей супруге необходим свежий воздух и движения. Уж больно она чувствительная, как барышни в XVIII веке. Её нельзя расстраивать. Стрессы ей противопоказаны. Вы поняли меня, молодой человек?

– Да-да, конечно. Все ваши рекомендации выполним, будьте спокойны.

Доктор ушёл. Макс вернулся в комнату и присел на стул напротив кровати.

Заметил, что Наташа пришла в себя. Пересел на кровать в ноги к ней. Мягко спросил:

– Как ты?..

Наташа молчала. Она смотрела как бы мимо него, уставившись в одну, казалось, очень далёкую точку.

– Может, чего-нибудь хочешь?.. Водичку принести?

Отрицательно покачала головой.

– Ну ладно, отдыхай. Утро вечера мудренее. Я в соседней комнате на диване подремлю. Если понадобится чего, зови.

Когда он проснулся утром, Наташи уже не было. Он быстро оделся, выпил чашку кофе и пошёл на работу.

Наташа в этот день была так же приветлива с коллегами и ласкова с малышами. И только её напарница, пожилая медсестра Ольга Павловна, заметила некоторую отрешённость Наташи, не свойственные ей минорные нотки в голосе.

– Что-нибудь случилось, Наташа?

– Нет. Всё в порядке, Ольга Павловна.

Но та не поверила и нет-нет да поглядывала в её сторону с беспокойством.

Наташа была закрытым человеком, но добрым и спокойным, да и работала хорошо. За это и ценила её Ольга Павловна, с теплом относились к Наташе и коллеги. Тянулись к ней, делились своими проблемами. Плакались, как говорится, в жилетку. Она выслушивала, подбадривала. Но никогда и никто не слышал от неё никаких откровений. Её личная жизнь, и вообще жизнь, была от посторонних закрыта на замок.

Вернулась домой Наташа, как обычно, часиков в семь вечера. По привычке зашла на кухню, надела фартук и машинально, по привычке же, приготовила борщ. После случившегося накануне потрясения она никак не могла внутренне оправиться. Она просто забыла, что Вадим от неё ушёл. Делала всё на автомате.

В дверь позвонили. Открыла.

– Можно? – спросил Максим.

– Проходите, – ответила она.

Он вошёл, пряча свою робость за развязностью, поздоровался. Присел за стол на кухне.

– Я голоден, – угрюмо пробурчал он.

Наташа молча налила тарелку борща. Поставила на стол подогретые, оставшиеся после вчерашнего пиршества пирожки, налила чаю и ушла к себе в спальню. Легла и уснула мёртвым сном. Утром ушла на работу рано.

С Максом они опять не встретились. Он проснулся на своём диванчике намного позже. Встал. Принял душ. Выпил чашку кофе. И ушёл, захлопнув за собой дверь.

Так продолжалось с неделю. Жили в квартире рядышком два чужих человека. Соседи. Наташа ходила по собственному дому, словно тень.

Однажды Макс спросил её:

– Как-то не очень хорошо получается. Живём под одной крышей, словно чужие? Тебя как звать-то?

– Наташа.

– На-та-ша, – протянул он. – Похоже на тишину. Ты такая тихая. Как мышка... Я понимаю, тебе плохо. Мне ведь тоже не очень-то хорошо. Но как-то ведь надо дальше жить. Того, что было, уже не будет. Он не вернётся...

Наташа вдруг горько разрыдалась.

Он прислонил её к своей груди, она уткнулась в него и шмыгнула носом.

– Не переживай, всё будет хорошо. Всё наладится, – сказал Макс и погладил её по тёмно-русой голове, волосы оказались мягкими как пух.

Макс и сам не заметил, когда трансформировалось его восприятие действительности.

Он не понимал, как его первоначальные представления стали диаметрально противоположными теперешнему взгляду на всё.

Он осторожно, словно хрупкую статуэтку, обнимал ещё вчера чужую ему женщину, испытывая к ней нежность, перемешанную с жалостью. Совсем ещё недавно он ненавидел Наташу вместе с её бывшим мужем, который так нагло увёл у

него жену. Его раздражало в ней всё! Манера ходить бесшумно, худоба, невыразительное лицо и особенно этот хвостик, перетянутый резинкой. Он смотрел на неё с презрительной гримасой и думал про эту парочку, представляя их вместе: наверное, мухи дохнут от скуки.

Она казалась ему серой мышью. Совершенно невзрачной, некрасивой, просто дурнушкой. Но постепенно в течение этой недели, что они вместе, его отношение к Наташе поменялось.

Сначала он с удивлением заметил, что ему нравится приходить в этот дом, а его раздражение исчезло куда-то бесследно. Напротив, теперь он испытывал чувство удовлетворения, внутреннюю гармонию и покой, чего никогда не было рядом с Лялькой.

С Лялькой всегда было как на вулкане. С Наташей – как в тихой бухте.

Макс был поражён этим своим открытием.

Потом неожиданно для самого себя он посмотрел на Наташу совсем с другой стороны и обнаружил, что она вовсе не дурнушка.

Первое, что поразило Макса в ней, были глаза – огромные, тёплые, похожие на опавшие осенние листья. И худоба её обернулась стройностью, почти девичьим сложением.

Невзрачной была одежда, скрывавшая все её пухлости и мягкости. На ощупь Наташа оказалась вовсе не деревянной.

Макс даже в дурном сне не мог себе представить, что ему могут нравиться такого типа девушки, женщины. Он с самого детства был словно ураган, сорви голова. Заводила всей деревенской детворы. Его отец, глава сельского поселения, смотрел на безобидные, в общем-то детские шалости сына и его команды сквозь пальцы. Он понимал, что в запретах и наказаниях не вырастишь свободную сильную личность. А без этого в мутные 90-е, когда казалось, что беспределу не будет конца, не выживешь. Оно и в любое-то время парень должен уметь постоять за себя, считал Игорь Петрович Скоблев.

Мать, Ирина Николаевна, была даже строже, чем отец. Она работала в сельском муниципалитете бухгалтером, гордилась своими математическими способностями и тем, что в школе и в институте была отличницей. Возможно, потому и от сына требовала серьёзного отношения к точным наукам и другим дисциплинам. Таким образом, каким бы сорванцом ни рос Макс, учеником он был примерным.

Домашние задания тоже делал на раз-два – природа не обидела способностями. В основном запоминал во время уроков, а потому дома сильно не утруждал себя занятиями. Бросив портфель и перекусив чего-нибудь на бегу, выскакивал во двор. Азартно гонял с пацанами мячик по полю, играл в волейбол. К юношескому возрасту он вытянулся, окреп.

Макс участвовал во всех соревнованиях по всем видам спорта и везде достиг определённых результатов. Как в командных – волейбол, баскетбол, так и в одиночных видах – лыжи, например. Лет с 15 увлёкся восточными единоборствами.

Он был атлетически сложен. На него стали заглядываться девушки. Он пользовался этим направо и налево. Менял девушек как перчатки. Но ни к одной не прикипал сердцем, пока не встретил Ляльку в первый же день обучения на юридическом факультете университета, куда поступил вопреки прогнозам педагогов, прочивших ему спортивную карьеру.

Макс влюбился в Ляльку с первого взгляда. И с самой первой встречи они уже не расставались никогда, до сей самой поры.

Он отдавал себе отчёт в том, что их жизнь с Лялькой не была идеальной. И душевного покоя с ней не было никогда. Она всё чего-то требовала от него, он сопротивлялся как мог. У них шла постоянная война: кто кого. Макс был Лев по гороскопу, Лялька – Львица. Они, как две одинаково заряженные частицы, как два лидера, отталкивались друг от друга. Но в то же время их тянуло друг к другу с невероятной силой. Притяжение было такое, что искры летели вокруг.

Нужно ли это ему, Макс? Эта мысль посетила его только что. Оказывается, есть другая жизнь, спокойная, размеренная, с борщами и пирогами.

Оказывается, есть на свете другие женщины, тихие, покладистые, жаждущие предупредить любое твоё желание, мечтающие подчиняться.

Вернее, есть Наташа.

Теперь в этом имени Макс слышался шорох опавших листьев и запах осени – начального её периода, прекрасного, в переливах цветов от жёлтого до багряного.

Наташа – осень. Лялька – весна, с бурными потоками ручьёв, с птичьим гомоном, с весёлой зеленью и солнечным сиянием.

Макс поймал себя на том, что постоянно сравнивает этих двух женщин. Они стоят у него в глазах, будто на двух противоположных чашах весов, и ни одна не перевешивает.

Она всё ещё ему дорога, Лялька. Он никак не мог выбросить её из головы и из сердца.

Сейчас в нём боролись два чувства. Одно, уходящее, сопротивлялось. Другое, новое, наступало требовательно.

Что есть любовь?.. И почему её обожают люди?..

Нет, о такой категории, как любовь, Макс не думал. Он думал о двух женщинах. Совершенно разных. Но почти одинаково дорогих ему. Одну он любил. Со всей страстностью своей природы. До изнеможения, до доньшка. Почти 15 лет!

Другая... уже была ему дорога.

Любил ли он её?.. Этого он не знал.

– Лялька, привет! – сказал Макс в трубку обычным голосом, будто ничего в их жизни не произошло.

– Привет. – Лялька, казалось, оторопела от неожиданности.

– Как поживаешь, вернее, поживаете?..

– Да, в общем, нормально, – после некоторого замешательства ответила она. – Как ты?! Где?.. Почему так долго не звонил?.. – сыпала Лялька вопросами, не дожидаясь ответа. Вполне в своём духе.

– Да в целом тоже ничего себе.

Лялька молчала. Переваривала информацию.

«Она, наверное, думает, что я ей в ножки упаду, буду плакать и умолять или приду скандалить и снова спущу с лестницы её малахольного избранника. Нет уж, дудки! Не дождёться!» – эти мысли молниеносно пронеслись в голове Макса.

И он почувствовал себя удовлетворённым.

– Нам надо встретиться, поговорить.

– Хорошо. Где?

– Выбери сама.

Макс знал: что бы он ни предложил, её не устроит, она будет наперекор предлагать своё. А ему сегодня бодаться совсем не хотелось.

– Ну ладно, – согласилась она. – В кафе «Либерти» в «Сити Молле», в конце рабочего дня.

– Пойдёт.

Он пришёл с букетом её любимых роз, чайных. Она уже сидела за столиком у окна и грустно смотрела в одну точку. Видимо, готовилась к тяжёлому разговору.

Она его не видела. Подошёл почти вплотную, протянул букет.

– Тебе!

Вздрогнула, приняла. По взгляду понял: оценила.

Он был в обтягивающей его сильной торс белой футболке и светлых бежевых брюках, сидевших на нём идеально. Одежду он приобрёл накануне в модном бутике.

– Хорошо выглядишь, – сказала она.

– А ты удивлена?

– Давай не будем ссориться с порога.

– Ну ладно, – согласился он. – Извини. Ты тоже выглядишь на все сто!

Постаралась, подумал, чтобы больше зацепить. Вот, мол, красота какая! И не твоя! На Ляльке – лёгкое платье цвета топлёного молока, с глубоким вырезом впереди, открывающим все её прелести. Стройные ножки, сложенные одна на другую и

выставленные, словно на показ. Ну, не могла она обойтись без этих штучек! В этом вся Лялька. Любила кокетничать и соблазнять. Любила, чтобы вокруг все штабелями ложились. А она бы по ним шпилечками – цок-цок.

– Мне надо забрать свои вещи, – сказал он слегка охрипшим голосом. Всё-таки удалось ей вывести его из равновесия.

– Что так скоро! И куда? – вырвалось у неё.

– А ты бы хотела, что б иначе?..

– Нет-нет, – смутилась Лялька, – то есть я хотела сказать...

– Не оправдывайся, – остановил он и, тяжело вздохнув, продолжил доверительным тоном: – Ляль, давай поговорим откровенно.

– Давай, – согласилась притихшая Лялька.

– Тебе с ним хорошо?.. Ты его любишь?..

– Люблю ли я Вадима?.. Не знаю. Хорошо ли мне с ним?.. Знаешь, Макс, мне с ним... по-другому. Мы с тобой вечно спорили, ссорились. А с ним так спокойно. Он предупреждает все мои желания. Я чувствую себя с ним королевой. Я королева, а он – моя свита. Мне это важно. Моей энергии, моих идей хватит на двоих. Мне нужно вот это его обожание. – Лялька взглянула на Макса виновато. – Ты прости меня, Макс. Я точно знаю, что любила тебя (любила! – эта временная форма глагола не ускользнула от него, резанула слегка). Но... я не знаю, что со мной... А ты? Ты где остановился?

– У Наташи, жены Вадима.

Увидел, тоже резануло её. Отметил, значит, не равнодушна совсем.

– Запуталась я. И что теперь делать, а? Макс?

Опаньки! Чтобы Лялька? Не знала? Что делать?

– Ляль. – Он положил ладонь на её руку, отметив мельком обручальное кольцо на пальце (не сняла!). – Давай попробуем пожить отдельно.

Умом он понимал всю нелепость произнесённой фразы. Они ведь уже жили отдельно. Но Лялька поняла, что он хотел

этим сказать. Кивнула. Подтёрла со щеки скатившуюся огромную, что алмаз, слезу.

– Мне только вещи надо забрать.

– Да-да, конечно. Приходи. В любое время. Но лучше днём, когда нас не будет дома. У тебя ведь остались ключи.

– Конечно.

Они ещё посидели немного, выпили по чашечке кофе под песню Валерия Меладзе «Притяженья больше нет». Макс расплатился. И они вышли из кафе вместе под ручку на зависть официанткам. «Какая красивая пара!» – повисла в воздухе чья-то реплика.

Первое, что он сказал, обнимая её:

– Ты мне нравишься, Наташка. Моя Наташка.

А примерно через год у них родился сын – точная копия Макса.

Лялька спешила на встречу с подругой детства Надей. В «Сити Молл». Условились в обеденный перерыв. Лялька запаздывала. Она едва вырвалась из дома. Ещё издали увидела махавшую ей подругу, которая сидела за тем самым столиком. За тем самым, около которого Лялька встретилась с Вадимом. С этого именно места и началась точка отсчёта, развернувшая её жизнь на 180 градусов.

– Лялька! Привет! – заорала Надюха ещё издали. – Прекрасно выглядишь, – добавила, осматривая подругу с ног до головы. – Как? Ну скажи, как тебе это удаётся?

– Гены, – сказала Лялька.

– Ага, Пети, Васи, Коли... – звучно захохотала Надя.

– Ну да, – поддержала её звонким смехом Лялька.

Так сидели две женщины и самозабвенно смеялись, до слёз.

– Как живёшь-то, Лялька? – спросила наконец остановившаяся Надя.

– Хорошо живу, Надя, – просто сказала Лялька.

– Ты, мать, конечно, всех удивила, до смерти. До сих пор никто не может понять: как ты, красавица, королева, могла бросить такого же, тебе под стать, красавца Макса и уйти к этому... не очень выразительному мужику?..

Лялька сидела, задумавшись, сложив руки крест-накрест.

– Не знаю, как тебе и объяснить, подруга, боюсь, не поймёшь....

Надя поджала и без того тонкие губки.

– Да не обижайся, – улыбнулась Лялька. – Я и сама не могу этого объяснить. Просто мне с ним хорошо и спокойно. Нам вместе хорошо, понимаешь?.. В семье должен быть один командующий. В нашей – это я.

Лялька опять ненадолго задумалась. Они с Вадимом уравновешивают друг друга. У них никогда не бывает ссор. Он подчиняется ей, она – руководит. Она даёт ему уверенность в себе, он – даёт ей необходимое тепло. Она ему и нянька, и мамка, и всё вместе взятое. И это обоим нравится. Ей – командовать, ему – подчиняться.

– Ой, Лялечка! Как хорошо, что ты пришла.

– Мне пора, – сказал Лялька, поднимаясь с места. – Софочку надо кормить, да и Вадим должен идти на работу, у него обед уже закончился.

– Ты забегай, – крикнула почти вдогонку Надя.

– Постараюсь, – пообещала Лялька и даже не обернулась, спеша к своему мужу, к своей крохотульке дочке – точной копии её самой.

20 марта 2017 года.

Красиво жить не запретишь

Лёгкий летний ветерок гулял по саду, шелестел кустами сирени и смородины, заигрывал с ветвями деревьев, забегал на открытую веранду, выскользывал через узкие щели дачных ворот на улицу и там продолжал веселиться, гоняя забытый кем-то целлофановый пакет.

Праздничный стол накрыли под самой яблонькой, посаженной и выращенной заботливыми хозяевами. Светлана и Виктор Громовы – оба родом из деревни, хотя давно уже стали городскими жителями. Отучившись в политехе, работали на заводе инженерами. Всё у них в жизни складывалось хорошо, по плану. И квартиру двухкомнатную получили от завода, как многие семьи советского времени. И двоих детей вырастили. И дачей этой обзавелись сразу, как только появилась возможность.

Сегодня Громовы праздновали день рождения Светланы. Как всегда, на даче собралась обычная компания: школьная подруга Светланы, Зоя, и три семейные пары – приобретённые по жизни друзья. Да ещё дальняя родственница Виктора Наталья со своим мужем, они были моложе остальных, их юность выпала на шальные, как говорят теперь, девяностые. Была и молодёжь – дети и внуки собравшихся – от 16 до 20 лет.

Посидели хорошо, весело. Закуски было много, пили мало. Шутили, вели непринуждённые разговоры, как это бывает в давно сложившихся компаниях. Плясали под ритмичные мелодии отечественных и зарубежных исполнителей, пели под гитару.

Незаметно спустились с небес сумерки. Притихли слегка уставшие и разморённые гости, настроенные на лирический лад, и сама природа, кажется, замерла перед наступлением

ночи, дыхание которой уже ощущалось. И только слышно было стрекотание цикад.

– А как нынче молодёжь поживает, чем дышит? – прервал повисшее было молчание Борис – грузный седовласый мужчина, старый друг Громовых, выбившийся в начальники. Не смотря на жару, он был в рубашке тёмно-синего цвета и при галстукке.

– Живём помаленьку, дядь Борь, – ответил за всех юных голубоглазый красавец Жека, как его называли в своём кругу.

– Вот именно, что помаленьку, – буркнул недовольно Борис. – Я в ваши годы уже на заводе пахал, и семью завёл, и ребёнок у нас уже родился... А вы всё – по-ма-лень-ку. Эх вы!.. Молодёжь...

– Боря, не заводись, – осадила его жена Клава, полная противоположность мужу – худая и длинная, как жердь.

– Дядь Борь, мы же не лохи какие-нибудь, – заступился за товарища коренастый Сергей, буравя оппонента маленькими смышлёными глазами. – Семья и всё такое... это будет. Со временем. А пока нужно брать от жизни всё! Всё, что она, жизнь, может тебе предложить. Нужно насладиться свободой. Правда ведь, Веруня? – Он приобнял очень привлекательную и хорошо одетую девушку с пышной грудью.

Вера передёрнула плечами и отмахнулась от него. По молодёжной компании прокатился смешок. И непонятно было, поддерживают они точку зрения своего приятеля или нет.

И тут вдруг в разговор вступила стоявшая в сторонке Наталья.

– Хотите взять от жизни всё, говорите?! – выступила она вперёд. И все невольно залюбовались статной женщиной с чистым, без единой морщинки лицом, синие глаза которой горели факелом. – Вот я вам расскажу сейчас историю, применительно к девизу: «Бери от жизни всё!», – продолжила она, – а вы уж потом сами судите: что да как...

...Мы, три девчонки, приехали в город из соседних деревень поступать в педагогический институт. Жили абитуриентами в одном общежитии: я и две неразлучные подруги – Ольга и Тамара. Так получилось, что мы все завалили один и тот же экзамен – историю. Что ж было делать? Забрали документы и устроились на моторный завод. Нам дали места в общежитии. Меня определили в четырёхместную комнату на третьем этаже, а подружки мои по несчастью поселились напротив, в двухместном номере. Тут-то и выяснилось, какие они всё же были разные. По всему: не только по внешности, но и по внутреннему содержанию. И главное – по отношению к жизни.

Тамару, а вернее Томку, как называли её в общежитии, как подменили. Из такой же скромной девочки, как Ольга, она превратилась в женщину-вамп. Покрасила волосы в жгуче-чёрный цвет, даже с каким-то синеватым оттенком. В отличие от нас стала пользоваться дорогой косметикой. Подводила глаза чёрным карандашом, наносила зелёные тени, подкрашивала длинные ресницы качественной тушью, отчего они становились ещё длиннее, доставая почти до смолистых, красиво изогнутых бровей. Вдобавок ко всему она красила губы темно-красной помадой.

Прелестно сложена, роста хотя и среднего, но тонкая в талии, с красивыми ногами и аккуратной грудью. И одевалась модно: короткие юбки, стильные куртки... И это в наше-то время, время сплошных дефицитов!..

Она была очень красивая, Томка. Просто роковая женщина! Парни так и липли к ней.

Рядом с рабочими общагами располагалась ментовская, извините, школа. Так эти молоденькие пацаны бегали в наше общежитие к девчатам. У кого-то и серьёзные отношения случались, а кто-то так, позабавиться, поразвлечься хотел.

На Томку западали вполоборота, толпами ходили за ней. Она получала столько внимания! Мы даже не сомневались в том, что она выберет самого лучшего парня – возможность у

неё была. Уж кто-кто, а она устроиться в жизни сможет. Меняя мальчиков как перчатки, Томка жила легко, весело, будто и не задумываясь о завтрашнем дне. Когда она запиралась в комнате с очередным ухажёром, Ольга приходила ко мне, сетовала на подругу. Не нравилось ей Томкино поведение.

«Томка, что ты делаешь со своей жизнью?!» – спрашивала Ольга подругу.

Та лишь отмахивалась и смеялась в ответ.

«Ничего вы, девчонки, не понимаете», – говорила она.

А ещё любила повторять:

«Один раз живём на свете. Надо брать от жизни всё!!! Надо прожить её так, чтобы не было мучительно больно...» – дурачилась она и заливисто, звонко хохотала.

Так что и мы уже иногда начинали сомневаться в выбранных ценностях.

Несмотря на свободу и жизнь рядом с такой раскованной подругой, как Томка, серая мышка Ольга так и осталась «девочкой из деревни».

Через некоторое время на неё обратил внимание Николай – худенький паренёк из соседнего цеха. Ничего особенного, Томка бы на такого и не взглянула даже.

Они стали дружить и вскоре поженились. Кстати, Николай оказался хорошим человеком из приличной семьи.

А я поступила в институт и уехала из рабочего общежития. Долгое время я вообще ничего не слышала о своих подругах.

Но вот однажды я встретила Ольгу, у которой к тому времени уже подрастали двое симпатичных карапузов. Она насколько не изменилась, не испортило материнство ни её фигуры, ни характера. По-прежнему спокойно глядела она на мир небольшими, но такими яркими от внутреннего света глазами, что на неё было радостно смотреть. Что муж хороший достался, определить можно было сразу – по всему Олиному виду, по счастливому выражению лица, по тому, с каким достоинством и в то же время радушием она держалась.

Начались расспросы: что да как. Вспомнили то время беззаботное, когда мы были совсем юными. И Томку. И вот что рассказала мне про неё Ольга.

Один из мальчиков-милиционеров влюбился в Томку до беспамятства, ходил за ней по пятам, прощал ей всё. А она помыкала им, смеялась над его чувствами: то приблизит его, даст надежду, то грубо прогонит. Парень чуть жизни из-за неё не лишился, но нашлась какая-то девушка, отогрела его своей любовью, спасла.

Случилось и Томке влюбиться, да так, что дыхание у неё перехватывало. Теперь уже она ползала у ног возлюбленного, вымаливала любовь... И теперь уже он смеялся над ней. Да к тому же оказался наркоманом. Не знаю уж, как там у них происходило, только Томка вроде бы тоже начала принимать наркотики. Парень тот умер. На Томкино счастье, хоть и грех так говорить.

Вроде утихомирилась она. Потом, ходили слухи, за богатого замуж вышла. Одевалась, как королева, из-за заграницы не вылезала... Красиво жила. Жизнь вроде бы наладилась, всё было так, как она мечтала. А потом что-то там случилось, развелась она с олигархом. Но быстро нашла ему замену, при её-то красоте одна никогда не останется.

Она по-прежнему была на высоте. И следовала своей заповеди брать от жизни всё.

– Я слышала, – сказала Ольга, – что и с другим мужем ей не пожилось.

Да, не повезло нашей красавице с мужьями, повздохали мы с подругой юности.

– Да что за неё беспокоиться? Кто-кто, а Томка справится! Вот увидишь, найдёт она своё счастье! – успокоила меня Ольга.

Вот и всё, что я узнала. А потом дорожки наши опять долго разошлись. Ольгу-то я больше и не встречала ни разу. Слышала, что всё у неё хорошо. Дети уже выросли, выучились. И у них всё нормально.

И вот недавно, буквально года два назад, я ездила в родную деревню к родителям. Вдруг слышу, кто-то меня окликает:

– Наташа!

Я обернулась, подходит ко мне старушка какая-то – худая вся, лицо испитое, всё в глубоких морщинах – и говорит:

– Здравствуй, Наташа!.. Неужто не узнаёшь?..

Я мучительно вглядывалась в потёртые жизнью черты, и что-то в них было до боли знакомое... Но узнать я не могла.

Тогда она сказала в отчаянье:

– Это же я, Томка...

Честное слово, поверить этому я не могла. Настолько она не была похожа на себя прежнюю. Я никак не могла понять: куда же красота её делась?! И не изработалась ведь, жила в своё удовольствие. А вот поди ж ты... Я просто лишилась дара речи от такого несоответствия прошлого настоящему.

«Господи, – подумала я, – а мы ведь ровесницы!..»

Наверное, на моём лице отразилась вся гамма чувств, растерянность... потому что Томка криво усмехнулась и сказала:

– Что ж ты так смотришь?.. Жалеешь меня?! А не надо меня жалеть! Пускай я прожила – а я уже прожила – короткую, но красивую жизнь. Я получила всё, что хотела! Я была на такой высоте, что вам и не снилось! А вы-то что видели?! Дети? Дом? Работа? И это жизнь?! – Она горько как-то ухмыльнулась, развернулась и, сторбившись, пошла прочь.

А я стояла и смотрела ей вслед. И не могла произнести ни слова.

Потом я узнала новые подробности из жизни Тамары. В браке с олигархом она жила припеваючи, родила двоих детей. Да бросила его, даже дети не остановили её! Убежала на Канары со смазливym партнёром мужа, влюбилась, говорят, вот и снесло ей башню-то. Муж поначалу сильно переживал, умолял её вернуться, да куда там! Разве Томку остановишь в поисках красивой жизни. Он развёлся с ней и женился на обычной, совсем домашней женщине, которая и воспитыва-

ет теперь Томкиных детей. Томка молодца того бросила ради очередного толстосума и красивой жизни, но вскоре тот бросил её, и она связалась с пьющим. Он и приучил Тому к спиртному, алкоголизм быстро сломил её. Так наша Томка сначала выбирала шикарных и богатых, но жизнь ни с кем построить не смогла, а в погоне за «Бери от жизни всё!» и то, что было, растеряла.

Возможно, она и взяла от жизни всё. А вот унести не смогла – состарилась до срока. И стоило ли оно того?..

...Над верандой, со всех сторон окутанной плотной тьмой, нависла тишина. Призадумалось старшее поколение, притихла и молодёжь. Ещё сильнее стало слышно, как стрекочут цикады да залиvisto и нежно (завораживающе!) поёт соловей о любви и красивой жизни.

И вдруг налетел внезапный порыв ветра, он зацепил стоявший на краешке стола хрустальный бокал с вином и с размаху грохнул его об пол. Хрусталь с красивым прощальным звоном рассыпался на мелкие стёклышки, заставив вздрогнуть чувствительных дам.

– На счастье! – сказала хозяйка и, улыбнувшись мужу, принялась убирать со стола грязную посуду.

Все оживились и засобирались на ночлег.

15 июля – 4 августа 2016 года.

Страшная месть

– Уби-и-ли... Убили... Мою жену убили, – снова и снова повторял тщедушный мужичок, медленно и тяжело бежавший по сельской улице. Редкие прохожие в этот предобеденный час шарахались в стороны и с недоумением смотрели на нарушителя тишины. Сухонькая сгорбленная бабушка Марья развернулась всем корпусом и, сложив седые бровки домиком, проводила внимательным взглядом подслеповатых тусклых глаз пробежавшего мимо неё соседа Василия Блинова.

Возле полицейского участка Василий перешёл на шаг, взойдя на высокое крыльцо деревянного продолговатого здания, остановился на мгновение и, глубоко вдохнув, решительно открыл входную дверь.

Быстро преодолев длинный коридор, ворвался в кабинет к участковому, упал без сил на стул.

Участковый не нашёлся, что сказать на такое вольное поведение, он сурово уставился на посетителя, ожидая объяснений.

– Пётр Игнатьич, – обратился Василий к нему через короткую паузу. – У меня жену убили.

– В смысле, убили?! – не понял участковый.

Он сурово смотрел ледяными серыми глазами на слегка помятую физиономию не старого ещё мужика и думал: «До чего ж довёл себя!»

Василия он знал с малых лет, ведь и неплохой вроде парнишка был, не злобный. После школы на работу сразу устроился, семью, правда, поздно завёл, но всё ж поначалу нормально было. А потом выпивать стал. И сейчас пьян, наверное, или с глубокого похмелья...

– Ты чего несёшь, Василий? Ты в своём уме?! – устало вздохнул участковый.

– Да трезвый я... – махнул рукой мужичок. – Убили мою

Светку, Игнатъич! – сказал горько и запричитал безостановочно: – Что же делать-то теперь! Что я скажу детям?! Как я им скажу, где ихняя мамка-а-а!

– Да погоди ты, погоди, Василий, – попросил Пётр Игнатъевич.

Выдвинув грузное тело из-за стола, он налил из графина в стакан воды и подал Василию.

– На вот, выпей.

Василий жадно осушил стакан до самого доньшка.

– Ну давай, – обратился к нему участковый, – рассказывай всё по порядку. Что случилось? Где Света? Может, ей помощь нужна?..

– Мы рыбачили на речке... вчера... заночевали, – сбивчиво начал объяснять Василий, – я проснулся, а её нету, потом я опять сморился... когда встал, её опять не было рядом... исчезла...

– Ну-у, – облегчённо вздохнул участковый, – может, она в лес ушла за грибами или домой... Ты тело-то видел?

– Я всё вокруг обошёл, нет её нигде... И лодки нету. Она сети хотела проверить... а там мужики были... чужаки... один-то вроде с соседней деревни, а другие вообще незнакомые мне... они, наверное, и убили...

– Какие мужики?.. Постой-постой, давай-ка всё по порядку рассказывай. Вспоминай, как было, с чего началось. И куда могла деваться твоя Света. Может, жива ещё... Как могла она вот так просто взять и исчезнуть?..

Василий обхватил голову руками и принялся раскачиваться из стороны в сторону, как при зубной боли.

Не могла. У них ведь четверо детей, мал мала меньше. Младшей, Софии, недавно исполнилось четыре годика, далее идут Гриша и Коля, пяти и шести лет, ну и старшенький – восьмилетний Антон.

– Да я ж и говорю, Игнатич... мы со Светкой были на рыбалке. Ночевали. Утром она исчезла. Я проснулся, лодки нет,

Светки – нет... Я всё обыскал. Её нигде нету... Ни на речке, ни дома... ни у матери, ни у подруги... Сама она утопнуть не могла, хорошо плавает... плавала... с детских лет на речке... Чует моё сердце, – он стукнул кулаком себя в грудь, – беда с ней случилась...

Пётр Игнатьевич Будылин в селе уже не один десяток лет работал участковым, и годков ему уже за шестьдесят. Всякое бывало за это время, но вот такое случилось впервые. Убийство?! Или несчастный случай?! Как бы оно там ни было, нужно сообщать в район.

Он исписал мелким почерком чуть больше половины листа бумаги формата А-4 и, подвинув к Блинову, сказал:

– Пиши: с моих слов записано верно. И подпись... вот тут.

Из района прибыли водолазы и следователь по особо важным делам Игорь Андреевич Коромыслов. В сопровождении участкового и местных мужиков все отправились на место происшествия.

Водолазы искали тело двое суток, спускаясь всё ниже по руслу реки. Безуспешно. Но они продолжали поиски, несмотря ни на что. Взбудоражилось всё село. Поговаривали, что здесь такое течение, что тело могло далеко унести, так, что никто и не найдёт...

Следователь внимательно осмотрел всё вокруг. Был он человеком въедливым, с острым взглядом быстрых, глубоко посаженных глаз, с тонкими, всегда подозрительно поджатыми губами. На его счету было не одно раскрытое преступление. Даже там, где, казалось бы, никаких зацепок нет, ему удавалось напасть на нужный след. Он был горяч, но справедлив, и неумолимо жёсток с преступниками. Он заглывал жертву целиком, не оставляя ни малейшего шанса на милость.

Расследование Коромыслов начал с того, что вызвал на беседу Василия Блинова как главного подозреваемого в исчезнове-

нии жены. Следователь попросил его припомнить все события тех суток, в которые пропала его жена, и подробно изложить их на бумаге.

Участковый отвёл Василия в специальную отдельную комнату, молча дал бумагу, ручку и вышел, окинув его сочувствующим взглядом.

Василий начал вспоминать. В то воскресное утро они, оставив детей на попечение бабы Паши, матери Василия, поехали с женой в лес к реке на стареньком мотоцикле, больше-то у них никакого транспорта не было, да и этот от отца достался в наследство. Они хотели ягод и грибов насобирать, сделать заготовки на зиму. В конце июля черника вовсю налилась соком и брусника поспевала уже – лето было жаркое, ягодное. Да и рыбки хотели наловить на еду.

Щука хорошо шла на удочку. Улов был приличный. Будет чем ребятню накормить! Василий уже больше года нигде не работал, не было для него работы в селе, а на одну зарплату жены, которая мыла полы в частном магазине, да на мизерные детские пособия далеко не уедешь с такой оравой, так вот и перебивались с хлеба на квас. И рыбка тут была весьма кстати.

Решили ещё и сети поставить, раз так хорошо щука идёт. Вот тогда-то он и сцепился с пришлыми рыбаками. И чего было?.. Рыбы-то всем хватит... Сети?.. Так ведь и он ими пользуется... Правда, ещё и Светка на них наорала, да и мужики в долгу не остались. Грозилась утопить... Она тоже за словом в карман не полезла, ядрёно ответила... А разошлись-то вроде мирно!.. Но чего-то уж больно долго ещё чужаки возле них крутились...

Вечером они со Светкой разбили палатку, наварили ухи, наелись.

Он выпил водочки. И отказался идти проверять сети.

Жена спустилась к реке одна.

А он уснул, как последняя скотина. И приснился ему непри-

ятный сон. Будто жена его запрыгнула в лодку, оттолкнулась от берега веслом и поплыла без него.

– А как же я! – закричал во сне Василий, но сам себя не услышал, вместо крика получился хрип. Поднапрягся и снова заорал со всей мочи, но результат был тот же.

Тем временем лодка, подхваченная быстрым течением реки, всё больше удалялась от берега. Света спокойно стояла по центру, почему-то в ночной рубашке, и загадочно улыбалась, махая ему рукой.

Василий долго выкарабкивался из тягучего, как резина, сна. И не сразу сообразил, где находится. Глаза упёрлись в низкий брезентовый потолок, пахло прохладой и сыростью. «Ах да! – вернулся наконец он в реальность. – Палатка!»

Машинально провёл рукой справа от себя, жены рядом не оказалось.

– Куда эт она спозаранку? – буркнул себе под нос Василий, подтянулся к выходу и, став на четвереньки и раздвинув брезентовые половинки входа, высунул голову наружу.

Огляделся. Ещё не рассвело, но тьма уже рассеялась. По-над речкою тянулся густой туман.

«Грузди теперь пойдут», – с удовлетворением отметил он.

– Светка! – позвал он.

Послушал. Повертел головой в разные стороны.

Слева от палатки – стол с лавкой, ещё по прошлому году кто-то заботливо смастерил, а пользовались все, кто выбирался на это место. Рядом затушенный костерок, вечером они кашеварили тут. Справа – через несколько метров начинался густой лес.

– До ветру, наверно, пошла, – сказал сам себе и, зябко передёрнув плечами, вернулся на своё место, залез под одеяло, скрючился, обхватив ноги руками.

Василий был худой, как глист, в чём только душа держалась, и всегда мёрз. Согревался только рядом с женой, мягкой, как перина, полной – не обхватишь.

«И где её носит?» – с досадой подумал Василий, но жены не

дождался. Сон его вновь сморил. Сказалась усталость вчерашнего дня.

Он сладко похрапывал, не замечая времени. Уже солнце давно и радостно взобралось на небеса, теплом и светом наполняя летний лес. И птицы голосили что есть мочи, когда Василий наконец проснулся окончательно.

Жены рядом не было.

Лёгкое беспокойство шевельнулось в звенящей с похмелья голове, но тут же и замерло.

Натянув па себя старенькие джинсы и свитер, Василий выбрался наружу. Тепло пригревало солнце, мошкара сразу окружила его. Звенели комары, нахально присаживаясь на нос, лоб, подбородок.

Василий, досадливо смахивая с себя назойливую живность, обошёл всё вокруг. Он громко звал Светлану, сложив руки рупором возле губ, затихал на минуту, вслушиваясь в тишину, и начинал сначала.

Жена не отзывалась.

Василий спустился к реке и обнаружил, что лодки нет, а сети стоят на месте.

Вот тут-то и заподозрил неладное.

Прошёлся ещё раз вдоль реки, призывно выкрикивая имя жены взволнованным голосом. Всё напрасно.

Пришлых мужиков тоже нигде не было.

Тогда он собрал быстренько вещи, поскидал их в люльку мотоцикла и помчался домой.

Домой жена не заявлялась, понял он, увидев амбарный замок на дверях.

Сбегал к матери, та тоже её не видела, Света к ним не приходила.

Самые страшные его опасения подтверждались. Жену убили. И, скорее всего, те самые мужики, с которыми они ругались на речке. Отомстили...

Тогда он и побежал в полицейский участок.

Всё это он, как мог, с горем пополам изложил на бумаге. Перечитал. Самому не понравилось.

Когда вошёл следователь и стал опять пытаться его, что да как, он не мог и двух слов связать, перескакивал с пятого на десятое, пытаясь восстановить события того злополучного утра и предыдущих суток.

Допрос был также запрототолирован, Василий поставил свою подпись. Следователь взял с него подписку о невыезде и отпустил домой.

Василий медленно брёл по селу, уставший, надломленный. Он никак не ожидал, что окажется в роли подозреваемого. Хорошо хоть, не единственный подозреваемый, а то как детям в глаза смотреть?

С тем, что Светлана погибла, он уже смирился. Теперь нужно думать о том, как поднимать детей.

Он не спешил домой, потому что боялся вновь увидеть немой укор в глазах ребятишек. Он чувствовал себя виноватым перед ними. Больше всего ему хотелось свернуть в магазин, купить поллитровку и заглушить горе водкой. Но именно эти детские глаза, всё время мельтешившие перед его внутренним взором, не давали ему пуститься во все тяжкие.

Им-то ещё тяжелее, это Василий понимал.

После недолгих раздумий он решительно направился в сторону дома. Ему хотелось во что бы то ни стало заглазить свою вину перед дочерью и сыновьями. Он должен был заменить им мать.

Всё время Василий теперь посвящал детям – рано вставал, готовил еду... Спрашивал совета у матери, как приготовить то или иное блюдо. Он собирал и отправлял детей в садик, сам стирал им грязные вещи, развешивал на верёвке во дворе. Подсохшие – гладил и складывал стопочкой в шкаф.

На последние деньги купил продукты, но они быстро кончились. Надо было думать о том, где взять средства, чтобы прокормить детей. И Василий попросился в магазин – мыть полы вместо жены. Ему пошли навстречу.

Все соседи удивлялись: надо же, какой заботливый папаша оказался. Другие перешёптывались: с чего бы это?..

Сыновей Василий тоже привлекал к домашним делам. Они мыли посуду по очереди, подметали и протирали мокрой тряпкой полы и бельё полоскали. И в приготовлении пищи участвовали все, даже малышка Софья – раскатывала кулачком тесто на вареники с картошкой, которые затеял однажды Василий.

Было у них и своё подсобное хозяйство, в огороде выращивали картофель, зелень, огурцы, помидоры. Из живности у них были лишь куры, ребятишки кормили их самостоятельно и с удовольствием.

Баба Паша по мере сил и возможностей помогала сыну справляться с хозяйством. За неделю Василий поднаторел во многом, за короткое время научился всему, что не мог или просто не хотел освоить раньше. Даже косы дочери научился заплетать!

Отсутствие матери детям Василий объяснил тем, что она, мол, уехала в город за подарками и скоро вернётся к ним. Время подготовить детей к худшему, в случае чего, у него ещё будет. Он скажет им, что мама на небе, что смотрит оттуда на них и радуется их успехам.

Тем временем Коромыслов продолжал вести расследование. Он съездил в соседнюю деревню и там разузнал всё про молодчиков, которые были в тот день на реке и вступали в конфликт с Блиновыми. В воскресенье вечером они пришли в клуб навеселе, хулиганили, приставали к девушкам, завязалась драка с местными. В результате всех забрал участковый в КПЗ, где они

провели ночь и оставались там до самого вечера, пока не выяснились все обстоятельства драки и не состоялось примирение сторон. Он допросил свидетелей и самих участников конфликта, после чего попросил их никуда из деревни не уезжать до окончания следствия.

Не всё рассталось в показаниях свидетелей и этих молодцев, нужно было ещё кое-что до конца выяснить. Когда на самом деле они вернулись из леса? Тут показания-то и расходились. Придётся ещё раз съездить туда и походить по домам. Может, найдётся какой ни на есть старый дедок или ребяшня где рыбалила... А то слишком уж нарочитой получается драка. Будто специально затеяли, чтобы алиби себе заработать. Очень важно установить точное время их возвращения.

Потом он ходил по селу Кипешино, где, собственно, и произошло преступление, и заводил разговоры с жителями. Выспрашивал, не встречал ли кто Светлану накануне того дня, когда она пропала, или позже? Несколько человек сказали, что видели, как Блиновы проезжали по селу на мотоцикле в сторону леса в воскресенье. А больше никто ничего и не знал. И Светку с тех пор опрашиваемые не встречали. Задавал следователь и странные, на взгляд некоторых, вопросы. Что за семья, эти Блиновы? Как они жили? Ладили ли между собой?.. Односельчане заподозрили недоброе. Судили да рядили о происшествии всяк на свой лад.

Следователю важно было зацепиться хотя бы за одну какую-нибудь тонкую нить, чтобы распутать весь клубок преступления. Должна быть причина (или их совокупность), которая привела к трагическому финалу. Он был внимателен и носился по сельским улицам, точно ястреб, только полы серого плаща развевались, а над крючковатым носом нависала летняя шляпа, прикрывавшая от солнца зоркие глаза, мимо которых ни одной детали не проскользнуть.

У него в разработке было несколько версий, и каждую он должен был тщательно проверить. Главным подозреваемым у

него оставался муж исчезнувшей женщины – Василий Блинов. Важно было собрать улики, которые помогут сложить картину преступления. Потому он и кружил по селу, заглядывая практически в каждый двор.

Дошла очередь и до соседей. И первой в его списке была бабушка Марья, которая проживала в маленькой кособокой избушке с подслеповатым окошком, выходящим на полусгнившее крылечко. В ограде беспорядочно росла высокая трава. Запустение бросалось в глаза и действовало на следователя раздражающе.

– Бабушка Марья, – позвал Коромыслов громко, потому что участковый сказал, что она глуховата.

– Иду-иду, милый, – сказала бабушка, шамкая беззубым ртом, она спускалась с крылечка, опираясь на палочку.

– Бабушка Марья, вы про Светлану Блинову слышали?..

– А? – спросила бабушка и подставила ухо, освободив его от платка, и вся обратилась в слух.

– Я говорю, – закричал следователь ей в ухо, – вы слышали, что соседка ваша пропала, Светлана?..

– Ой, да не кричи ты в самое прямо ухо, дьявол тебя возьми, оглушил совсем, – прошамкала бабушка.

– Я про Блиновых интересуюсь... – повторил Коромыслов, чуть отстранившись от бабушки.

– А чегой-то про них спрашивать?! Обныкнавенные люди.

– Не замечали ли вы чего странного в поведении Василя? Не обижал он жену свою?

– Не, не-ет! Куды там, – махнула рукой бабушка. – Васька, он хоть и раздолбай немножко, но не злобивый. Нормально они жили. И мне когда чем помогут, то хлебушек принесут, то водичку... Васька-то попрошу – завсегда уважит... Да и Света тоже.

Дальше по линии – сосед, не просыхающий от пьянки. И тоже подворье всё на ладан дышит.

– А? Что? Кого? – таратил испуганные похмельные щёлочки

сосед на посетителя. – Васька-то... ик?.. Нор-ик-малль-льный мужик. Во такой вот! – и поднял большой палец вверх. – Он мож-ик-жет, конечно! Но что б Светку? Жену? Не-ет!

И ещё два двора, и ещё. Там как-то интеллигентно отмалчивались. В одном чуть псина не подрала следователя. Хозяин на неё цыкнул, присмирил. Говорили, да живут, мол, бедненько. Васька попивает, иногда задирается. Но не так, чтобы сильно. Обычно.

Зашёл следователь в магазин. Очередь, состоявшая в основном из деревенских баб, разделилась во мнениях. Одни говорили: да семья как семья, живут, как все, другие отмалчивались.

И тут продавщица, средних лет, грудастая, бойкая бабёнка, пристыдила всех:

– Вы чего, бабы?! Иль не видели у Светки фонарей под глазами ни разу? Чё вы его выгораживаете?! Да он тот ещё козёл! Понастрогал детей, а сам и работать не хочет, и дня не пройдёт, что б ни залил шары свои бесстыжие... А Светка и дома, и на работе – везде... А он, кобелина, ещё и руки распускает.

– Вот-вот! – услышался голос из толпы. – Вы обратили внимание на то, как Васька изменился в последние дни?! Пить совсем перестал, сам управляет с детьми, работать даже пошёл... Очень подозрительное поведение! Он явно что-то скрывает...

– Скажите, красавицы, а накануне (это слово следователь особо выделил интонационно) прошлого воскресенья вы ничего странного за Василием не замечали?.. Ну, может, говорил он кому-нибудь что-нибудь?..

– Да вроде нет...

– Всё как обычно...

– А мы и не видели его, на другом конце села живём...

И опять галдели женщины, спорили. Кто-то соглашался и жалел Светлану, другие говорили, что все мол так живут, что уж тут... Живут... а её-то уже и нет...

– И чего рты раззявили? – раздался вдруг низкий голос от

самой двери магазина. Грузная женщина со строгим лицом, похожая на перетянутую в разных местах колбасу, стояла, широко расставив сарделечные ноги, торчащие из-под серой юбки, скрывающей колени, и с вызовом смотрела на всех. – Колька убил, полюбownik её. Он грозился, я слышала.

– Да окстись ты, Матрёна, какой полюбownik?!

– Точно говорю.

– Да сроду ничё не было... выдумываешь всё... никогда за ней не водилось... Да и у него семья... – опять загалдели женщины.

– Спасибо, бабоньки, вы мне очень помогли, – усмехнулся Коромыслов. И вышел из магазина озадаченный.

Разузнал про этого Кольку, разговаривал и с ним, и с соседями, и с Колькиной женой.

Подозрительным показался следователю Колька. Что-то уж больно волновался он. Краснел, бледнел. Похоже, что у них с Блиновой Светланой точно роман был... Может, это действительно он пришиб полюбownikу свою. Мотив?.. Да хотя бы ссора. Скажем, чтоб жена не узнала... Поругались голубки, а он её возьми да садани кулачином, вон они у него какие, пудовые, мало, что сам жилистый... мужик, одним словом. Ну и зашиб до смерти. А концы в воду... Но у него было алиби: во время предполагаемого убийства он никуда из дома не отлучался, тому несколько свидетельств, помимо заинтересованных лиц – близких родственников: жены и детей.

На следующий день Коромыслов опять кружился по селу, вглядываясь по-ястребиному в каждого, кто попадался на его пути. Через дорогу от дома Блиновых стояла крепкая женщина, облокотившись о высокий забор. Следователь подошёл, поздоровался. Представился.

– Да знаю-знаю, – вместо приветствия произнесла женщина. – Кто ж вас не знает?.. Про Блиновых небось пытаться будете...

– Так уж и пытаться, – оглядывая крепко, по-крестьянски

сбитую, хотя и не молодую уже бабу, осклабился следователь, думая о том, что такая и сама кулачком махнёт да и прибьёт ненароком.

– А я и сама скажу. Вы вот ходите всё мимо, а я-то как раз и могу дать вам ценную информацию.

Следователь заинтересованно встрепенулся, сдвинул левой рукой шляпу со лба вверх.

– Ну, слушаю, – не выдержал.

– А ты не понужай, чай не лошадь...

– Извините, я слушаю вас.

– Он убивец! Васька! Они перед этим дня за два гулевали. С имя ещё мужики были какие-то... И вот Васька-то с топором бегал за Светкой и орал на всю Ивановскую, что убьёт, мол. К Лёньке шалопутному приревновал... Господя, уж к кому, к кому...

«Фу ты, в конец запутали, – чертыхнулся про себя Коромыслов. – То Колька, то Лёнька... Тут надо поразмыслить».

И он отправился к Лёньке.

Тот подтвердил, что Васька гонялся за Светкой и обещал убить.

Ещё двое односельчан, которые в тот вечер гуляли у Блиновых, рассказали то же самое.

Всё сводилось к тому, что это именно Блинов убил свою жену из ревности. Все другие версии отпадали одна за другой, там были железные алиби. И у Кольки, и у мужиков из соседней деревни, куда он успел ещё наведаться.

У Блинова алиби не было – он единственный, кто был рядом с женой в тот роковой день: у него была возможность и был мотив.

Оставалось найти тело. Этот процесс следователь держал на контроле.

Пока результатов не было, хотя поисковики тщательно осмотрели всё вокруг и продвинулись далеко вниз по течению реки.

И вот сообщили, что обнаружена лодка, и, похоже, она принадлежит Василию, что предстояло ещё проверить. Водолазы обследовали вокруг каждую пядь подводного царства. Тела не было нигде.

Следователь побывал на месте происшествия во второй раз и более тщательно всё осмотрел.

Немного в стороне от того места, где стояла палатка, он обнаружил еле заметные следы: примятую местами траву, поломанные ветки кустарника, будто кто-то волок что-то тяжёлое от палатки к реке. Ближе к берегу след становился ещё малозаметнее, оно и понятно, времени-то сколько прошло! И чего это он сразу с этой стороны невнимательно место осмотрел?..

Опаньки! А вот и косыночка... Чья она? Светланы?!

«Её!» – подтвердил участковый. Он хорошо помнил эту броскую ярко-жёлтую косынку в красных цветах, такой ни у кого в селе больше не было.

Наконец все пазлы сошлись. Коромыслов удовлетворённо потирал руки.

Вот и точка, финита ля комедия! Теперь убийца во всём сознается. Расскажет и то, куда дел труп. Коромыслов был очень доволен собой.

Он вызвал Василия и стал снова, более подробно расспрашивать обо всём, что случилось.

Блинов путался с ответами. Повторял одно и то же по нескольку раз и никак не мог понять: что же от него требуется.

После долгого изнурительного допроса и путаных показаний подозреваемого следователь вдруг жёстко сказал:

– Это вы убили свою жену, Блинов.

– Я?.. Нет! Почему?.. Зачем... у нас дети... я любил Свету... я... мы... – лепетал растерянный, просто убитый Василий.

– Хватит бегать, Блинов, как заяц. Будь мужиком! Просто сознайся, что ты убил!

Коромыслов, сощурив змеиные глаза и поджав губы, смотрел, казалось, в самую душу Василию. Тот смутился оконча-

тельно, занервничал. И, хватая воздух раскрытым от растерянности ртом, не знал, что ответить.

– Ну! – поторопил его следователь.

– Я не... убивал... это не я...

– А кто тогда?! – сощурился следователь, нависая над Василием.

– Так мужики же...

– У них железное алиби, я проверял, – быстро сказал следователь. – Когда они вернулись – видели полдеревни, успели молодцы там накуролесить. А в это время, судя по вашему рассказу, женщина была ещё жива. Так что не срастается. А вот у вас, уважаемый (это слово он сказал с язвительной насмешкой), алиби-то и нету. Так кто же мог убить её, если не вы?

– Н-не з-знаю, – сказал Василий, глядя на следователя испуганными глазами.

– Вы! Вы убили свою жену. И не надо отпираться. Во-первых, у вас нет никакого алиби. Но самое главное, у вас был мотив.

– М-мотив? К-какой мотив? – спросил Василий, он никак не мог совладать с собой и всё время заикался.

– Самый что ни на есть настоящий. – Он сделал коротенькую паузу, после чего продолжил: – Вы, Василий Петрович, убили свою жену из ревности. Ведь так? Так! И вы не можете этого отрицать по той простой причине, что это так и есть. Накануне вы поссорились со своей женой, верно?..

– Да, кажется...

– Ваши соседи слышали крики и то, как вы грозились убить свою жену...

– Да, кричал, но не хотел... – Василий сидел пунцовый и часто-часто моргал.

– И вот вы исполнили своё обещание, – не слушая обвиняемого, продолжал следователь. – Вы вывезли её в лес, там и прикончили... Удобно. Прибили, и концы в воду. А потом прибежали в полицию и изобразили несчастного мужа.

Только вот одного не учли: правда всегда вылезет наружу.

– Я не убивал, – стоял на своём Блинов.

– Ой, да ладно уже здесь из себя строить... Сознайся лучше. Чистосердечное признание облегчит наказание. Срок дадут меньше. Тем более из ревности... Иначе пойдёшь на полную катушку.

Следователь стоял прямо перед Василием, и взглядом, как пулей, пробивал мужика навывлет. Василий молчал.

– Ну что ж, не желаешь?! Так и не надо! Сейчас поедем на место убийства (Василий вздрогнул) и там ты всё расскажешь и покажешь: как ты совершил убийство своей жены.

– Рассказывай и показывай, – приказал следователь Блинову, когда они вместе с участковым и понятыми прибыли на место происшествия. – Как ты это делал. Как убивал жену.

– Не убивал, – стоял на своём Василий.

– Не убиваал!!! – взвился следователь. Пара слов нецензурной брани слетела с его губ.

– Не хочешь говорить?! А этот след, вот этот, – он схватил Василия за руку и рванул к себе. – Смотри! Видишь! Вот тут прекрасно видно, как ты тащил тело убитой тобою жены до самой воды, а там сбросил его... И косыночку потерял, не заметил, как слетела с головы убитой...

Василий съёжился, как от удара хлыста.

– Не хочешь говорить?! Тогда я расскажу тебе, как всё происходило. Накануне вы пьянствовали у вас дома. Ты приревновал свою жену... – немного замешкался он.

– К Алексею Пудкину, – подсказал участковый.

– Да, именно! И гонялся за женой с топором, грозясь убить. Но. Не смог догнать. И не убил в тот раз. Но ты тщательно спланировал убийство. Ты уговорил жену свою, Светлану Блинову, поехать с тобой на рыбалку. И специально, заметь, специально спровоцировал ругань с мужиками, совершенно (тут он сделал акцент) на пустом месте. Те признались, что мужик им попался какой-то неменяемый. Вечером вы легли спать. Так?..

– Так, – машинально кивнул Василий.

– И вот тут-то ты, дождавшись, когда жена крепко уснёт, придушил её и потащил к реке. Вот в этом самом месте. И сбросил в реку. Точно?..

– Ага, – мрачно подтвердил Василий, облизывая пересохшие губы.

– Ну, вот и всё, – сказал следователь и обвёл торжествующим взглядом всех, кто был рядом. – Это значит что? Что ты, Василий Блинов, убил свою жену. В чём чистосердечно признался...

– Не убивал, – отказался Василий.

– Хорошо, – угрожающе произнёс следователь. – У тебя будет время подумать. Ночь посидишь в КПЗ, вспомнишь всё, как оно было. И сам, слышишь, сам расскажешь обо всём.

Они подъехали к полицейскому участку. Молча выгрузились. Василий в сопровождении участкового зашёл в узкую комнатку с решётками на окнах.

– Эх, Вася-Вася, – вздохнул Пётр Игнатьевич, осуждающе качая головой, и закрыл его на замок.

Василий вздрогнул от щелчка ключа в замочной скважине. С этой минуты начался новый отсчёт времени длиною в целую жизнь.

Медленно сгущались сумерки. Он сидел на полу, прижавшись к стене головой, и никак не мог упорядочить лавиной валившиеся на него обрывки мыслей и голосов, которые слышались ему явственно.

«Уж не схожу ли я с ума? – мелькнула у Василия шальная мыслишка. – Может, всё это просто мне снится?.. – Он даже ущипнул себя за ногу. – Что же такое? Что со мной происходит?! Так ведь и вправду можно сойти с ума... Надо взять себя в руки, – встряхнул он измученной головой. – Что же теперь будет?! А будет тюрьма. А как же дети?! Как они будут одни в этом мире?.. Без матери (тут он скорчился от боли)... Без отца?..»

О детях надо было думать раньше, когда совершал преступление, сказал ему следак. А как же он может не думать о них?..

Он не спал всю ночь. Он вспоминал их жизнь со Светкой, с самого первого дня, как он увидел её, красивую, пышущую здоровьем, как влюбился, как сделал предложение. А потом была свадьба, скромная, но счастливая. И жизнь у них была поначалу очень даже счастливая. Дети пошли. Они работали, и он, и она. И дом у них был хотя и небольшой для теперешней-то семьи, но уютный в целом. Мебели, правда, маловато, бедненько, но ведь не это главное.

– А что главное? – задавал себе вопрос Василий и ответить не мог.

Он вдруг понял, что как-то не очень-то и баловал свою Светку. А последние годы пить стал, работу потерял, совсем не помогал ей по хозяйству, по дому... Весь быт, дети – всё было на ней. А ведь это так сложно.

И понял он это только теперь, когда сам остался с детьми и взял на себя все те заботы и хлопоты, которые несла на своих плечах его жена, совсем ещё девчонкой выскочившая за него замуж, она на десять лет моложе него... Он понял, что как-то не так, как-то неправильно жил. И винил себя за то, что загубил жизнь её, свою, а заодно и собственных детей.

Василий глубоко страдал, оттого что теперь ничего исправить нельзя. Да, это он убил свою Светку.

Убил!!! Убил?! Он аж похолодел от внезапно кольнувшей в сердце мысли. Потом его прошиб пот.

Тогда, на рыбалке, он не просто выпил, а напился так, что лыку не вязал. Светка ругалась, что сети проверять нужно, и тащила его за шкуру куда-то, а он отмахнулся, это он помнит. А дальше... Что было дальше?.. Полный провал в памяти. Допился!!!

Он помнил лишь тот момент, когда очнулся, а Светки рядом нет. Неужели это и вправду он?.. Да нет-нет, не может этого быть!.. Или всё-таки?..

Первые лучи солнца, пробравшиеся в щель через закрытые ставни, были для него своего рода спасением от тревожных горестных дум. Скоро весь этот кошмар закончится. А потом начнётся новый кошмар. Но это уже будет потом.

А за ним всё не шли и не шли, продолжая мучения неизвестностью. Именно сейчас Василию никак не хотелось оставаться со своими мыслями наедине. Ему всё мерещилась жена его. Она приходила к нему, как живая, когда он на мгновение забывался, и спрашивала:

– За что, за что ты меня убил?! Вася!..

А он улыбался ей и, подобно Шурику из кинофильма «Кавказская пленница», застёгивал на спальном мешке замок до конца, так, что скрывалось лицо жены, и тащил её вниз к берегу, и сбрасывал в речку, и подхваченный течением мешок уносился всё дальше и дальше, пока совсем не исчезал из виду.

Он отбивался от этих видений как мог...

И вот наконец щёлкнул замок, дверь отворилась. Участковый зашёл в комнату и дрогнувшим строгим голосом сказал:

– Выходи.

Длинный коридор привёл конвойного и конвоируемого к кабинету участкового, там ожидал их следователь.

Прямой и решительный Коромыслов с правильными суровыми морщинами, избородившими его лицо, поглядел прямо в глаза Василию и спросил:

– Ну, что скажем, Блинов?.. Кто же всё-таки убил Светлану?..

– Я... да... это я её убил... – выдавил из себя по слову Василий, кровь пульсировала у него в голове так, что уши закладывало. Казалось, ещё немного и он потеряет сознание.

– Что и требовалось доказать! – сказал следователь в пустоту, ни на кого не глядя, с чувством исполненного долга.

– Уведите! – сказал следователь.

Участковый опять повёл Блинова в изолятор.

В кабинет к Коромыслову просунулась голова охранника.

– Ну что там ещё? – обронил Коромыслов, словно от мухи отмахиваясь от письма. Однако взял, быстро развернул, пробежав первые строчки глазами, побледнел. Перечитал. Дошёл до конца. Снова изменился в лице до пунцовости. И опять кровь отхлынула от его лица.

До его сознания никак не доходила новая информация. Он не мог поверить своим глазам. Как же так?! Дело было ясное, верное. Такого в его практике ещё не было, в послужном списке – одни победы. Он, ярый борец за справедливость, никогда не допускал в своей работе ошибок. Пока не докопается до сути, никогда не будет обвинять. Не зря же у него хорошая репутация, заработанная, между прочим, годами самоотверженного служения Фемиде. Репутация, которой он дорожил и очень гордился. Он никогда не проигрывал. И вот теперь... такой чудовищный просчёт.

Он вдруг сник. Сдулся, словно воздушный шарик. Ссутулится, опустился на стул, от его уверенности и важности не осталось и следа.

Блинова снова вызвали в кабинет. Следователь небрежно крутил в руках письмо, рассматривая штемпель. На вошедшего он даже не взглянул.

– Снимите наручники, – приказал Коромыслов хриплым голосом.

– Не понял? – растерялся Пётр Игнатьевич.

– Я непонятно, что ли, выражаюсь! – взорвался следователь. – Снимите с него наручники.

Участковый вздрогнул, но приказание исполнил, всё ещё ничего не понимая.

Все стояли, не меняя положения, застывшие, словно восковые фигуры.

– Ну, что вы стоите как истуканы! – снова рявкнул взбесив-

шийся следователь. – А ты иди давай отсюда, – грубо обратился он к Василию.

– Куда? – не понял Василий.

– Куда-куда! Раскудахтался!.. Домой, к детям!

Следователь окинул Василия презрительным взглядом, как будто о чём-то сожалея. Как будто обещая когда-нибудь добраться до него. И обязательно посадить!

Василий не заставил дольше уговаривать себя. Он пулей выскочил из кабинета и чуть ли не бегом помчался домой, всё ещё ничего не понимая. Василий ощущал лишь одно. Свобода! Хотя и краткосрочная. Сжалились, отпустили проститься с детьми.

На полдороге он вдруг сбавил обороты, перешёл на медленный шаг, а оставшиеся несколько метров и вовсе поплёлся кое-как.

Суровые, как сама действительность, его одолевали мысли. Ну вот что он скажет сейчас своим детям?! Как поглядит им в глаза?.. Ты почто мамку убил, спросят они его. А что он им ответит?.. Нет у него ответа на их вопросы.

– Васька, тебя выпустили, что ли?.. – окликнул его кто-то, но он никак не отреагировал, всё вокруг было зыбким, расплывчатым, словно во сне или в бреду. Проплывали мимо странные лица, мужские, женские, проходили мимо деревья, укоризненно качая ветками и перешёптываясь... качалась навстречу улица...

– Да он пьяный... – услышал он опять, обернулся, посмотрел мимо стоявшей группы деревенских баб, энергично обсуждавших последние сельские новости.

Возле калитки Василий и вовсе остановился. С минуту постоял, прислонившись к берёзе лбом. Мысленно выругав себя за малодушие, шагнул вперёд.

А дети, будто ждали, грушами повисли на нём, обнимая его худенькими ручонками.

– Простите меня, родные, – тихо сказал Василий, едва сдерживая подступающий к горлу комок.

Он хотел проститься и уйти.

Подняв глаза, увидел мать. Она стояла напротив и молча наблюдала за свиданием отца с детьми. Выражение её лица было странным, немного растерянным, виноватым, радостным и печальным одновременно.

– Мама! Что? – спросил тревожно Василий.

Баба Паша молча протянула сыну сложенный вдвое вырванный из школьной тетрадки лист бумаги, исписанный мелким, очень знакомым почерком.

За несколько мгновений лицо Василия изменялось до неузнаваемости. Удивление, радость, грусть, тоска... и чем больше он вчитывался в строки и не по одному разу, тем мрачнее становился.

Это была весточка от жены, Светки, оказавшейся вполне себе живой и здоровой. Письмо доставила почтальонша Маруся бабе Паше рано утром.

Прочитав его, мать заголосила на всю округу и сразу помчалась в контору, попросила сделать ксерокопию, а оригинал тут же передала следователю. Вот это-то письмо, а вернее, знакомство с его содержанием, и повергло Коромыслова в жуткую хандру и депрессию. Как, впрочем, и Василия Блинова.

Светлана писала о том, что жива-здорова, просила не беспокоиться о ней. Она сейчас живёт в Геленджике, каждый день купается в Чёрном море. Работает штукатуром-маляром на стройке, снимает жильё. Всё у неё хорошо. И она наконец-то счастлива. Почему уехала? Устала. Надоела ей такая скучная, серая, беспросветная жизнь. Она работала как лошадь, и хозяйство всё на ней, а её муженёк работу потерял, частенько напивался, да ещё, бывало, и руки распускал. Непонятно, к кому ревновал, к коровам, что ли?.. Вот и сбежала. Одна. Никто ей не нужен. Никогда раньше она нигде не отдыхала и моря не

видела. А море, оно такое тёплое. И красивое. И она тут счастлива. И домой возвращаться не собирается...

Больше всего в этом письме Василия поразило и даже убило то, что жена ни словом не обмолвилась о детях. Не спросила: как, мол, там они без неё живут? Скучает ли она по ним, они по ней? Ни словечка!

– За что она так с нами?! – растерянно спросил Василий у матери. – Ну ладно я? А дети-то в чём виноваты?..

Не дождавшись ответа, повзрослевший Василий заплакал.

12 октября 2016 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

БЕРЕГ ДЕТСТВА

Сенокос	7
Семеро одного не ждут	14
Кашеево озеро	18
Люди и медведи	29
Ня. Пока. «Минус один...»	45
Всё начинается с вешалки	76
Фабрика грёз	85
Вечерний рейс	94
Дверь в лето	107

СВОБОДНОЕ ПЛАВАНИЕ

Песчаная эфа	113
Светотень	134
Розыгрыш	150
Бабочка на окне	157
А жизнь прекрасна	165
Притяжение	176
Красиво жить не запретишь	209
Страшная месть	216

Галина ВЕЧ

Светотень
рассказы

Редактор: А. А. Самойлова
Корректор: Н. Л. Гриневич
Вёрстка: А. А. Самойлова

Сдано в набор 10 марта 2018 г.
Подписано к печати 24 марта 2018 г.
Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная.
Ганитура Minion Pro.
Усл. печ. л. 10,46.
Тираж
Заказ

Отпечатано в Издательском Доме «ОСТ»
id-ost@mail.ru

По заказу литературного агентства «Нео-Лит»
г. Барнаул, ул. Чернышевского, 59, каб. 403
altay.neo-lit@yandex.ru
тел. +7-933-311-3661
https://vk.com/agentstvo_neo_lit

Книга издана при содействии
литературного агентства

НЕО-ЛИТ

Галина Веч родилась на Алтае, в посёлке Многоозёрный. С красным дипломом окончила Барнаульское культпросветучилище, работала в сельском клубе с. Большой Калтай. В 1984 году, отучившись в Алтайском государственном институте культуры, отделение «Режиссура театра», переехала с семьёй в Сургут. Член Союза журналистов, более 25-ти лет проработала в районной газете «Вестник».

Галина ВЕЧ
СВЕТОТЕНЬ
рассказы

Барнаул
2018